
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО
ЖУРНАЛ
№ 4 (16) 2018

Издательство
«МГИМО-Университет»
2018

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,
канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);

Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);

Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);

Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);

Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Тула, ТГПУ им. Л.Н. Толстого).

Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);

Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 4 (16) 2018 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 136 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов. Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2018

© Коллектив авторов, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алексахин А.Н.

О фонологической системе русского языка как объективной основе совершенствования правописания орфограмм слов русского языка (Взгляд со стороны звукобуквенного стандарта слова китайского языка путунхуа) 5

Коновалова М.В.

Эвокативное воздействие в информационных и аналитических жанрах 11

Маллаева З.М., Маллаева С.Д., Ибрагимова Л.И.

Семантическая роль субъекта и объекта в каузативной конструкции (на материале аварского языка) 22

Мирзоева Г.Т.

Метафора в науке и языке художественной литературы 31

Храмченко Д.С., Радюк А.В.

Синергизм персуазивной прагматики в английском дискурсе масс-медиа. 38

Perederiy, E.B.

Estereotipos de lo bonito y lo feo (a base de las locuciones estables) 45

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Дементьев А.В.

Сопоставительный анализ обособленных аппозитивных конструкций в испанском и русском языках 53

Иванов Н.В.

Смысловые оппозиции в переводе: образ – прагматика – референция 61

Микаэлян Ю.И.

Юмористическая проза С. Довлатова: возможности перевода и культурной адаптации (на примере повести «Заповедник») 69

Толмачёв Н.А.

К вопросу об адекватности перевода текстов религиозного характера 79

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Мартыненко И.А., Бородина Е.А.

Когнитивная лингвистика: современные тенденции и практика её применения в вузе. 85

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бочина Т.Г., Ясин Чэнь

Лингвокультурный минимум в зеркале интернет-игры в антифразы 93

Кизима М.П.

Синтез документального и художественного в депешах Маргарет Фуллер из революционного Рима . . 99

Фаттахова Н.Н.

Псевдоприметы: верить или нет? 106

Хадеми Могаддам М., Резаи М.

Сопоставительный анализ персидских фразеологизмов с компонентом чёрного и белого цветов и их русских эквивалентов 114

Хушкадамова Х.О.

Языковая ситуация в таджикском социуме 120

РЕЦЕНЗИИ

Цыбова И.А.

О хрестоматии по общему языкознанию 131

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Alexakhin A.N. PHONOLOGICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS THE OBJECTIVE BASIS FOR IMPROVING SPELLING OF THE WORDS (FROM THE POINT OF VIEW OF A SOUND-LETTER STANDARD IN CHINESE PUTONGHUA).....	5
Konovalova M.V. EVOCATIVE INFLUENCE IN INFORMATION AND ANALYTICAL GENRES.	11
Mallaeva Z.M., Mallaeva S.D., Ibragimova L.I. SEMANTIC ROLE OF SUBJECT AND OBJECT IN CAUSATIVE CONSTRUCTION (IN AVAR LANGUAGE)	22
Mirzoeva G.T. METAPHOR IN THE LANGUAGE OF SCIENCE AND IN FICTION	31
Khramchenko D.S., Radyuk A.V. SYNERGISM OF PERSUASIVE PRAGMATIC EFFECT IN ENGLISH MASS-MEDIA DISCOURSE	38
Perederi E.B. STEREOTYPES OF BEAUTY AND UGLINESS (ON THE BASIS OF SET FIGURATIVE COMPARISONS)	45

TRANSLATION SCIENCE

Dementiev A.V. COMPARATIVE ANALYSIS OF SEPARATE APPOSITVE STRUCTURES IN SPANISH AND RUSSIAN	53
Ivanov N.V. COGNITIVE OPPOSITIONS IN TRANSLATION: FIGURATIVENESS – PRAGMATICS – REFERENCE.....	61
Mikaelyan Y.I. SERGEI DOVLATOV'S HUMOROUS PROSE: TRANSLATION AND CULTURAL ADAPTATION POSSIBILITIES (ON EXAMPLE OF HIS NOVEL "ZAPOVEDNIK").....	69
Tolmachev N.A. CONCERNING ADEQUACY OF TRANSLATION TEXTS OF RELIGIOUS CHARACTER	79

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENT APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Martynenko I.A. , Borodina E.A. COGNITIVE LINGUISTICS: GENERAL TRENDS AND PRACTICES OF APPLICATION IN A LAW SCHOOL	85
---	----

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

Bochina T.G. , Yaxing Chen LINGUO-CULTURAL MINIMUM IN THE MIRROR OF THE "ANTI-PHRASES" INTERNET GAME.....	93
Kizima M.P. SYNTHESIS OF DOCUMENTARY AND ARTISTIC APPROACHES IN MARGARET FULLER'S DISPATCHES FROM THE REVOLUTIONARY ROME	99
Fattakhova N.N. PSEUDO-OMENS: BELIEVE THEM OR NOT?	106
M. Khademi Moghaddam, Rezaei M. COMPARATIVE ANALYSIS OF PERSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COMPONENT OF BLACK AND WHITE COLORS AND THEIR RUSSIAN EQUIVALENTS	114
Khushkadamova H.O. LANGUAGE SITUATION IN TAJIK SOCIETY.....	120

REVIEWS

Tsybova I.A. ON THE READER ON GENERAL LINGUISTICS.....	131
--	-----

О ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТИВНОЙ ОСНОВЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОПИСАНИЯ ОРФОГРАММ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА (ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ ЗВУКОБУКВЕННОГО СТАНДАРТА СЛОВА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПУТУНХУА)

А.Н. Алексахин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Фонологическая система является объективной основой звуковой системы языка человека. Фонологическая система каждого языка является уникальной. Фонологическая система русского языка определяется консонантной доминантой, а китайского языка – вокальной доминантой. Это фундаментальное различие двух фонологических систем отражается в буквенных орфограммах слов русского и китайского языков. Для орфограмм слов русского языка характерно наличие устойчивых групп согласных букв (вздрогнуть, брызг), для орфограмм слов китайского языка характерны устойчивые группы гласных букв (guii «поворачивать», kuii «кусок»). Сопоставление фонеморядов русских и китайских слов обнаруживает в сравниваемых языках общее. В обоих языках звуковое разнообразие слова как максимум достигается наличием пяти производных фонологических нулей, которые фонетически в русском и китайском языках реализуются слабыми гласными: «вздрогнуть» [в°з°д°рог°нут°], gii⁵⁵ – gii «дитя». В русском и в китайском языках слабые гласные дифференцируют фонемные ряды слов (книга – книгу, tai⁵¹ «продавать» – tai⁵¹ «шапка»), а также способны, не дифференцируя фонеморядов слов, обеспечивать речевую реализацию предшествующих согласных. Последние дифференцируют фонеморяды слов и поэтому считаются фонемами. При этом слабые гласные обобщаются производными фонологическими нулями и совпадают с нулевой фонемой: «вздрогнуть» [в°з°д°рог°нут°], di⁵¹ zi⁰ [di⁵¹ z°] «живот».

Ключевые слова: фонема, доминанта, буква, алфавит, орфограмма.

Сравнительное изучение русского и китайского языков в новом веке продолжает оставаться актуальным, так как является необходимым условием совершенствования научной базы нарастающего межъязыкового взаимодействия народов России и Китая.

Языки человека развиваются в имманентно присущей им природной материи, образуемой звуками речи, которые в каждом языке

базируются на объективно существующей конкретно исторической системе фонем. Именно фонемы, выявляемые в результате лингвистического анализа, кодируются буквами и в виде определённого списка букв образуют алфавит соответствующего языка [1, с.38]. Буквенный алфавит китайского языка «путунхуа» 普通话 (государственный язык КНР) был создан на основе фонологической системы языка Пеки-

на и директивно принят в 1958 году. Прошедшие шестьдесят лет совершенствования правил написания орфограмм слов и социальной практики использования буквенных текстов продемонстрировали огромное значение алфавита в деле распространения путунхуа как языка посредника в условиях многоязычия Китая и обеспечения лингвистической интеграции китайского социума на основе достижения полной грамотности населения. Поэтому статья 18 «Закона КНР о государственном языке и письменности» (2001 год) предписывает введение иероглифической и буквенной письменностей в качестве обязательных объектов для изучения в начальной школе КНР [4, с.23]. Китаизированными буквами (中国化的字母 чжунгохуа дэ цзыму так назвал эти буквы «отец китайского алфавита Чжоу Югуан 周有光»), которые были разработаны на исходной базе списка букв латинского алфавита, по орфографическим правилам, разработанным на основе грамматики китайского языка, были записаны все слова китайского языка путунхуа. Именно таким звукобуквенным стандартом слов пользуются в КНР более восьмисот миллионов интернетпользователей.

В общем языкознании принят постулат: по своей сущности язык человека един. Во второй половине двадцатого века сравнительное изучение китайских фонологических систем и фонологической системы русского языка как типичного представителя индоевропейских языков пришло к выводу о том, что в основе звуковой системы языка находится согласно гласная (СГ) оппозитивная коартикуляция [3, с. 67-92]. Оппозитивная (согласные всегда левые в слоге, а гласные всегда правые в слоге и могущие самостоятельно образовывать слог) СГ коартикуляция речевого аппарата человека характеризуется колоссальными полифоническими возможностями и в любом языке образует ядерную производящую оппозицию или противопоставление. И именно оно порождает производные оппозиции левой подсистемы согласных фонем и правой подсистемы гласных фонем, объединяемых в одну систему нулевой фонемой.

В китайских фонологических системах явно обнаруживается имманентная характеристика СГ коартикуляции: согласные как левые члены не появляются в речи без гласных как правых членов. Согласные китайских фонологических систем (более миллиарда говорящих) не могут образовывать слоги самостоятельно, а гласные могут. Эти системообразующие характеристики

согласных и гласных исторически закрепились в терминах китайской традиционной фонологии со второго века нашей эры. Гласные называются «материнскими» звуками, согласные – «сыновними», «муинь» 母音 и «цзыинь» 子音 соответственно. Репрезентативные экспериментальные данные разных языковедов второй половины двадцатого века убедительно показывают то, что и в русском языке как иносистемном по отношению к китайскому языку согласные манифестируются в речи с постконсонантными гласными звуками слабой степени акустической определённости типа «вдруг» [в^бд^бруг^б] и что «любая речевая последовательность произносится человеком как последовательность открытых слогов» типа СГ [5, с. 139].

Из формулы ядерной производящей оппозиции следует, что фонемы исчисляются по выдержке $1:0:1$, а звуки, не достигающие выдержки, производятся в результате артикуляторного движения от относительно индифферентного уклада до выдержки, и это определяется формулой СГ коартикуляции $1 < 0 < 1$. Квантитативность фонологических систем в синхронии исчисляется в виде натурального ряда чисел, включающего два подмножества относительно нулевой фонемы, являющейся общей для всех языков и в синхронии и в диахронии.

ФОРМУЛА ИСЧИСЛЕНИЯ ФОНЕМ В ЯЗЫКАХ ЧЕЛОВЕКА [4, с.277]

Русский язык	$35...1 <: 0 : < 1...6$
Китайский язык (путунхуа)	$25...1 <: 0 : < 1...34$

Основатель фонологии как науки Н.С. Трубецкой, определяя сущность фонетики русского языка, подчёркивал: «Русская фонетика основана на игре резких противопоставлений: противопоставления ударяемых гласных безударным и противопоставления мягких согласных твёрдым» [9, с.248]. Ударяемые и безударные гласные, появляющиеся в разных фонологических позициях, считая от начала слов, могут образовывать разные слова. Например, муКА и муКА, зАмок и замОк. Шесть гласных манифестируются в русских словах как сильные, или «ударяемые» по Трубецкому Н.С. Остальные редуцированные гласные реализуются как слабые, или безударные гласные разной степени звуковой определённости. Безударные гласные обеспечивают артикуляторно-фонетическое появление сильных согласных в согласно-гласных «полизвукотипах» [6, с.65], которые обобщённо

записываются буквами «Ъ» и «Ь». Буквой «Ъ» записываются все согласно-гласные полизвукотипы в сочетании с твёрдыми согласными, а буквой «Ь» записываются все согласно-гласные полизвукотипы с мягкими согласными. Например, орфограмма слова «мат» фонетически представляется как [мат^Ъ], а орфограмма слова «мать» фонетически представляется как [мат^Ь]. Эта пара слов состоит из трёх фонем и дифференцируется за счёт оппозиции твёрдой и мягкой фонем в конечной позиции фонеморяда этой минимальной пары слов. Такие редуцированные слабые гласные подводятся под нулевую фонему, которой противопоставлены все фонемы языка. Данная характеристика нулевой фонемы позволяет элиминировать с финальной позиции орфограмм слов русского языка букву «Ъ». Но это возможно только при условии сохранения в этой позиции орфограмм слов буквы «Ь». Нулевое присутствие как значимое отсутствие буквы «Ъ» достигается реальным присутствием буквы «Ь». В итоге буква «Ь» наделяется двумя значениями и поэтому является бифункциональной, так как обозначает коррелятивный или соотносительный ряд мягких согласных и слабую редуцированную гласную «ь» в фонеморядах слов типа «бьёт, пьёт, седьмой». Аналогично бифункциональной представляется и буква «Ъ», так как обозначает соотносительный или коррелятивный ряд твёрдых согласных и слабую редуцированную гласную «ъ» в фонеморядах слов типа «объезд, подъезд, въезд, подъём». А также вступает в оппозиции типа: «въезд – выезд» (слабая гласная /ъ/ образует оппозицию с сильной гласной /ы/) и редуцируется до нуля: «вход – выход, глава – голова». Бифункциональной также является буква «Й» («и» краткая). Эта буква обозначает слабую гласную или полугласную в орфограммах слов типа *майка, койка, сойка*. В такой позиции после сильной (ударной) гласной слабая гласная «й» противопоставляется своему отсутствию (то есть нулю) и образует фонеморяд в минимальных парах слов типа: *майка – мака, койка – кока, сойка – сока*. В позиции перед гласной бифункциональная буква «Й» обозначает согласный йот: *йод, йорк*. В паре слов *яйца* [йайцъ] – *яиц* [йеицъ] видна связь слабого *и*-образного полугласного «й» с сильным гласным «и». Это говорит о том, что в зоне артикуляции узкорастворной верхнеподъёмной гласной проходит граница между согласными и гласными по формуле СГ коартикуляции: $j < 0 < i$, и это же в буквах русского алфавита: $й < 0 < й \rightarrow и$.

В словах китайского языка путунхуа оппозиции слабых гласных с нулём являются продуктивным способом образования звуковой стороны слов: *tián* 田 «поле» и *tán* 谈 «разговаривать», *gā* 谷 «угол» и *guā* 刮 «дуть», *guā* 刮 «дуть» и *guāi* 乖 «послушный» [2, с. 98-111].

В словах китайского языка путунхуа действует синхронная гармония, или сингармония в сочетаемости палатально-твёрдонёбных согласных с серией узкорастворных огублённых гласных переднего ряда (твёрдонёбных), то есть палатальные (мягкие) согласные сочетаются только с палатальными (мягкими) гласными, например, *jī* 鸡 «курица», *qī* 七 «семь», *xī* 西 «запад», *nǚ* 女 «женщина», *lǜ* 绿 «зелёный», а твёрдые шипящие и свистящие согласные сочетаются с узкорастворными мягконёбными (твёрдыми) согласными, например, *shì* 是 «глагол связка», *shù* 树 «дерево», *zì* 字 «иероглиф», *cí* 词 «слово», *zhī* 知 «знать», *chī* 吃 «кушать». В русском алфавите данная закономерность действует и воплощается в виде наличия соответствующих букв. Гласные буквы: «а» сочетается с твёрдыми согласными, например, «пат», «мат»; «я» (бифункциональная буква) – с мягкими согласными, например, «пять», «мять»; «э» – с твёрдыми согласными, например, «бэта», «сэм»; «е» (бифункциональная буква) – с мягкими согласными, например, «мел», «пел»; «о» – с твёрдыми согласными, например, «вол», «мол»; «ё» (бифункциональная буква) – с мягкими согласными, например, «вёл» «мёл»; «у» – с твёрдыми согласными, например, «рука», «плут»; «ю» (бифункциональная буква) – с мягкими согласными, например, «брюки», «плющ»; «ы» – в сочетании с твёрдыми согласными, например, «был», «пыл»; «и» – с мягкими согласными, например, «бил», «пил»; «ъ» (бифункциональная буква) – с твёрдыми согласными, например, «подъём»; «ь» (бифункциональная буква) – с мягкими согласными, например, «пъём». Адекватная реализация этой закономерности в создании орфограмм слов русского языка даст возможность их оптимизировать и сделать более удобным и эффективным средством для реализации кумулятивной и коммуникативной функций письменного языка. Встречающаяся в современных орфограммах слов русского языка дискриминация букв «э», «ы», «ё» противоречит фонематическому или основному принципу буквенной письменности и создаёт необоснованные трудности в использовании письменного русского языка как для пишущего, так и для читающего. В частности поэтому трудно согла-

ситься с мнением, что «Э» «ленивая буква» [7, с.148-149] на том основании, что в словах типа «темп», «тест» пишется буква «е», но произносится твёрдый согласный [тэмп, тэст]. Большое количество заимствованных слов из английского языка, в котором нет противопоставления мягких и твёрдых согласных, но есть буква «е», вероятно, является причиной появления в русском языке неоднозначно читаемых орфограмм заимствованных слов типа «секонд хенд» вместо однозначно читаемых «сэконд хэнд», «тэмп, тэст».

Последовательное проведение фонематического принципа в создании орфограмм слов русского языка означает, что после твёрдых согласных используются гласные буквы: **а, о, э, ы, у** и полугласная **ъ**, а после мягких (палатализованных) согласных – буквы **я, ё, е, и, ю** и полугласная **ь**.

Очевидным фактом нарушения принципа фонематичности буквенного стандарта слов русского языка является смешение в орфограммах слов букв «е» и «ё»: свекла и свёкла, ежик и ёжик, телка и тёлка, передохнем и передохнём, почётный и почётный, Королев вместо Королёв, Соловьев вместо Соловьёв, Петр вместо Пётр, Артем вместо Артём. Предпочтение по рациональным непонятным причинам отдаётся букве «е». Это противоречит системной парности гласных букв алфавита русского языка, затрудняет пользование большим количеством слов русского языка. Продуктивное и грамматикализованное чередование в словах среднерастворных среднеподъёмных гласных переднего и заднего рядов [ɛ] и [o]: перепел и перепёлка, ель и ёлка, ёж и ежиха является яркой закономерностью фонетической системы современного русского языка. Трудности при чтении такого рода орфограмм русских слов особенно обнаруживаются в процессе обучения русскому языку иностранцев, в частности китайцев. Они не могут рационально понять, почему в орфограммах слов русского языка вместо буквы «ё» можно писать букву «е», а произносить и читать соответствующую орфограмму требуется с буквой «ё». Китайские студенты при первоначальном предъявлении растиражированного на улицах Москвы рекламного предложения фирмы «МАРКВЕТ» **«Все для животных»** испытывают шоковое недоумение. И после объяснения преподавателя с пониманием пишут правильную букву, устраняя оскорбительную двусмысленность рекламного предложения для русскоговорящих. Разумеется, что

преподаватели русского языка для китайских студентов вынуждены исправлять досадную и по непонятным причинам тиражируемую орфографическую ошибку в текстах на русском языке. По данным автора, дискриминация буквы «ё» в орфограммах слов русского языка стала явной привнесённой трудностью в преподавании русского языка как иностранного. Это констатируют преподаватели-русисты вузов России: МГУ, МГИМО, МГПУ. У русскоязычных школьников начальной и средней школы наблюдается раздвоение языкового сознания, когда на начальном этапе изучения правописания орфограмм слов русского языка утверждается однозначное правило написания буквы «ё», а в последующих продвинутых этапах буква «ё» заменяется буквой «е». В результате возникают двойные орфограммы слов для обозначения одного и того же. Например, «свёкла» и «свекла», «переведённый» и «переведенный», «Сычёв» и «Сычев» и т.п.

Слова с сочетанием палатализованных согласных со среднерастворной среднеподъёмной огублённой гласной заднего ряда реализуются в **системно меченых слогах**: гласная [o] в таких слогах всегда ударная или сильная. Буква «ё» в орфограммах русских слов всегда под ударением. (Сюда не относятся заимствованные слова типа «Гёделл» [8, с.139], так как в такого рода фонетических кальках копируется не существующая в русском языке гласная фонема – среднерастворная среднеподъёмная огублённая переднего ряда /ö/. И это уже проблема фонетического калькирования иностранных слов в русском языке. Думается, что она должна осуществляться на основе фонологической системы русского языка и научно упорядоченной языковой политики в создании соответствующих орфограмм слов. Это объясняется тем, что фонема /o/ реализуется в слогах с мягкими (палатализованными) и примыкающим к ним йотом. Мягкие согласные образуются с дополнительным артикуляционным движением языка к твёрдому нёбу, почему эти слоги оказываются акустически мощнее остальных. Обнаруживается, что фонетико-фонологическая система русского языка **системно мечеными слогами** обеспечивает удобное и эффективное речевое пользование огромным количеством слов. По словарной статистике на 160 тысяч слов приходится 10 тысяч слов с буквой «ё» [8, с. 11]. В китайском языке **системно мечеными слогами** являются слоги со слабыми гласными нейтрально дифференцированного связочного уклада или нейтрального

тона, на фоне которых наиболее контрастно реализуются слоги с гласными четырёх корреляций сильных связочнодифференцированных гласных [3, с.84]. Таким образом, в слогах русского и китайского языков обнаруживаются их доминанты: сонантная (вокальная) в китайском и консонантная в русском.

Усовершенствование орфограмм слов русского языка должно осуществляться на основе научного лингвистического познания (с осознанием того, «что все живые языки находятся в непрерывном движении и всякое их правописание, насколько бы ни была рациональна его политика, неизбежно фиксирует некий опреде-

лённый момент на какой-то более или менее длительный отрезок времени» [10, с.111-112]) объективных законов развития фонологической и грамматической систем русского языка и их законодательной кодификации буквами русского алфавита. Столетие современной орфографии русского языка и шестидесятилетие орфографии звукобуквенного стандарта слова китайского языка путунхуа, отмечаемые в 2018 году, демонстрируют их всестороннюю и глубокую научную обоснованность и высокую эффективность в обеспечении социального функционирования русского и китайского языков.

Список литературы

1. Алексахин А.Н. Алфавит русского языка: от революции 1917 года в России до наших дней (русско-китайские параллели) // «Концепт» 2017, №4. С. 33-40.
2. Алексахин А.Н. Теоретическая фонетика китайского языка (Базовый курс теоретической фонетики современного китайского языка путунхуа). М.: Восточная книга, 2017.
3. Алексахин А.Н. Китайские фонологические системы в межкультурном контакте Востока и Запада. М.: ВКН, 2015.
4. Алексахин А.Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква – Фонема – Звук речи – Слог – Слово. М.: Восточная книга, 2016.
5. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977.
6. Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Трунин-Донской В.Н. Общая и прикладная фонетика. М.: МГУ, 1986.
7. Панов М.В. Занимательная орфография. М.: Просвещение, 2010.
8. Пчелов Е.В., Чумаков В.Т. Два века русской буквы Ё. М.: Народное образование, 2000.
9. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Директ-Медиа, 2013. 688 с.
10. Щерба Л.В. Теория русского письма. Л.: Наука, 1983.

Сведения об авторе:

Алексахин Алексей Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России. Научная специализация – фонологические системы китайского и русского языков, теория фонологии, фонематическая и идеографическая письменности, фонологические системы китайских региональных языков, теория письменности языка человека.
E-mail: asnls@yandex.ru.

PHONOLOGICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS THE OBJECTIVE BASIS FOR IMPROVING SPELLING OF THE WORDS (FROM THE POINT OF VIEW OF A SOUND-LETTER STANDARD IN CHINESE PUTONGHUA)

Alexey N. Alexakhin

Moscow State Institute of International Relations (university) Foreign Ministry of Russia.
119454. Moscow, Pr. Vernadskogo St., 76.

The Abstract: *A phonological system is the objective basis of a human language sound system. Each language has a unique phonological system of its own. The phonological system of the Russian language is determined by the consonant dominant whereas Chinese – by the vocal one. This is the fundamental difference of two phonological systems reflected in spelling (orthogramma) of the words in Russian and Chinese. The spelling of the Russian words is characterized by a combination of consonants (вздрогнуть «flinch», брызг «splashes»), whereas in Chinese it is characterized by a combination of vowels (guǎi “turn”, kuài “piece”). The comparison of the phonemic structures in Russian and Chinese allows one to reveal some common features: a sound variety of words is provided by a maximum of five derivatives of phonological zeros, which phonetically in Russian and Chinese languages are implemented by weak vowels. Weak vowels differentiate phonemic word series; also, they can provide speech realization of the proceeding consonant. Weak vowels in this case are generalized by the derivative phonological zeros and correspond to a zero phoneme.*

Key Words: *phoneme, dominant, letter, alphabet, spelling (orthogramma) of the word.*

References

1. Aleksakhin A. N. Alfavit russkogo iazyka ot revoliutsii 1917 goda v Rossii do nashikh dnei (russko-kitaiskie paralleli) [Alphabet of the Russian language: from the revolution of 1917 in Russia to the present day (Russian-Chinese Parallels)], Moscow, "Concept" 2017, №4. S. 33-40.
2. Aleksahin A.N. Teoreticheskaia fonetika kitaiskogo iazyka (Bazovy kurs teoreticheskoi fonetiki sovremennogo kitaiskogo iazyka putunhua). [Theoretical phonetics of the Chinese language (Basic course of theoretical phonetics of modern Chinese Putunghua)]. M.: Vostochnaia kniga VKN, 2017.
3. Aleksakhin A.N. Kitaiskie fonologicheskie sistemy v mezhsivilizatsionnom kontakte Vostoka i Zapada. [Chinese phonologic systems in interciviliation contact of the East and West] M.: VKN, 2015.
4. Aleksahin A.N. Alfavit kitaiskogo iazyka putunhua. Bukva – Fonema – Zvuk rechi – Slog – Slovo. [Alphabet of Chinese language of Putunghua. Letter. Phoneme. Speech Sound. Syllable. Word]. M.: Vostochnaia kniga. 2016. 183 p.
5. Bondarko L.V. Zvukovoi stroi sovremennogo russkogo iazyka. [Sound system of the modern Russian language] M.: Prosveshchenie, 1977.
6. Zlatoustova L.V., Potapova R.K., Trunin-Donskoi V.N. Obshchaia i prikladnaia fonetika [General and applied phonetics]. M.: MGU, 1986.
7. Panov M.V. Zanimatel'naia orfografiia [Entertaining orthography]. M.: Prosveshchenie, 2010.
8. Pchelov E.V., Chumakov V.T. Dva veka russkoi bukvy io [Two centuries of a Russian letter Ё]. M.: Narodnoe obrazovanie, 2000.
9. Trubetskoi N.S. Obshcheslavianskii element v russkoi kul'ture [The Slavic element in Russian culture] // Trubetskoi N.S. Nasledie Chingiskhana. M.: Direkt-Media, 2013. S.182-258.
10. Shcherba L.V. Teoriia russkogo pis'ma [Theory of Russian writing]. L.: Nauka, 1983.

About the author:

Alexey N. Alexakhin – Doctor of Science (Philology), Professor, Head of the Department of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai languages, Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: asnls@yandex.ru.

★ ★ ★

ЭВОКАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ИНФОРМАЦИОННЫХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ ЖАНРАХ

М.В. Коновалова

Челябинский государственный университет,
454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129

Статья посвящена анализу эвокативного воздействия в новостных и аналитических жанрах: новостной заметке, интервью, статье, докладе и беседе. Рассматриваются способы эвокативного воздействия на примере отрывков из текстов перечисленных жанров. Новизна исследования видится в том, что экспликация концептуальных признаков в различных медиатекстах была рассмотрена с позиции эвокативного воздействия на реципиента. Изучается степень схожести речевого и эвокативного воздействия, распространённость и востребованность жанров в современном медиадискурсе. Приводятся различные классификации журналистских жанров, среди которых выделяются наиболее распространённые. Эвокативное воздействие представлено типом речевого воздействия, связанного с реализацией авторских интенций, репрезентацией или вербализацией концептов и экспликацией концептуальных признаков при помощи языковых средств.

Материалом исследования послужили медиатексты зарубежной прессы: новостная заметка, интервью, статья, доклад и беседа. В качестве примеров рассмотрены отрывки из текстов перечисленных медийных жанров. Выявлено несколько способов эвокативного воздействия на реципиента:

1. скрытая оценка освещаемых событий, выраженная в отборе новостей и средств репрезентации;
2. проблемная формулировка журналистского материала, направленная на вербализацию концептов в необходимом журналисту наборе концептуальных признаков;
3. формулировка вопросов, предопределяющая ответы собеседника;
4. заимствование интервьюируемыми персонами стилистических приёмов интервьюера в ответах на вопросы;
5. использование глаголов, выражающих значение принятия решений, перемещений, противоречия праву, военного конфликта и т.д.;
6. оперирование концептами, присутствующими в картине мира реципиентов, которые служат получению новой информации;
7. экспликация понятийных признаков концептов в аналитических докладах;
8. использование эвокативных приёмов выяснения фактов, мнений, прогнозов.

Доказано, что вербализация концептуальных признаков в медиадискурсе может использоваться с целью оказания эвокативного воздействия на реципиента информации.

Ключевые слова: теория репрезентации дискурса, медиалингвистика, информационное воздействие, эвокативное воздействие, медиадискурс, медиатекст, медийные жанры, новости.

Введение.

Теоретические аспекты речевого воздействия изучают коммуникация, коммуникативистика, лингвистическая прагматика и теория речевых актов. Целью статьи является рассмотрение практических способов эвокативного воздействия на иноязычном материале новостной заметки, интервью, статьи, доклада и беседы с учётом современного уровня теоретического осмысления данной проблематики.

В связи с интенсивным изучением речевого воздействия в рамках медиадискурсивных исследований актуальным в научном понимании явления становится разграничение собственно речевого воздействия и манипулирования. Под речевым воздействием понимается воздействие на человека через речь с целью заставить сознательно принять чужую точку зрения, решение, передать информацию и т.д. Манипулирование отличается от речевого воздействия бессознательным следованием чужой воле, вопреки собственному намерению [8].

Т.Г. Добросклонская отмечает, что репрезентация многообразия современного медиадискурса основывается на типологии речевых и традиционно журналистских жанров, поэтому в медийной парадигме различаются устный и письменный, авторский и коллегиальный тексты. Традиционная типология медиаречи в свою очередь опирается на тип СМИ и функцию, которую выполняет медиатекст. Существуют печатные, радиальные, телевизионные форматы СМИ, а также СМИ конвергентной журналистики, включающей все перечисленные каналы передачи информации благодаря Интернету. Однако при соотнесении конкретного речевого произведения с жанром возникают трудности с изменением жанровых характеристик медиаречи. Т.Г. Добросклонская предлагает преодолеть их при помощи концепции жанровой функции текста, которая подразумевает соотнесение сообщения с воздействием на аудиторию и с одним из типов медиаречи [1, с. 20]. Соотнесение с типом медиаречи предполагает обращение к традиционным журналистским жанрам – новости, аналитика, реклама и др., а соотнесение сообщения с воздействием на массовую аудиторию заключается в определении важных для целевой аудитории тем и необходимой интерпретации событий.

Эвокация в медиадискурсе.

Исследователи медиа часто отмечают, что СМИ обладают собственным набором языковых средств воздействия на массовую аудиторию с целью создания определённой картины мира в коллективном сознании [17, 18]. В.Г. Костомаров предполагает под информационным воздействием сложность отграничения информирующей от воздействующей функций СМИ, подчёркивает их онтологическую неразделённость, считая, что воздействие является неотъемлемой частью всех журналистских жанров [4]. Однако процесс восприятия любой информации непосредственно связан с познанием и моделированием мира, взаимодействием, пусть отсроченным или опосредованным, между автором медиатекстов и реципиентом [13]. В то же время именно когнитивный аспект воздействия даёт основание для более чёткого разграничения упомянутых функций.

Эвокация – это коммуникативный процесс, оперирующий информационными концептами при преобразовании события в медиатекст. Эвокация связана с процессом вербализации концептуальных признаков при помощи языковых средств и работает непосредственно с ментальной сферой реципиента, в большей степени опираясь на имеющиеся в его памяти или дополнительно сообщаемые СМИ фоновые знания, которые структурируются новой информацией. Поэтому при эвокативном воздействии так важна характерная особенность медиадискурса, заключающаяся в учёте ожиданий реципиентов, ориентировке на определённую массовую аудиторию. Авторы воплощают собственную интенцию через предположение и поиск общих позиций с реципиентами медиатекстов. Редакционная политика и маркетинговые исследования издания определяют набор актуальных тем, репрезентирующих события с необходимой степенью речевого воздействия, часто не ощущаемого реципиентами. Репрезентация событий в данном случае осуществляется через воспроизведение позиций, общих для автора и реципиентов. В качестве таких позиций можно рассматривать некоторые компоненты коммуникативной ситуации: актуальные темы, политические взгляды, предпочтения аудитории и пр.

Итак, эвокация подразумевает репрезентацию события при помощи информационных концептов и преобразование события в медиапродукт. Информационный концепт – это

единица передачи вербальной и невербальной информации в медиадискурсе. Информационные концепты выполняют функцию передачи новостей с целью информирования реципиента о событии и функционируют в медиадискурсе в качестве основных единиц знания. Информационные концепты выбираются в зависимости от интенции автора медиатекста, также как и эвокативные средства репрезентации.

Важной особенностью репрезентации информационных концептов является то, что при эвокативном воздействии эксплицируются лишь те концептуальные признаки, необходимость которых обусловлена авторскими намерениями или ожиданиями реципиентов. Эта особенность отличает эвокативное воздействие от собственно речевого и подразумевает достижение эффективности коммуникации на когнитивном уровне через встраивание полученной информации в картину мира реципиента. Свидетельством подобного встраивания является дальнейшее оперирование теми же информационными концептами, репрезентированными в медиапродукте, что может проявиться в создании похожего медиатекста, в ответном посте на форуме, в блоге и т.д. Копирование (перепост) медиатекста на странице социальной сети косвенно свидетельствует о наличии информационных концептов в картине мира реципиента, которые были вербализованы в скопированном медиатексте. Необходимо отметить, что информационный концепт предназначен для передачи новой информации о событиях, дополнение к концептам, уже имеющимся в картине мира реципиента [6]. Поэтому он может функционировать исключительно в медиадискурсе, теряя свои свойства при использовании в других типах дискурса.

Эвокативное воздействие.

Эвокативное воздействие заключается в информировании массового реципиента о событии с опорой на его фоновые знания и ожидания, в то время как речевое воздействие подразумевает воплощение коммуникативной и предметной интенций исключительно автора речевого произведения [8]. Подобная специфика воплощения эвокативного воздействия объясняется особенностями медийной коммуникации, в первую очередь нацеленной на информирование реципиента о событиях. Таким образом, эвокативное воздействие – это обоюдное воздействие медиа-

текста на автора и реципиента информации с опорой на их фоновые знания, целью которого является информирование о событии и устранение противоречий.

Речевое воздействие направлено на побуждение собеседника к совершению действия для реализации предметной цели, а коммуникативная цель достигается лишь при условии сохранения взаимопонимания. В медиадискурсе таких жёстких условий протекания коммуникации нет, более того, эффективно общаться собеседники могут и в полемике.

Эвокативное воздействие в медиадискурсе осуществляется путём репрезентации событий в медиатекстах, доступных для массового понимания и эксплицирующих необходимые концептуальные признаки. Эффективность эвокативного воздействия фиксируется не только в ответной реплике или статье, но и при простом чтении медиатекста или в просмотре сюжета: реципиент обращается к медиадискурсу за новой информацией, значит полученные сведения будут восприняты и отложены в памяти. Большинство сайтов СМИ использует специальные счётчики просмотров, обращений к рекламным баннерам и объявлениям, публикации в социальных сетях. Все перечисленные параметры являются привычными, их используют медиаспециалисты в сфере рекламы, PR, маркетинга и т.д. То есть эвокативные средства, используемые в репрезентации событий и при экспликации соответствующих концептуальных признаков в медиатексте, могут быть лингвистическими и экстралингвистическими.

Концептуальное содержание медиадискурса, среди которого выбираются концепты для репрезентации в медиатекстах, определяется актуальной повесткой дня, сообщающей важные в настоящее время темы. Актуальная тема профилирует событие или ситуацию, описывая их упомянутыми средствами, истолковывает в соответствии с интенциями автора медиатекста. В медиатексте актуальной тематики вербализуется тот или иной концептуальный признак или отношения, определяется набор когнитивных областей, с привлечением которых будет репрезентировано событие и сформирован контекст, при помощи лексических единиц вербализующий определённую часть знаний реципиента [5, с. 16-17].

В понимании Т.Г. Добросклонской актуальные когнитивные области называются медиатопами (политика, экономика, спорт и т.д.), то

есть Т.Г. Добросклонская систематизирует медиатексты по тематической доминанте (устойчивым, постоянно освещаемым в медиадискурсе темам) [2, с. 43]. В сущности, средства репрезентации событий в различных медийных жанрах выбираются по-разному, в зависимости от жанровой специфики, авторских предпочтений, особенностей описываемых событий. В медиадискурсе представлено несколько жанров. А.А. Тертычный подразделяет их на три большие группы: собственно информационные, аналитические и художественно-публицистические [12]. К информационным жанрам он относит заметку, корреспонденцию, отчёт, интервью, опрос, репортаж, некролог, к аналитическим – те же разновидности аналитического плана, добавляя к ним статью, беседу, мониторинг, рейтинг, анкету, релиз, расследование, обозрение, обзор, прогноз, версию, эксперимент, рекомендацию и т.д., к художественно-публицистическим – очерк, фельетон, памфлет, комментарий, историю, легенду, эпитафию, анекдот, шутку и пр. [11].

Эвокативное воздействие в информационных и аналитических жанрах.

Многие исследователи (Т.Г. Добросклонская, Л.Е. Кройчик, С.И. Сметанина, Г.Я. Солганик, Л.Н. Темникова и др.) так же, как и А.А. Тертычный отмечают чрезвычайную подвижность системы журналистских жанров. Отчасти процесс пересмотра жанровых границ объясняется бурным развитием информационных технологий, Интернета, что привело к утрате некоторыми из них информационных или аналитических черт или полному исчезновению из медиадискурса. К первым можно отнести отчёт, интервью, корреспонденцию и репортаж, ко вторым – очерк, фельетон, передовую статью, обзор. Некоторые жанры вопреки общей тенденции усилили своё присутствие: новостные заметки, статьи, доклады, беседы, интервью, эссе, колонки [10]. Поэтому при анализе наибольшей эффективности эвокативного воздействия уместно рассмотреть медиатексты, широко распространённые в современном медиадискурсе, базирующемся на новых информационных технологиях.

Итак, наиболее распространённые в медиадискурсе жанры – это новостная заметка, статья, доклад, беседа, интервью, эссе, колонка или дневник (блог). Перечисленные жанры можно условно разделить на три группы: новостные (заметки, интервью), аналитические (статьи, докла-

ды, беседы) и художественно-публицистические (эссе, колонки, блоги). Наибольший интерес с точки зрения эвокации, по нашему мнению, представляют новостные и аналитические жанры, поскольку мягкое эвокативное воздействие посредством вербализации определённых концептуальных признаков в контексте новостей и аналитики проявляется чаще, чем при прямом использовании выразительных средств в художественно-публицистических жанрах.

Рассмотрим специфику эвокативного воздействия в каждом из выделенных нами жанров.

Новостные заметки

Новостная заметка принадлежит к оперативно-новостному жанру (оперативность является следствием динамики виртуального медиадискурса) и характеризуется лаконичностью в изложении новостей. Как отмечает М. Монтегомери, важными критериями для отбора новостей, публикуемых в жанре заметки, являются такие компоненты публицистической картины мира, как субъект, время, пространство [15]. З.Г. Кахужева добавляет актуальность, масштаб и последствия описываемого события [3].

Что касается эвокативного воздействия, то оно проявляется в первую очередь в кратком, доступном и нейтральном информировании массовой аудитории о событии и выполнении функции ориентирования читателя в постоянно меняющемся мире (нейтральность информирования объясняется выполняемой функцией и огромным количеством событий, к которым массовая аудитория не имеет никакого отношения: реципиент просто принимает к сведению поступающую информацию).

Удовлетворяя запрос реципиента на получение исчерпывающей информации о событии, новостная заметка помогает быстро воспринять информацию, сформулировать собственное понимание и отношение к происходящему и, если позволяют технические возможности платформы, предоставляющей заметку, отреагировать на перемены и полученную информацию постом или комментарием. Фактографическую формулу новостной заметки фреймовой или жёсткой структуры (формула «что, где, когда, кто, как») можно соотнести с определёнными концептуальными областями, репрезентирующими событие по определённой схеме построения образа и вербализации соответствующих концептуальных признаков события.

Вербализованные концептуальные признаки в свою очередь актуализуют некоторые фоновые

знания, которые можно представить синтаксической структурой простого повествовательного предложения, формулирующего главные для данной публикации признаки: кто, что сделал, где это произошло и т.д. Чаще всего такая формулировка новости помещается в начале заметки, в заголовке или в первом абзаце:

*Das irakische Militär hat die Hochburg des «Islamischen Staats» zurückerobert. Am Sonntag besuchte Ministerpräsident Haider al-Abadi die zerstörte Stadt «Иракские военные вновь захватили оплот “Исламского государства”. В воскресенье премьер-министр Хайдер аль-Абади посетил разрушенный город» (заметка Spiegel online).*¹ Описываемым событием является захват иракского города Мосул, который произошёл в воскресенье 9 июля 2017 года. Если проанализировать сообщение согласно концептуальным областям, представленным в общеизвестной новостной формуле, то получится следующее: что – город Мосул (фоновое знание вербализовано через метафору *die Hochburg des «Islamischen Staats»*), где – Ирак (репрезентирован прилагательным *irakische* в словосочетании, обозначающем субъект действия), когда – в воскресенье (дата репрезентирована через день недели *Am Sonntag* и число публикации заметки), кто – иракские войска (субъект действия назван *Das irakische Militär*), как – вновь захватили (вербализовано через глагол со значением повторного действия *zurückerobert*)» [16].

Эвокативное воздействие в новостной заметке осуществляется через скрытую оценку освещаемых событий, которая выражается в отборе новостей и единичных языковых средств для их репрезентации. В рассматриваемом нами примере единственным средством выражения отношения автора к репрезентируемому событию можно считать метафору *die Hochburg*, остальные языковые средства стилистически нейтральны, сообщают информацию о событии и представляют собой объективированные конструкции, что свидетельствует об изначальной интенции автора сохранить нейтральность модуса. Необходимо отметить, что стиль новостной заметки подразумевает превалирование функции информирования над функцией воздействия, однако полностью его не исключает, лишь переводит его на более глубокий когнитивный уровень эвокативного воздействия.

Интервью.

Жанр интервью, в первую очередь, характеризуется диалогичностью, сменой реплик, наличием некоторого количества вопросов, партнёров-собеседников. По характеру предоставляемой информации интервью может быть информационным и аналитическим. Интервью выполняет функцию сбора новостного материала, дополнительного освещения событий, получения экспертных мнений, оценок, журналистских расследований. Интервью включает основательную предварительную подготовку журналиста к проведению беседы. Интервьюер и интервьюируемый следуют определённой технике ведения беседы, заранее спланированной коммуникативной стратегии [14].

На этапе подготовки к интервью закладывается эвокативное воздействие на реципиентов, не принимающих непосредственного участия в беседе: журналист начинает поиск собеседника, интересного целевой аудитории, определяет круг обсуждаемых тем, тактики ведения диалога, создание доверительной атмосферы общения и подходящей тональности [7, с. 99].

Очевидно, что перечисленные подготовительные мероприятия большей частью касаются когнитивных аспектов ведения интервью, от которых зависит выбор речевых средств, формулировка и очерёдность вопросов. При условии резких отличий позиций интервьюера и интервьюируемого журналист не может вести интервью, целенаправленно полемизируя с собеседником и отстаивая свою точку зрения, поскольку интервью часто декларируется как поиск истины в обсуждаемой теме, раскрытие личности интервьюируемого, а не журналиста, который в данном случае исполняет роль радушного хозяина или хозяйки студии и концентрирует собственное внимание и внимание аудитории на госте. Последнее условие всё же обязывает найти точки соприкосновения с интервьюируемой персоной, иначе общение будет неэффективным. Так, по словам Ларри Кинга, ведущего CNN, который взял 50 тысяч интервью, он оставляет своё эго на пороге студии и даже заявляет, что может разговаривать с гостями, которые высказывают антисемитскую точку зрения: «Я верю в свободу слова. К примеру, как ни неприятно это для меня, для еврея, но я думаю, что у людей есть право и на антисемитские

¹ Отрывок из заметки «Irak meldet vollständige Rückeroberung Mossuls» (Ирак заявляет о полном возврате Мосула) URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/mossul-irak-meldet-rueckerobderung-der-frueheren-is-hochburg-a-1156888.html> (дата обращения 07.07.2017)

высказывания. Мне это не нравится, но я признаю за людьми это право».²

Рассмотрим примеры, репрезентирующие в контексте вопроса те концептуальные признаки, которые создают предпосылки их вербализации в ответах интервьюируемого. В качестве примера приведём отрывок интервью Чака Тодда (NBC-News), взятого у бывшего главы ЦРУ Джона Бреннана по вопросу вмешательства российских хакеров в выборы США.³ В начале интервью приводятся цитаты Государственного секретаря США Р. Тиллерсона и Министра иностранных дел С.В. Лаврова, обозначается тема:

CHUCK TODD: *This Sunday, Trump, Putin, and Russia election interference. Rex Tillerson says President Trump pressed Vladimir Putin on Russian hacking, but that it's now in the past.*

REX TILLERSON [TAPE]: *Let's talk about how do we go forward.* [END TAPE]

CHUCK TODD: *The Russians say the president accepted Putin's denial.*

SERGEI LAVROV [TAPE]: *And he accepts the things that Mr. Putin has said.* [END TAPE]

CHUCK TODD: *So was it President Trump or Putin who got what he wanted out of their first meeting? My guests this morning: former C.I.A. director John Brennan and Republican Senator Lindsey Graham.*

«ЧАК ТОДД: Сегодня воскресенье, Трамп, Путин и вмешательство России в американские выборы. Рекс Тиллерсон говорит, что президент Трамп прижал Владимира Путина в вопросе российского хакерства, но теперь это в прошлом.

РЕКС ТИЛЛЕРСОН [ЗАПИСЬ]: Давайте поговорим о том, как мы продвигаемся вперёд. [КОНЕЦ ЗАПИСИ]

ЧАК ТОДД: Русские говорят, что президент принял опровержения Путина.

СЕРГЕЙ ЛАВРОВ [ЗАПИСЬ]: И он согласен с тем, что сказал Путин. [КОНЕЦ ЗАПИСИ]

ЧАК ТОДД: Так кто же, президент Трамп или Путин получил то, что он хотел от их первой встречи? Мои гости этим утром: экс-директор ЦРУ Джон Бреннан и сенатор-республиканец Линдси Грэм» [19].

Постановка темы звучит в первой реплике ведущего и отличается лаконичностью формулировки: *Trump, Putin, and Russia election interference*. В отличие от рассмотренного ранее жанра новостной заметки тема интервью

не является констатацией факта, а ставит вопрос, требующий обсуждения, итогом которого должно явиться подтверждение или отрицание российского вмешательства в выборы. Тема выражена через перечисление имён президентов США и России, а также через существительное *interference* с семантикой вмешательства, помехи, создания препятствий. Выбор лексемы обусловлен потребностью в такой формулировке вопроса, чтобы у интервьюируемых персон была возможность раскрыть тему, в которой они компетентны: один по специфике профессиональной деятельности, второй – по республиканской политической позиции.

Дальнейшее развитие темы осуществляется в цитатах американских и русских политиков, и лишь после этого ведущий обращается непосредственно к Джону Бреннану: *Alright, there's a lot to unpack in here but let's start with, do you interpret this as President Trump taking the word of Vladimir Putin over the word of the--America's intelligence community?* «Хорошо, есть много того, что можно здесь раскрыть, но давайте начнём с Вас, понимаете ли Вы, что президент Трамп поверил Владимиру Путину, не поверив словам разведывательного сообщества Америки?» Д. Бреннан сразу переходит к обоснованию собственной позиции: *he doesn't take the word of the intelligence community* «он не поверил словам разведывательного сообщества», и раскрывает её в тех же лексемах, что были в вопросе. И в первой же ответной реплике Д. Бреннана проявляется эвокативное воздействие: трижды звучит словосочетание *the intelligence community*, хотя он представляет лишь одно из 17 разведывательных ведомств США – ЦРУ (CIA – Central Intelligence Agency). Таким образом, вопрос ведущего, сформулированный противопоставлением слов Путина и американского разведсообщества, предопределил ответ интервьюируемой персоны в тех же лексемах.

Эвокативное воздействие в данном случае проявилось в применении стилистического приёма синекдохи: вместо одной разведслужбы называется всё разведсообщество, и интервьюируемый заимствует формулировку в своих ответах. Необходимо упомянуть, что в данном случае эвокативное воздействие не является манипулятивным, поскольку не предполагает со-

² Отрывок из интервью Е. Альбац с Ларри Кингом «Я хотел бы взять интервью у Осамы бен Ладена» URL: <http://newtimes.ru/stati/novosti/71caf5e6df54698428f4a2df6e0a5158-ya-hotel-bi-vzyat-intervyu-u-osami-ben-ladena.html> (дата обращения 07.07.2017)

³ Отрывок из интервью Чака Тодда с Джоном Бреннаном и Линдси Грэмом «Meet the Press - July 9, 2017» URL: <http://www.nbcnews.com/feature/meet-the-press-24-7/meet-press-july-9-2017-n781106> (дата обращения 07.07.2017)

знательного воздействия на реципиента: автор так мыслит и так репрезентирует своё видение мира, оставляя реципиенту право выбора, принять точку зрения автора или отвергнуть. В данном случае интервьюируемый её принимает, что свидетельствует о наличии общего концепта в картине мира собеседников. В последующих репликах присутствуют ещё шесть упоминаний *the intelligence community*, что показывает, как однажды эксплицированный признак концепта ЦРУ (CIA) вновь используется в диалоге, а, значит, является частью картины мира интервьюера и интервьюируемой персоны.

Статья.

Статья – наиболее распространённый тип медиатекстов, который может относиться к новостным и аналитическим жанрам. В зарубежной прессе при освещении актуальных событий часто пишется новостная статья, не превышающая объёмом заметку, содержащая оценочные компоненты или избирательно сообщая сведения. Оценочные компоненты в статье репрезентируют общепринятую точку зрения на события. Благодаря постоянному воспроизведению в медиатекстах, она часто не воспринимается жанровым аналитическим признаком.

Например, статья на сайте BBC *UK court to rule on Saudi arms exports* «Суд Соединённого Королевства вынесет решение о поставке оружия Саудовской Аравии» сообщает о вынесении решения Верховного суда относительно британского экспорта оружия в Саудовскую Аравию. Новостью в статье является отложенное решение Верховного суда, которое будет принято в следующий после публикации понедельник. Эксплицированными признаками логических операций в статье являются типы и количество поставляемых вооружений, данные по проблемам питания и миграции населения Йемена, предположения о последствиях использования британского вооружения: *Equipment sold to Saudi Arabia includes Typhoon and Tornado fighter jets, as well as precision-guided bombs* «Оборудование, проданное Саудовской Аравии, включает истребители “Тайфун” и “Торнадо”, а также высокоточные бомбы», *Restrictions on food and fuel imports have pushed Yemen to the brink of famine, and two million people in the country have been internally displaced* «Ограничения на импорт продовольствия и топлива подтолкнули Йемен на грань голода, а два миллиона человек в стране были интернированы», *Monday's verdict could*

have far-reaching consequences for Britain's relations with its Gulf Arab allies «Решение суда в понедельник может иметь далеко идущие последствия для отношений Британии с арабскими союзниками в Персидском заливе».⁴

Эвокативное воздействие данной статьи можно определить по косвенным свидетельствам его проявления: глаголы со значением принятия решений, провала, жалоб, голода, перемещений: *decide, failed to suspend, the UN blames, pushed to the brink of famine, have been internally displaced*. Для описания объекта эвокации – экспорта британского оружия в Саудовскую Аравию – используются словосочетания со значением военного конфликта и противоречия гуманитарному праву: *fighting a war, contravened humanitarian law*. Таким образом, эксплицируется концептуальный признак правовой оценки ARMS TRADE, что можно расценить и как косвенное свидетельство отношения автора, и как его желание быть объективным. Но в любом случае, экспликация данной характеристики не оставит реципиента равнодушным и запомнится, дополнив имеющиеся у него представления о событии [20].

Доклад.

Многие жанры не закреплены за какой-либо одной коммуникативной сферой и часто переходят в медиадискурс. К ним относится и жанр аналитического доклада. Чаще всего доклады публикуют аналитические агентства, институты, фонды, исследовательские группы. В зависимости от предмета исследования, освещаемого в рамках доклада, они бывают социальными, маркетинговыми, геополитическими и т.д. Структура аналитического доклада определяется спецификой предоставляемой информации и перекликается со структурой научного доклада. Характерными чертами жанра аналитического доклада является наличие новой информации, результатов исследований, выдвижения гипотез и новых идей в раскрываемой тематике, обобщения факторов, анализ факторов и обстоятельств, приведших к определённым событиям. При заимствовании в медиасреду жанр аналитического доклада сохраняет свою композиционность, и тема развивается по сходной с научным вариантом схеме: обозначение темы, создание гипотезы, формулировка тезисов, доказательства, иллюстрация примерами, выводы или резюме [9, с. 55].

Эвокативное воздействие в докладе во многом детерминировано тем, что в качестве целе-

⁴ Отрывок из статьи «UK court to rule on Saudi arms exports» («Суд Соединённого Королевства вынесет решение о поставке оружия Саудовской Аравии») URL: <http://www.bbc.com/news/uk-40550652> (дата обращения 07.07.2017)

вой аудитории предполагаются специалисты, хорошо знакомые с освещаемой проблематикой, владеют терминологией и складывающейся ситуацией в затрагиваемой сфере общественной жизни. На примере аналитического доклада можно наглядно продемонстрировать такую особенность эвокации, как осознание специалистами собственных имплицитных интенций, связанных с предметом доклада, который призван расширить и дополнить их знания.

Автор доклада изначально оперирует теми концептами, которые присутствуют в картине мира реципиентов, настроенных на получение новой и полезной информации. Часто эвокативное воздействие аналитического доклада проявляется в экспликации понятийных признаков обсуждаемых концептов. Например, в аналитическом докладе фонда The Heritage Foundation, посвящённом актуальной проблеме приёма беженцев, под названием *The U.S. Refugee Admissions Program: A Roadmap for Reform (USRAP)* «Программа приёма беженцев в США: дорожная карта для реформы» описывается современное состояние дел в работе с беженцами, оценивается социальная и геополитическая ситуация в регионах мира, где происходят военные конфликты, а также выдвигается ряд предложений по реформированию программы их приёма и адаптации.

Понятийные признаки USRAP вербализованы в пункте *The Principles Undergirding USRAP Reform* «Принципы, на которых базируется реформа USRAP». В последующем тексте они раскрываются подробнее. Так, принцип *USRAP is a useful humanitarian initiative with which the U.S. engages the world and provides relief for a select few during international crises* / «USRAP – полезная гуманитарная инициатива, благодаря которой США взаимодействуют с миром и предоставляют помощь отдельным людям во время международных кризисов», раскрывается в пяти компонентах: 1. *Enabling the U.S. to assert American leadership in foreign crises.* 2. *Providing the U.S. with a way to respond positively to intractable crises.* 3. *Assisting allies and partners in crisis.* 4. *Strengthening American public diplomacy.* 5. *Alleviating human suffering* / «1. Предоставление американскому руководству возможности участия в разрешении внешних кризисов. 2. Предоставление США возможности позитивно реагировать на не-

разрешимые кризисы. 3. Помощь союзникам и партнёрам в кризисе. 4. Усиление американской публичной дипломатии. 5. Устранение человеческих страданий».⁵ Эксплицированные концептуальные признаки взаимодействия с миром посредством USRAP оказывают эвокативное воздействие на реципиентов, располагают целевую аудиторию к восприятию, осмыслению и внимательному отношению к докладу и в последствии к следованию представленным в нём рекомендациям.

Эвокативное воздействие беседы.

Жанр беседы впервые отделяет от интервью А.А. Тертычный, отмечая, что журналист прибегает к данному жанру в случае отсутствия однозначной трактовки событий. Основными условиями отграничения жанра беседы от остальных, по мнению А.А. Тертычного, являются следующие шесть пунктов: компетентность собеседников, актуальность темы, ясность цели, чёткость стратегии, гибкость тактики, логическая стройность [8, 13]. Эвокативное воздействие беседы, несмотря на отличия от жанра интервью, практически совпадает с эвокативным воздействием последнего. Помимо предварительного продумывания стратегии и тактики ведения беседы, подготовки специально сформулированных вопросов, направленных на вербализацию концептов в необходимом журналисту наборе концептуальных признаков и использования некоторых стилистических приёмов в речи, беседа подразумевает выяснение фактов, мнений, прогнозов и предложений собеседника [там же].

Выводы.

Таким образом, эвокативное воздействие в рассмотренных жанрах проявляется как:

1. скрытая оценка освещаемых событий, выраженная в отборе новостей и средств репрезентации;
2. формулировка вопросов, предопределяющая ответы собеседника;
3. заимствование интервьюируемыми персонами стилистических приёмов интервьюера в ответах на вопросы;
4. проблемная формулировка журналистского материала, направленная на вербализацию концептов в необходимом журналисту наборе концептуальных признаков;

⁵ Орывок из доклада «The U.S. Refugee Admissions Program: A Roadmap for Reform (USRAP)» (Программа приёма беженцев в США: дорожная карта для реформы) URL: <http://www.heritage.org/immigration/report/the-us-refugee-admissions-program-roadmap-reform> (дата обращения 07.07.2017)

5. использование глаголов, выражающих значение принятия решений, перемещений, противоречия праву, военного конфликта и т.д.;

6. оперирование концептами, присутствующими в картине мира реципиентов, которые настроены на получение новой информации;

7. экспликация понятийных признаков концептов в аналитических докладах;

8. использование эвокативных приёмов для уточнения фактов, выяснения мнений.

Эвокативное воздействие в медиадискурсе способствует быстрому восприятию медиатек-

стов благодаря общим позициям, заранее подготовленным или предварительно эксплицированным автором медиадискурса. Автор и реципиент заимствуют вербализованные информационные концепты, дополняя свою картину мира, что создаёт основу для последующего восприятия медиатекстов того же жанра, а также коммуникативный базис медиадискурса. Таким образом, эвокация в медиадискурсе проявляется в виде коммуникативного процесса, репрезентирующего конкретное событие в информационных концептах.

Список литературы

1. Альбац Е., Хазов С. Я хотел бы взять интервью у Осамы бен Ладена / Е. Альбац, С. Хазов // Newtimes. 2017. URL: <http://newtimes.ru/stati/novosti/71caf5e6df54698428f4a2df6e0a5158-ya-hotel-bi-vzyat-intervu-y-osami-ben-ladena.html> (дата обращения 07.07.2017)
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие / Т.Г. Добросклонская. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
3. Добросклонская Т.Г. Типологическое описание медиатекстов в системе медиалингвистики / Т.Г. Добросклонская / Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа: сб. статей / под ред. Л.Р. Дускаевой. Отв. ред. Н.С. Цветова. СПб.: С.- Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2014. С. 17-20.
4. Кахужева З.Г. Лингвистические особенности новостной заметки / З.Г. Кахужева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. №1. С. 201-205.
5. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе / В.Г. Костомаров. М.: Изд-во МГУ, 1971. 266 с.
6. Лэнекер Р. В. Концептуальная семантика и символическая грамматика / Р.В. Лэнекер // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №3. С.15-27.
7. Пичугин А.В., Смирнов В.Б. Беседа: разновидность интервью или самостоятельный жанр? / А.В. Пичугин, В.Б. Смирнов // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2005. №4. С. 118-121.
8. Сахнова Е.Б. Жанр интервью и его модификации / Е.Б. Сахнова // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. №4. С. 98-103.
9. Скорикова Т.П. Жанрообразующие факторы устного научного монолога / Т.П. Скорикова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. №3. С. 51-58.
10. Стернин И.А. Речевое воздействие как теоретическая и прикладная наука. [Электронный ресурс] / И.А. Стернин. Режим доступа: URL: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/108-rechevoe-vozdjestvie-kak-teoreticheskaya-i-prikladnaya-nauka> (дата обращения 7.07.2017).
11. Темникова Л.Б. О многообразии медиа жанров в современной российской и зарубежной журналистике / Л.Б. Темникова // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2016. №115. С.999-1008.
12. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие/ А.А. Тертычный. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.
13. Тертычный А.А. Форматирование жанров в периодических печатных средствах массовой информации в России / А.А. Тертычный // Российский гуманитарный журнал. 2013. №2. С. 117-130.
14. Халиуллин А.Г. Диалогическая природа жанра интервью в современной прессе/ А.Г. Халиуллин // Вестник ТГПУ. 2010. №21. С. 175-178.
15. Enos O., Inserra D., Meservey J. The U.S. Refugee Admissions Program: A Roadmap for Reform (USRAP) // The Heritage Foundation. 2017. URL: <http://www.heritage.org/immigration/report/the-us-refugee-admissions-program-roadmap-reform> (дата обращения 07.07.2017)
16. Irak meldet vollständige Rückeroberung Mossuls // Spiegel online. 2017. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/mossul-irak-meldet-rueckerobderung-der-frueheren-is-hochburg-a-1156888.html> (дата обращения 07.07.2017)
17. Montgomery M. An Introduction to Language and Society / M. Montgomery // London, OUP. 1992.
18. Montgomery M., Edington B. The Media. / M. Montgomery, B. Edington // London, British Council. 1996.
19. Todd Ch. Meet the Press // NBC news. 2017. URL: <http://www.nbcnews.com/feature/meet-the-press-24-7/meet-press-july-9-2017-p781106> (дата обращения 07.07.2017)
20. UK court to rule on Saudi arms exports // BBC. 2017. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-40550652> (дата обращения 07.07.2017)

Сведения об авторе:

Коновалова Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания ЧелГУ (Россия, Челябинск). Сфера научных и профессиональных интересов: лингви-

EVOCATIVE INFLUENCE IN INFORMATION AND ANALYTICAL GENRES

Maria V. Konovalova

Chelyabinsk State University,
129, Brat'yev Kashirinyhk str., 454001, Chelyabinsk, Russia

The Abstract: *The article is devoted to the analysis of the evocative influence in news and analytical media genres including news article, interview, article, report and conversation. Practical manifestations of the evocative influence on the example of excerpts from the texts of the listed genres are considered. Explication of conceptual features in various media texts is studied for the first time explaining their evocative influence on the recipient. The degree of similarity of verbal and evocative influence, the prevalence and relevance of genres in modern media discourse are studied. Various genre classifications are given, most widespread in modern media discourse are highlighted. The evocative effect is represented by the type of speech influence associated with the realization of author's intentions, the verbalization of concepts and the explication of conceptual features by linguistic means.*

The evocative influence of the recipient was analyzed on the example of American and British media texts. Several ways of evocative influence have been revealed through the explication of the hidden evaluation of the events. Evocative influence is expressed by:

- 1. a hidden evaluation of the events expressed in the selection of news and means of representation;*
- 2. a problematic formulation of journalistic material aimed at verbalizing concepts in the journalist necessary set of conceptual signs;*
- 3. the wording of questions predetermining the answers of the interlocutor;*
- 4. borrowings of the interviewer's stylistic techniques by the interviewees in the answers to the questions;*
- 5. the use of verbs expressing the importance of decision-making, displacement, conflict of law, military conflict, etc. ;*
- 6. the operation with concepts that are represented in the recipient's picture of the world and act to receive new information;*
- 7. the explication of conceptual features of concepts in analytical reports;*
- 8. the use of evocative techniques to find out the facts, opinions, forecasts.*

It is proved that the verbalization of conceptual features in media discourse can be used to provide evocative influence.

Key Words: *discourse representation theory, media linguistics, informational influence, evocative influence, media discourse, media construct, media genres, news.*

References

1. Al'bac E., Hazov S. YA hotel by vziat intervyyu u Osamy ben Ladena [I would like to take an interview with Osam ben Laden] / E. Al'bac, S. Hazov // Newtimes. 2017. URL: <http://newtimes.ru/stati/novosti/71caf5e6df54698428f4a2df6e0a5158-ya-hotel-bi-vzyat-intervyu-y-osami-ben-ladena.html> (accessed 07.07.2017)
2. Dobrosklonskaia T.G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniiu iazyka SMI: sovremennaya angliiskaya mediarech [Medialinguistics: systemic approach to the mass media language study: modern English media speech]: ucheb. posobie / T.G. Dobrosklonskaia. M.: Flinta: Nauka, 2008. 264 s.
3. Dobrosklonskaia T.G. Tipologicheskoe opisanie mediatekstv v sisteme medialingvistiki [Typological description of media texts in the system of media linguistics] / T.G. Dobrosklonskaia / Medialingvistika [Media linguistics]. Vyp. 3. [Issue 3]. Rechevye zhanry v massmedia [Speech genres in mass media] : sb. statey/ pod red. L.R. Duskaevoy. Otv. red. N.S. Cvetova. SPb. S.- Peterb. gos. un-t, In-t «Vyssh. shk. zhurn. i mass. kommunikatsiy», 2014. S. 17-20.

4. Kahuzheva Z.G. Lingvostilisticheskie osobennosti novostnoy zametki [Linguostylistic peculiarities of a news report] / Z.G. Kahuzheva // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie [Series 2: Philology and art history]. 2012. №1. S. 201-205.
5. Kostomarov V.G. Russkiy iazyk na gazetnoi polose [Russian on a newspaper page] / V.G. Kostomarov. M.: Izd-vo MGU, 1971. 266 s.
6. Lehneker R. V. Konceptual'naya semantika i simvolicheskaya grammatika [Conceptual semantics and symbolic grammar] / R.V. Lehneker // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2006. №3. S.15-27.
7. Pichugin A.V., Smirnov V.B. Beseda: raznovidnost' interv'iu ili samostoiatel'ny zhanr? [A talk: a variety of an interview or an independent genre?] / A.V. Pichugin, V.B. Smirnov // Vestnik VolGU. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika [Series 8: Literary studies and journalism]. 2005. №4. S. 118-121.
8. Sahnova E.B. Zhanr interv'iu i ego modifikatsii [A genre of an interview and its modifications] / E.B. Sahnova // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika [Series: Philology and journalism]. 2013. №4. S. 98-103.
9. Skorikova T.P. Zhanroobrazuyushchie faktory ustnogo nauchnogo monologa [Genre forming factors of an oral scholarly monologue] / T.P. Skorikova // Vestnik RUDN. Seriya: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia [Series: Russian and foreign languages, & methodology of teaching them]. 2015. №3. S. 51-58.
10. Sternin I.A. Rechevoe vozdeistvie kak teoreticheskaya i prikladnaya nauka [Speech impact as a theoretical and applied science]. [Elektronnyy resurs] / I.A. Sternin. Rezhim dostupa : URL: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/108-rechevoe-vozdjeystvie-kak-teoreticheskaya-i-prikladnaya-nauka> (accessed 7.07.2017).
11. Temnikova L.B. O mnogoobrazii media zhanrov v sovremennoi rossiiskoi i zarubezhnoi zhurnalistike [On variety of mass media genres in contemporary Russian and foreign journalism] / L.B. Temnikova // Nauchny zhurnal KubGAU - Scientific Journal of KubSAU. 2016. №115. S.999-1008.
12. Tertychny A.A. Zhanry periodicheskoi pechati [Genres of periodical press]: Uchebnoe posobie / A.A. Tertychny. M.: Aspekt Press, 2000. 312 s.
13. Tertychny A.A. Formatirovanie zhanrov v periodicheskikh pechatnykh sredstvakh massovoi informatsii v Rossii [Genre formatting in Russian periodical printed mass media] / A.A. Tertychny // Rossiiskii gumanitarny zhurnal. 2013. №2. S. 117-130.
14. Haliullin A.G. Dialogicheskaya priroda zhanra interv'iu v sovremennoi presse [Dialogue nature of the interview genre in contemporary press] / A.G. Haliullin // Vestnik TGGPU. 2010. №21. S. 175-178.
15. Enos O., Inserra D., Meservey J. The U.S. Refugee Admissions Program: A Roadmap for Reform (USRAP) // The Heritage Foundation. – 2017. URL: <http://www.heritage.org/immigration/report/the-us-refugee-admissions-program-roadmap-reform> (accessed 07.07.2017)
16. Irak meldet vollständige Rückeroberung Mossuls // Spiegel online. – 2017. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/mossul-irak-meldet-rueckerobung-der-frueheren-is-hochburg-a-1156888.html> (accessed 07.07.2017)
17. Montgomery M. An Introduction to Language and Society / M. Montgomery // London, OUP. 1992.
18. Montgomery M., Edington B. The Media. / M. Montgomery, B. Edington // London, British Council. 1996.
19. Todd Ch. Meet the Press // NBC news. – 2017. URL: <http://www.nbcnews.com/feature/meet-the-press-24-7/meet-press-july-9-2017-n781106> (accessed 07.07.2017)
20. UK court to rule on Saudi arms exports // BBC. – 2017. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-40550652> (accessed 07.07.2017)

About the author:

Konovaleva Maria Vladimirovna – PhD, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of CSU (Russia, Chelyabinsk). Spheres of research and professional interests: linguistics, theory of language and discourse, theory of evocation, media linguistics, virtualistics, communication science, translation studies, information technologies, journalism, intelligence. E-mail: makonovaleva@yandex.ru.

* * *

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА В КАУЗАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АВАРСКОГО ЯЗЫКА)

З.М. Маллаева, С.Д. Маллаева, Л.И. Ибрагимова

Институт языка, литературы и искусств им. Г. Цадасы
Дагестанского научного центра Российской академии наук,
367000, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45
Дагестанский государственный университет,
367000, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 47

В статье исследуются именные компоненты конструкций с каузативными глаголами, которые в аварском языке чаще всего используются для реализации каузативной семантики. Анализ таких конструкций на материале многочисленных дагестанских языков, за исключением агульского языка, не проводился. Не исследованы ни в описательном, ни в сравнительном плане семантические каузативные оппозиции, в том числе и на предмет выявления эквивалентности отдельных грамматических конструкций со значением каузальности. Исследование каузативных конструкций с точки зрения универсальной типологии является актуальной задачей не только для лингвистического кавказоведения, но и теоретической лингвистики в целом, поскольку они широко представлены в языках различных типологий. Грамматический и семантический анализ именных компонентов (субъекта и объекта) каузативных конструкций различных морфосинтаксических типов глагола аварского языка преследовал цель выявить и описать изменения, происходящие в структуре предложения при каузативной деривации. Предпринята попытка мотивировать изменения, происходящие в морфологическом оформлении именных компонентов, и установить их синтаксический статус в составе каузативных конструкций. Выявляется различное участие (семантическая роль) субъекта и объекта в реализации каузатива. Выявляется зависимость синтаксической структуры каузативных конструкций от синтаксического характера глагола (непереходный, переходный, экспериенциальный, лабильный) и реализации различной семантики побуждения. Используя метод лингвистического описания и приём логико-смыслового моделирования, было установлено, что разные структурные модели репрезентируют различную семантику. В конструкциях с объектом в форме суперэссива преобладает семантика принуждения. В конструкциях с объектом в форме номинатива превалирует семантика создания условий. Субъект во всех каузативных конструкциях стоит в форме эргатива.

Статья адресована тем, кто интересуется кавказскими языками и лингвистической типологией. Результаты исследования явятся подспорьем при создании историко-сравнительной грамматики дагестанских языков.

Ключевые слова: аварский язык, глагол, описательная каузативная конструкция, каузативная семантика, именные компоненты, эргативный падеж, суперэссив.

В статье на материале одного из эргативных дагестанских языков – аварского – исследуется роль именных компонентов каузативной конструкции (субъекта и объ-

екта) при формировании различных типов каузативных ситуаций.

Цель данной статьи – исследовать модификации в структурной организации предложения

при образовании каузативных конструкций в аварском языке и мотивировать изменения, происходящие как в морфологическом оформлении именных компонентов предложения, так и в их синтаксическом употреблении.

Ведущим в представленной статье является метод лингвистического описания. Для анализа каузативного маркера и установления связи участников каузативной ситуации и её компонентов применяется метод анализа «от формы к содержанию» (анализирующая модель). Для исследования взаимоотношений между способами маркировки деривации и выявления связи со свойствами участников каузативной ситуации применяется метод «от содержания к форме».

Проведённое исследование позволило а) определить универсальность морфологосинтаксической глагольной категории каузатива для аварского языка; б) выявить связь различных синтаксических структур предложений с реализацией различной семантики в зависимости от синтаксических особенностей и семантики глагола.

В современной лингвистике нет однозначного решения проблемы определения каузальности: рассматривать её как целостную функционально-семантическую категорию, имеющую свой статус, конкретные средства выражения и демонстрирующую системный характер проявления, либо рассматривать каузальность как функции, характеризующиеся отсутствием системных проявлений. Нет также единства мнения в определении самих каузативных (побудительных) глаголов и формально-семантических признаков конструкций с каузативными глаголами [см. 10].

В лингвистической литературе неоднозначно решается вопрос о статусе каузатива, заключающийся в определении его формообразовательной или словообразовательной сущности. В грамматических исследованиях разных языков, в том числе и аварского [14, с. 775; 4, с. 105], каузатив нередко рассматривается в качестве понудительного залога. Сущность каузатива трактуется и в его интерпретации посредством термина «каузативный залог» [13, с. 210].

Залоговая трактовка каузатива возможна при интерпретации производства каузатива по модели формообразования, когда исходная лексема и каузативная форма в семантическом плане однотипны и монопропозитивны – «односитуативны». Однако такая трактовка морфологосемантической сущности каузатива приходит в

противоречие с традиционной точкой зрения, согласно которой каузирующая и каузируемая ситуации представляют собой ситуации, связанные причинно-следственными отношениями [10, с. 20-21; 17, с. 165-166]. В этом случае образование каузативных глаголов (а не форм) следует относить к сфере словообразования. Всё это свидетельствует о дискуссионности рассматриваемой проблемы и возможности продолжения данной актуальной дискуссии относительно функционально-семантической сущности каузатива.

Следует отметить также то, что в разных языках «поведение» каузатива может быть неоднозначным. Так, В.Б. Касевич на примере монгольского языка отмечает, что при употреблении «каузатива особая самостоятельная ситуация присутствует, но все возможные типы ситуаций, с помощью которых субъект-каузатор оказывает воздействие на субъекта каузируемой ситуации, как бы совмещены в одном абстрактном действии каузации, средства её реализации для говорящего оказываются несущественными» [3, с. 216].

Следует отметить, что с точки зрения функционально-семантической каузативные глаголы и порождаемые ими синтаксические конструкции как в формальном, так и семантическом плане допускают неоднозначные трактовки в силу сложности самой проблемы. Поэтому описание функционально-семантической сущности каузатива должно быть построено так, чтобы демонстрировать идио-этническую специфику и семантическое «поведение» каузатива в каждом конкретном языке или в группе генетически родственных языков.

Что касается дагестанских языков, то хотя вопросы определения каузальности в том или ином аспекте освещаются в ряде работ дагестановедов [1; 4; 5; 8; 11; 12; 14; 16 и др.], однако, всё ещё не установлена общая типологическая тенденция иерархии синтаксических отношений при каузативации и не решена проблема статуса и позиции каузируемого участника в каузативных конструкциях дагестанских языков за исключением агульского языка [2, с. 19-46], частично аваро-андийских [6; 7], бежтинского [15] и лезгинского [18] языков.

Большинство дагестанских языков располагают значительными грамматическими и лексическими ресурсами для репрезентации каузативной семантики, которые образуют целостную функционально-семантическую категорию. Так,

например, в аваро-андийских языках представлены различные способы образования каузатива: морфологический каузатив, лексический каузатив и описательные формы. Морфологический каузатив имеет место во всех восьми языках андийской подгруппы без исключения. В трёх из них (тиндинском, годоберинском и багвалинском) морфема каузатива состоит из сочетания долгого *ō* с согласным *л*. В остальных языках андийской подгруппы формант каузатива состоит только из одного гласного – долгого *ā*. Учитывая распространённость этих двух суффиксов в андийских языках, М.Е. Алексеев допускает исконность обоих показателей каузатива. Он возводит оба аффикса к числу общеандийских [1, с. 120].

В аварском языке, в отличие от близкородственных андийских языков, каузативность не представлена в виде системных отношений и не располагает регулярными формальными показателями. Преобладающее большинство глаголов передают каузативную семантику посредством описательной конструкции, образованной сочетанием инфинитива смыслового глагола с целым рядом функционально вспомогательных глаголов (*гъабизе*, *биччазе*, *тезе*, *тIамизе*, *гъезе*), выбор которых зависит от степени категоричности каузатива (побуждения). Как известно, каузатив выражает целый спектр значений (мольба, просьба, разрешение, предложение, требование, приказ и т.п.), реализация которых зависит от конкретных прагматических контекстов [9, с. 390].

Наиболее нейтральный и наиболее распространённый тип каузатива выражается посредством сочетания функционально вспомогательного глагола *гъабизе* «делать» с формой инфинитива смыслового глагола, например: *хвезе* «портиться» – *хвезе гъабизе* «испортить», *лъазе* «знать» – *лъазе гъабизе* «узнавать», *къезе* «дать» – *къезе гъабизе* «заставить дать», *хинлгъизе* «согреться» – *хинлгъизе гъабизе* «согреть», *белгъине* «варить» – *белгъине гъабизе* «сварить» и т.д. В ряде случаев произошло слияние смыслового и вспомогательного глаголов, и словосочетание превратилось в сложное слово, например: *хвезе гъабизе* → *хвезабизе* «испортить», *лъазе гъабизе* → *лъазабизе* «узнавать», *къезе гъабизе* → *къезабизе* «заставить дать», *белгъине гъабизе* → *белгъинабизе* «сварить» и т.д. Так что существует традиция рассматривать компонент *-абизе* как формант каузатива. На наш взгляд, есть два обстоятельства, не позволяющие рассматривать компонент *-абизе* как однозначный формант каузатива: 1) слишком прозрачна связь данного компонен-

та с вспомогательным глаголом *гъабизе* «делать»; 2) большое количество глаголов образуют форму каузатива в виде словосочетания (смысловый глагол + глагол *гъабизе* «делать»). Можно сказать, что компонент *-абизе* находится на пути становления формантом каузатива.

Представляет определённую сложность перевод таких каузативных глаголов на русский язык, поскольку «в русском языке, строго говоря, каузативное значение не поддаётся выражению. При переводе на русский с языков, обладающих категорией каузатива, передаются с помощью тех или иных лексических средств, контекста, его частные значения, такие, как понуждение, способствование, позволение и т. п.» [3, с. 217].

Каузативная конструкция структуры «смысловый глагол в форме инфинитива + вспомогательный глагол *тIамизе* «заставить», «принудить» в финитной форме» репрезентирует значение «заставить (принудить) делать что-л.», например: *бичизе* «продать» – *бичизе тIамизе* «заставить продать», *къотIузе* «резать» – *къотIузе тIамизе* «заставить резать», *ургъизе* «думать» – *ургъизе тIамизе* «заставить думать», *лълъгъазе* «поливать» – *лълъгъазе тIамизе* «заставить поливать», *чуризе* «мыть» – *чуризе тIамизе* «заставить мыть» и т.д.

Описательная конструкция, образованная сочетанием смыслового глагола в форме инфинитива и функционально вспомогательного глагола *биччазе* «позволить, разрешить», передаёт каузативную (пермиссивную) семантику «разрешить, позволить делать что-л.», например: *хъвазе* «(на) писать» – *хъвазе биччазе* «разрешить написать», *гъабизе* «(с)делать» – *гъабизе биччазе* «разрешить (с)делать», *балагъизе* «смотреть» – *балагъизе биччазе* «позволить смотреть» и т.д.

Аналогичную (пермиссивную) семантику передают конструкции, состоящие из инфинитива смыслового глагола и функционально вспомогательного глагола *тезе* «оставить», «разрешить», например: *хIалтIузе* «работать» – *хIалтIузе теze* «разрешить работать», *цIализе* «учиться» – *цIализе теze* «разрешить учиться», *вагъизе* «драться» – *вагъизе теze* «разрешить драться» и т.д.

Выбор функционально вспомогательных глаголов «*биччазе*» или «*тезе*» зависит от аспектуально-темпоральной локализации ситуации, о которой идёт речь. Если речь идёт о том, чтобы позволить начать какое-то действие, то употребляется глагол «*биччазе*», а если речь идёт о том, чтобы позволить продолжить уже начатое действие, употребляется глагол «*тезе*».

Полисемант *гъезе*, сочетаясь с формой инфинитива смыслового глагола, образует каузативную конструкцию, репрезентирующую значение приказа, принуждения, например: *гъекъезе* «пить» – *гъекъезе гъезе* «заставить пить (о скотине)», *чахъаби гъекъезе гъезе* «заставить овец пить», «погнать овец на водопой»; *кваназе* «есть, кушать» – *кваназе гъезе* «заставить есть (о скотине)», *боцIи гIалхуде кваназе гъезе* «заставить скотину есть на пастбище», «выгнать скот на пастбище» и т.д.

Описательная каузативная конструкция «глагол (смысловой) + глагол (вспомогательный)» образована путём свободного соположения компонентов. При этом «свободный» вовсе не означает «произвольный», а «подчиняющийся определённым правилам». Парадигматический статус данной описательной конструкции определяется следующими критериями: стандартность, мотивированность и продуктивность.

В качестве первых компонентов синтаксической матрицы «глагол (инфинитив) + глагол (вспомогательный)» иногда применяются глаголы русского языка без фонетической адаптации, например: *национализировать гъабизе* «национализировать», *рассмешишь гъавизе* «рассмешишь», *оправдать гъавизе* «оправдать». Как правило, такие сочетания используются в бытовом дискурсе.

Каузативная конструкция, образованная посредством функционально вспомогательного глагола *гъабизе* «(с)делать», возможна в аварском языке от глаголов всех синтаксических типов: непереходных, переходных, экспериенциальных (глаголов чувственного и внешнего восприятия), лабильных. Однако семантическая роль субъекта и объекта в таких каузативных конструкциях различна [8, с. 419] и зависит от морфосинтаксических особенностей глагола.

В аварском языке глаголы каузативной семантики могут изменить синтаксическую конструкцию предложения: они превращают номинативную синтаксическую конструкцию непереходных глаголов в эргативную, например:

(1а) *Вас ахикъ хIалтIана.*

мальчик – Nom сад – Sub работать – Aor
«Мальчик в саду работал».

(1б) *Вас воххана.*

мальчик – Nom радоваться – Aor
«Мальчик обрадовался».

(1в) *Вас ворчIана.*

мальчик – Nom проснуться – Aor
«Мальчик проснулся».

(2а) *Инсуца вас ахикъ хIалтIизавуна (хIалтIизе гъавуна).*

отец – Erg мальчик – Nom сад – Sub работать – Inf делать – Aor

«Отец заставил мальчика работать в саду».

(2б) *Инсуца вас вохизавуна (вохизе гъавуна)*

отец – Erg мальчик – Nom радоваться – Inf делать – Aor

«Отец обрадовал мальчика».

(2в) *Эбелалъ вас ворчIизавуна (ворчIизе гъавуна)*

мать – Erg мальчик – Nom проснуться – Inf делать – Aor

«Мать разбудила мальчика».

Данные конструкции передают семантику как прямой каузации (изначально было намерение добиться данного результата), так и опосредованной каузации (результат достигнут вследствие нечаянных действий). Для глаголов непереходной семантики такая конструкция является единственно возможной формой каузативизации (как опосредованной, так и прямой). При исследовании каузативных конструкций М. Сибатани пользуется противопоставлением «прямая каузация ~ опосредованная каузация (direct vs. indirect causation)», поскольку в преобладающем большинстве языков прямую каузацию выражают глаголы переходной семантики, функционирующие в виде самостоятельных лексических единиц, а для выражения опосредованной каузации используются дополнительные средства выражения» [19, с. 96].

Большой интерес при таких преобразованиях представляют вопросы маркирования участников каузативной ситуации, которые в разных дагестанских языках могут варьироваться. Примечательно, что в разных диалектах в пределах одного языка также возможны вариации.

Глагол, репрезентирующий каузируемую ситуацию, в аварском языке представлен в форме инфинитива. Каузатор всегда оформляется эргативным падежом, каузируемый участник или субъект каузируемой ситуации может быть представлен разными падежными формами, выбор которых определяется семантикой глагольной лексемы и её синтаксической характеристикой.

В каузативной конструкции, образованной от непереходного глагола, субъект каузируемой ситуации выражается именем в форме номинатива (примеры (2 а, б, в)).

Субъект каузируемой ситуации при переходных глаголах, как правило, оформляется суперессивом, например:

(3а) *Инсуца мадугьаласда ах бихьизабуна.*

отец – Erg сосед – SupEs сад – Nom показать – Aor

«Отец показал соседу сад».

(3б) *Эбелалъ ясалда чед кваназабуна.*

мать – Erg дочь – SupEs хлеб – Nom накормить – Aor

«Мать накормила дочь хлебом».

(3в) *Дица ясалда карш гьабизабуна.*

я – Erg дочь – SupEs суп – Nom делать заставить – Aor

«Я заставил дочь варить (делать) суп».

Примеры (3 а, б, в) выражают семантику опосредованной каузации.

Экспериментальные глаголы представлены глаголами внешнего восприятия (видеть, слышать и др.) и глаголами чувственного восприятия (любить, ненавидеть и др.). Глаголы внешнего восприятия предиктируют локативную конструкцию предложения, субъект оформлен одним из локативных падежей – суперэссивом:

(4а) *Васасда инсул гьаракъ рагIана.*

мальчик – SupEs отец – Gen голос – Nom слышать – Aor

«Мальчик слышал голос отца».

(4б) *Инсуца васасда жиндирго гьаракъ рагIизе гьабуна.*

отец – Erg мальчик – SupEs сам – Gen голос – Nom слышать – Inf делать – Aor

«Отец заставил мальчика услышать свой голос».

Глаголы чувственного восприятия предиктируют дативную конструкцию предложения:

(5а) *Васасе эмен вокьула.*

мальчик – Dat отец – Nom любить – Aor

«Мальчик любит отца».

(5б) *Инсуца васасда живго вокьизе гьавуна.*

отец – Erg мальчик – SupEs сам – Nom любить – Inf делать – Aor

«Отец заставил мальчика любить себя».

В аварском языке представлено достаточно большое количество лабильных глаголов, которые могут реализовать как переходную, так и непереходную семантику. Например:

(6а) *Шиша бекана.*

бутылка – Nom разбиться – Aor

«Бутылка разбилась».

(6б) *Дица шиша бекана.*

я – Erg бутылка – Nom разбить – Aor

«Я разбил бутылку» (специально, нарочно).

(6в) *Дихъан шиша бекана.*

я – ApudEl бутылка – Nom разбить – Aor

«Я разбил бутылку» (нечаянно, случайно).

(6г) *Дица шиша бекизе гьабуна.*

я – Erg бутылка – Nom разбить – Inf делать – Aor

«Я бутылку разбил (сделал так, что она разбилась, напр., бросил на пол)» (прямая каузация).

(6д) *Дица шиша бекизе биччана (тана).*

я – Erg бутылка – Nom разбить – Inf допустил (оставил) – Aor

«Я позволил бутылке разбиться» (опосредованная каузация).

В дагестанских языках в каузативных конструкциях, образованных от глаголов переходной семантики, субъект каузируемой ситуации оформляется одним из десемантизированных локативных (по другой терминологии – местных или пространственных) падежей. В аварском литературном языке – это, как правило, суперэссив. В диалектах возможны вариации. В близкородственных андийских языках субъект каузируемой ситуации в подобных конструкциях оформляется аффективным падежом.

В типологической литературе в качестве наиболее характерных для пространственных падежей выделяются локализации: SUPER «на, над ориентиром», IN «внутри (полого) пространства», INTER «внутри (сплошного) пространства», APUD «около, рядом с ориентиром», SUB «под ориентиром», POST «позади, сзади ориентира», AD «на (верхней или боковой) поверхности ориентира» [см. 9; 13; 2].

В аварском языке возможна также вторичная каузация исходных понудительных глаголов. Для вторичной каузации используется глагол с семантикой волевого воздействия *tIamize* «заставить, принудить», например: *белъинабизе tIamize* «заставить варить» (букв. «варить делать заставить»), *цIализавизе tIamize* «заставить, принудить учиться» (букв. «учиться делать заставить»), *хинлъизабизе tIamize* «заставить, принудить согреть» (букв. «тёплым делать заставить»), *къижизавизе tIamize* «заставить, принудить уложить спать» (букв. «спать делать заставить») и некоторые другие. В таких каузативных конструкциях одновременно представлены два субъекта: субъект интенции (оформлен эргативным падежом) и субъект действия (оформлен номинативным падежом), например:

(7а) *Инсуца вас tIамана гьоболасда*

отец – Erg мальчика – Nom заставить – Aor

гость – SupEs

ах бихьизабизе.

сад – Nom показать – Inf

«Отец заставил мальчика показать гостю сад».

(76) Эбелаль дун тІамана ясалда чед квана-забизе.

мать – Erg я – Nom заставить – Aor дочь – SupEs хлеб – Nom

накормить – Inf

«Мать заставила меня кормить дочь хлебом».

Фактитивный глагол с семантикой волевого воздействия *тІамизе* «заставить, принудить» достаточно широко используется в аварском языке для создания таких каузативных конструкций, в которых субъект-каузатор является только носителем интенции (инициатором). Исполнителем действия в таких конструкциях является второй субъект. В каузативных конструкциях, в которых одновременно представлены два субъекта: субъект интенции и субъект действия, субъект действия является объектом относительно субъекта интенции.

Вспомогательный глагол *тІамизе* образует перифрастическую каузативную конструкцию с сентенциальным актантом в форме инфинитива. В отличие от ранее анализированных каузативных конструкций, которые являются моноклаузальными, перифрастический каузатив представляет собой биклаузальную синтаксическую конструкцию, в которой каузатор выражен формой эргативного падежа, каузируемый участник главного предложения выражен именем в номинативе, сентенциальный актант, выражающий действие, к которому принуждается каузируемый участник, представлен формой инфинитива.

Проведённый выше анализ показал, что семантические роли субъекта и объекта в кауза-

тивной конструкции аварского языка распределены следующим образом:

1. Субъект может быть одновременно и инициатором, и исполнителем действия (см. примеры (2 а, б, в), (3 а, б, в), (4 б), (5 б), (6 б)). Каузативная конструкция, в которой субъект является одновременно инициатором и исполнителем действия, образуется как от глаголов переходной семантики, так и от глаголов непереходной семантики. В такой конструкции субъект производит действие над физически и психически пассивным объектом. Субъект в такой конструкции может быть выражен только одушевлённым существительным, а объект – как одушевлённым, так и неодушевлённым.

2. Первый субъект (субъект-каузатор) иницирует действие, исполнителем которого выступает второй субъект (см. примеры (7а, б)). В подобных четырёхактантных каузативных конструкциях представлены четыре именных члена: два субъекта и два объекта. Первый субъект оказывает воздействие на волю второго субъекта, принуждая его совершать то или иное действие. Второй субъект физически активен, психически пассивен.

Каузативная конструкция, в которой субъект действия и субъект интенции представлены двумя самостоятельными лексемами (субъект 1 – инициатор, субъект 2 – исполнитель действия), может быть образована лишь от переходных первичных каузативных глаголов (при вторичной каузативизации).

Таким образом, можно выделить два основных способа реализации каузации в аварском языке: а) с активным участием субъекта и б) с пассивным участием субъекта.

Список литературы

1. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988. 223 с.
2. Даниэль М.А., Майсак Т.А., Мерданова С.Р. Каузатив в агульском языке: способы выражения и семантические конструкции // Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 19-46.
3. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука. 1988. 309 с.
4. Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1981. 160 с.
5. Маллаева З.М. Глагольная морфология аваро-андийских языков. Махачкала: Алеф, 2015. 435 с.
6. Маллаева З.М., Алигаджиева А.Р. Синтаксическая семантика каузативных глаголов аваро-андийских языков // Вестник ДНЦ РАН, Мазачкала. 2015. С. 82-86.
7. Маллаева З.М., Самедов Д.С. Способы каузации и типы каузативных ситуаций (на материале аваро-андийских языков) // Вестник ДГУ. Серия 2: Гуманитарные науки. Махачкала, 2015. № 3. С. 144-150.
8. Маллаева З.М. Некоторые особенности каузатива аваро-андийских языков // Материалы Международного конгресса кавказоведов «Multiculturalism and Tolerance in the Caucasus». Тбилиси, 2013. С. 419-421.
9. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: Морфологические значения. М.: «Языки русской культуры»; Вена: WSA, 1998. 544 с.
10. Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Холодович А.А. (ред.) Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. С. 20-60.

11. Нурмагомедов М.М. Структура глагола в аварском языке. Махачкала: Издательство ДГПУ, 2000. 74 с.
12. Нурмагомедова Э.М. Синтаксическая характеристика глагола аварского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. 26с.
13. Плунгян В.А. Общая морфология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
14. Саидов М.-С.Д. Краткий грамматический очерк аварского языка // Аварско-русский словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1967. С. 705-806.
15. Халилова З.М. Каузативы в бежтинском языке // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2017. № 4. С. 111-115.
16. Хангереев М.Д. Парадигматическая система глагола в аварском языке. Махачкала, 2011. 242 с.
17. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology Oxford: Blackwell, 1989. 264 p.
18. Haspemath M. A Grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. 567 p.
19. Shibatani M., Pardeshi P. The causative continuum // Shibatani M. (ed.) The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation (Typological Studies in Language 48). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 85-126.

Сокращения

Aor аорист (прошедшее законченное время)

ApudEl локализация «возле»

Dat датив

Erg эргатив

Gen генитив

Inf инфинитив

Nom номинатив

Sub локализация «под»

SupEs локализация «наверху».

Сведения об авторах:

Маллаева Зулайхат Магомедовна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЯЛИ ДНЦ РАН (Россия, Махачкала). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистическое казозоведение, сравнительная типология кавказских и германских языков, аваро-андийские языки, синтаксический строй дагестанских языков, глагол, категория локализации. E-mail: logika55@mail.ru.

Маллаева Светлана Джавадовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ИЯЛИ ДНЦ РАН (Россия, Махачкала). Сфера научных и профессиональных интересов: агульский язык, буркиханский диалект, именная морфология, глагольные категории. E-mail: mallaeva777@mail.ru.

Ибрагимова Лаура Ибрагимовна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков ДГУ (Россия, Махачкала). Сфера научных и профессиональных интересов: сравнительная типология кавказских и германских языков, сопоставительный синтаксис русского и аварского языков. E-mail: muza777@inbox.ru.

SEMANTIC ROLE OF SUBJECT AND OBJECT IN CAUSATIVE CONSTRUCTION (IN AVAR LANGUAGE)

Zulaykhat M. Mallaeva, Svetlana D. Mallaeva, Laura I. Ibragimova

Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Center (DSC),
of the Russian Academy of Sciences (RAS),
45, M. Gadzhiev str., Makhachkala, 367000, Russia.
Dagestan State University,
37, M. Gadzhiev str., Makhachkala, 367000, Russia.

The Abstract: *The article considers nominative components of the constructions with causative verbs, which in Avar are usually used to fulfill the causative semantics. The analysis of such constructions in different Dagestanian languages was not being conducted yet, with the exception of Aghul language. Seman-*

tic causative oppositions are not studied yet either in comparative or descriptive glue, including certain grammar constructions with the meaning of causation. The research of the causative constructions from the point of view of general typology is an urgent task not only for Caucasian linguistics, but also for theoretical linguistics as a whole, being widely represented in the languages of different typology. Grammar and semantic research of nominative components (subject and predicate) of the causative constructions belonging to different morphologic-syntactical types in Avar, pursued the only aim to reveal and describe the changes taking place in the structure of the sentence during causative derivation.

The article also shows different semantic roles of subject and predicate in the fulfillment of causation and reveals the dependence of syntactical structure of causative constructions on syntactical nature of the verb (transitive, intransitive, experiential) and fulfillment of different semantics of causation. The approach of linguistic description and logical-sensitive modeling allowed us to find that models of different structure represent different semantics.

The article will be interesting for those who study Caucasian languages and linguistic typology. The results of the research will be useful while composing historical-comparative grammar of Dagestanian languages.

Key Words: *Avar, the verb, descriptive causative construction, causative semantics, nominative components, the ergative case, superessive.*

References

1. Alekseev M.E. Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya avaro-andiyskikh iazykov [Comparative-historical morphology of Avar-Andy languages]. M.: Nauka, 1988. 223 p.
2. Daniel M.A., Majsak T.A., Merdanova S.R. Kauzativ v agul'skom iazyke: sposoby vyrazheniya i semanticheskie kontrasty [Causative in Aghul: the ways of expression and semantic contrasts] // Issledovaniya po glagolnoi derivatsii [Research on verb derivation]. M.: Yazyki slavianskikh kultur, 2008. P. 19-46.
3. Kasevich V.B. Semantika. Sintaksis. Morfologiya [Semantics. Syntax. Morphology]. M.: Nauka. 1988. 309 p.
4. Madieva G.I. Morfologiya avarskogo literaturnogo iazyka [The morphology of the Avar literary language]. Makhachkala: Daghchpedgiz, 1981. 160 p.
5. Mallaeva Z.M. Glagolnaya morfologiya avaro-andiyskikh iazykov [The verbal morphology of Avar-Andi languages]. Makhachkala: Alef, 2015. 435 p.
6. Mallaeva Z.M., Aligadzhieva A.R. Sintaksicheskaya semantika kauzativnykh glagolov avaro-andiyskikh iazykov [Syntactic semantics of causative verbs of the Avar-Andi languages] // Vestnik DNC RAN, Makhachkala. 2015. P. 82-86.
7. Mallaeva Z.M., Samedov D.S. Sposoby kauzatsii i tipy kauzativnykh situatsiy (na materiale avaro-andiyskikh iazykov) [Methods of causation and types of causative situations (on the material of the Avar-Andi languages)] // Vestnik DGU. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. Makhachkala, 2015. № 3. P. 144-150.
8. Mallaeva Z.M. Nekotorye osobennosti kauzativa avaro-andiyskikh iazykov [Some peculiarities of causative in Avar-Andy languages] // Materialy Mezhdunarodnogo kongressa kavkazovedov [Proceedings of the international Congress of caucasologists] «Multiculturalism and Tolerance in the Caucasus». Tbilisi, 2013. P. 419-421.
9. Melchuk I.A. Kurs obshchey morfologii [The course of general morphology]. Tom II. Chast vtoraya: Morfologicheskie znacheniya [Part two: morphological values]. M.: "Yazyki russkoy kultury"; Vena: WSA, 1998. 544 p.
10. Nedialkov V.P., Silnickii G.G. Tipologiya morfologicheskogo i leksicheskogo kauzativov [Typology of morphological and lexical causatives] // Holodovich A.A. (red.) Tipologiya kauzativnykh konstruktov [Typology of causative construction]. L.: Nauka, 1969. P. 20-60.
11. Nurmagomedov M.M. Struktura glagola v avarskom iazyke [The structure of the verb in Avar language]. Makhachkala: Izdatel'stvo DGPU, 2000. 74 p.
12. Nurmagomedova E.M. Sintaksicheskaya kharakteristika glagola avarskogo iazyka [The syntactic characteristic of the Avar verb]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Makhachkala, 2007. 26 p.
13. Plungian V.A. Obshchaya morfologiya [General morphology]. M.: Editorial URSS, 2000. 384 p.
14. Saidov M.-S.D. Kratkiy grammaticheskiy ocherk avarskogo iazyka [A brief grammatical essay of the Avar language] // Avarsko-russkii slovar [Avar-Russian dictionary]. M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1967. P. 705-806.
15. Khalilova Z.M. Kauzativy v bezhtinskom iazyke [causative in Bezhta] // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya. Voronezh, 2017. № 4. P. 111-115.
16. Khangereev M.D. Paradigmaticheskaya sistema glagola v avarskom iazyke [Paradigmatic system of the verb in the Avar language]. Makhachkala, 2011. 242 p.
17. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology Oxford: Blackwell, 1989. 264 p.
18. Haspelmath M. A Grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. 567 p.
19. Shibatani M., Pardeshi P. The causative continuum // Shibatani M. (ed.) The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation (Typological Studies in Language 48). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 85-126.

About the authors:

Zulaikhat M. Mallaeva – Doctor of Philology, professor, main research worker at the Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Center of Sciences (DCS), of the Russian Academy of Sciences (RAS). (Makhachkala, Russia). Spheres of research and professional interests: linguistic Caucasian studies, comparative typology of Caucasian and German languages, Avar-Andy languages, syntactical system of Dagestanian languages, the verb, category of localization. E-mail: logika55@mail.ru.

Svetlana D. Mallaeva – Ph.D. in Philology, senior research worker at the Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Center of Sciences (DCS), of the Russian Academy of Sciences (RAS), (Makhachkala, Russia). Spheres of research and professional interests: Aghul language, Burkikhan dialect, nominative morphology, verbal categories. Email: mallaeva777@mail.ru.

Laura I. Ibragimova – Ph.D. in Philology, lecturer, Dagestan State University (Makhachkala, Russia). Spheres of research and professional interests: comparative typology of Caucasian and German languages, comparative syntax of Russian and Avar. E-mail: muza777@inbox.ru.

★ ★ ★

МЕТАФОРА В НАУКЕ И ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Г.Т. Мирзоева

Азербайджанский университет языков,
AZ 1055. Баку. Азербайджан. Ул. Р. Бехбудова, 60.

В настоящей статье поставлена конкретная цель: на основе некоторого количества отобранных автором иллюстративных примеров проследить за функционированием метафорических высказываний в науке и языке художественной литературы. С учётом имеющегося критического материала по настоящей проблеме (работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Л.В. Кульчицкой, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия, Е.О. Опариной, О.Ю. Буйновой и некоторых других) автор статьи показывает, что метафора, как правило, выполняет очень важную роль, порою связующую функцию перехода от известных фактов – к неизвестным.

В первой части настоящей статьи показано огромное значение работы Д. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём». Установлено многими исследователями, что именно в ней впервые в западноевропейской лингвистике отмечена роль метафоры в любом языке как своеобразного «когнитивного инструментария для распознавания абстрактных понятий и абстрактного мышления». Автор данной статьи отталкивался от центральных положений этой работы, так как в ней, по признанию языковедов, осуществлён подлинно революционный прорыв в области установления целого ряда функций концептуальной метафоры.

Однако, несмотря на тот факт, что метафора актуализирует языковую, культурную, литературную и даже психологическую среду, в русской и европейской когнитивной лингвистике обнаружилось большое разногласие в терминах. Дифференцировать и частично унифицировать терминологию, связанную с метафоризацией в целом, стало одной из задач первой части представленной статьи.

Во второй части работы функции метафоры разделены на две части: метафора в языке науки отражает особенности мышления человека, соответственно порождая определённые суждения и умозаключения. Метафора в языке художественной литературы используется для создания образа, чаще связанного с оценочно-экспрессивным значением. Приведены соответствующие примеры, фактически доказывающие, что эти функции разные. Вместе с тем между ними можно обнаружить и некоторые общие точки соприкосновения. В том и другом случаях было указано на характерные особенности первичных и вторичных значений строения метафоры.

Ключевые слова: когнитивистика, метафора, дискурс, текст, ассоциации, семантика, семиотика.

На заре когнитивной лингвистики метафору считали сугубо языковым явлением. Лингвисты в основном приписывали ей функции определённого стилистического приёма, фигуры речи. В дальнейшем в область когнитивной лингвистики стали включать метафору, которая функционирует

не только в языке, но по природе своей должна быть органично включена также и в концептуальную сферу. Правомерность поставленной в нашей статье цели обеспечивается теоретическим положением, согласно которому метафора, с одной стороны, определяет научное познание, с другой – находит своё выражение в

речи, следовательно, и в языке художественной литературы.

Важным теоретическим подспорьем стали статьи таких русских учёных, как С.С. Гусев, Н.С. Валгина, Н.К. Рябцева, Л.В. Кульчицкая, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова и других. Особо отметим статью Д. Лакоффа и М. Джонсона, в которой впервые глубоко и основательно рассмотрены многие проблемы, связанные с метафоризацией. Нами также приведены примеры из работ европейских лингвистов М. Блэка, Х. Блейра, М. Гессе, Л. Ричардса и других (Полный список трудов приведён в конце статьи).

Огромная роль метафоры в мышлении и даже поведении человека в начале 1980-х годов глубоко проанализирована в работе Д. Лакоффа (D. Laskoff) и М. Джонсона (M. Johnson) «Метафоры, которыми мы живём». Исследователи указывали, что метафора – это своеобразный «когнитивный инструмент для распознавания абстрактных понятий и абстрактного мышления» [11, с. 244]. Показательно для теоретических суждений, которые последуют в настоящей статье ниже, что в работах американских учёных чаще анализируется именно концептуальная метафора.

Д. Лакофф и М. Джонсон, безусловно, осуществили революционный прорыв в области установления функций концептуальной метафоры. Они включили данный тип во все сферы мироздания (отсюда и название раздела «Мир понятий, окружающий нас»), сделав важный и актуальный в наши дни вывод, что метафоры охватывают языковую, культурную, литературную, психологическую среду, также «характеризуют терминологию современного индустриального общества» [11, с. 391].

Но вслед за названной работой последовало существенное разногласие в терминах. Так, один из ярких представителей американской структурной лингвистики Н. Хомский и его коллеги-единомышленники предложили двухступенчатую модель метафоры, суть которой заключалась в том, что на первой стадии в когнитивной лингвистике метафора отражает мышление, а на второй – находит своё применение в практической деятельности. Сеем предположить, что метафора имеет две функции. Первая используется в языке науки, вторая – в тексте художественных произведений. Категория мышления соответствует научным параметрам, а практическая деятельность, на наш взгляд, сопоставима с созданием художественных образов.

Например, когнитивная метафора «острая нужда» чаще употребляется в публицистическом тексте для выражения социальных мотивов или при постановке демографической проблемы. Реже она используется в науке и социологии. В то же время когнитивная метафора со словом «острый» может выступать одним из функциональных типов образной метафоры. Сравним: «Если когда-нибудь тебе понадобится *острое слово*, то знай, Маугли, что Джунгли – всегда твои» [Р. Киплинг. «Маугли»].

После работы Д. Лакоффа и М. Джонсона в русском языкознании появилось большое количество трудов, посвящённых метафоре в целом. Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Е.О. Опарина, О.Ю. Буйнова и другие доказали, что метафора в научном дискурсе прежде всего порождена когнитивной способностью людей анализировать свойства объектов, осмысливать их, дифференцировать и унифицировать. В науке метафора выделяет главное, сосредотачивая свои усилия на более экономных способах их языкового оформления. В свою очередь в языке художественной литературы она становится и предметом индивидуальной, то есть авторской интерпретации, позволяющей интуитивно воспринимать «вещный» мир с его материальными объектами. Но в том и другом случаях метафора объективно охватывает очень широкий спектр научных дисциплин и разные области человеческого бытия.

Вместе с тем в статьях и монографиях перечисленных русских учёных в связи с разграничением понятий когнитивной и концептуальной метафоры появились заметные разногласия и противоречия в терминологии. Так, Л.В. Кульчицкая в одной из своих статей зафиксировала, что в современном языкознании «складывается ситуация, когда факт называния метафоры когнитивной или концептуальной служит поводом причислить этот термин к сторонникам когнитивного направления» [10, с. 3]. Но, оказывается, что это не аксиоматическое заявление. Некоторые учёные, работы которых выполнены в границах когнитивной парадигмы, ставят его под сомнение или вовсе опровергают. Например, В.Н. Телия выделяет несколько типов метафор (индикативные, оценочные, концептуальные, эмотивные) в науке и речи, но при этом отождествляет когнитивную метафору с концептуальной [16, с. 42].

Но если В.Н. Телия в основном фиксирует внимание на наименовании признака, то Н.Д. Арутюнова конкретизирует: «Метафора –

это орудие не только наименования признака, но и само его выделение. Метафора, утверждает она, создаёт значение и даёт ему имя» [2, с. 336]. И это при том условии, что оба исследователя односторонне рассматривают когнитивную метафору как языковую.

Однако метафора в языке науки всё же имеет ряд специфических особенностей. Логика переносных значений основана на метонимических, количественных и функциональных связях. Например, между материалом и вещью, из которого изготовлена, причиной и следствием, действием и результатом, учреждением и его сотрудниками, аудиторией и студентами наблюдается естественная и закономерная связь. Однако логика метафорического переноса носит свободный характер, точнее, символический, а не реальный.

В современном языкознании хорошо известен ряд исследований, в которых приводится хрестоматийная формулировка: «Перенос наименования на основе сходства называется метафорой» [17, с. 93]. Однако сходство одних предметов (объектов) осуществляется на основе различных признаков в зависимости от характера или направленности действия. Например, метафоры в языке науки чаще сходны по внешнему признаку с формой объекта. Отсюда перенос с крыла птицы на *крыло самолета*, иглы для шитья на *иглолки ели*. По аналогии с супплетивной формой образования в медицине употребляется выражение «глазное яблоко». Оно же *отличается* цветом: *белок глаза*. В языке науки метафоры сходны по внешнему признаку с характером движения объекта: *гусеница танка* или же его функцией (*дворник – устройство на лобовом стекле автомашины*) и т.д.

Напротив, метафоры в языке художественной литературы чаще сходны по внутреннему признаку с формой объекта. Т.И. Вендина указывает, что в языке науки (официальные документы, протоколы, справки, доклады, медицинские диагнозы и прочее) практически невозможно встретить такие метафоры, как *червь сомнения*, потому что «они используются при наименовании абстрактных понятий» [6, с. 96]. В языке художественной литературы значительно чаще наблюдаются переносы наименования признака по аналогии с ощущениями, а также при помощи сходства оценок. Н.В. Валгина приводит характерный пример: *тёплое течение – принять тёплое участие при встрече* [5, с. 334]. Л.А. Новиков полагает, что наиболее приемлемым является «сходство в способах представления

определённых действий: *охватила радость*» [12, с. 86]. Можно было бы добавить, что писателей при использовании метафор такого рода, скорее, интересует степень представления действия. Дифференцируя отдельные признаки метафор, можно аккумулировать их в определённую модель в зависимости от выражаемой ими семантики.

В языке науки чаще всего происходит столкновение не тождественных друг другу семантических пластов. Они порождают, как правило, не ассоциативный образ. Ещё в XIX веке такие видные лингвисты, как А.Х. Сейс (А.Н. Sayes), Макс Мюллер (М. Muller) и некоторые другие считали, что «язык в целом метафоричен» [20, с.204]. Учёные указывали, что метафора почти всегда неоднозначна в своём восприятии, следовательно, слабо совместима с коммуникативной целью речепорождения. Очевидно не только для узкого круга специалистов, но и рядовых читателей отмечая, что большая часть слов любого языка прошла длительную стадию метафорического переноса разных по сходству значений. Но этот процесс в языке науки и художественной литературы был неодинаков.

Язык науки – это особая семиотическая система. Речь в науке должна идти не о механическом переносе метафорических признаков, пересекающихся по линии «от объекта – к объекту», «от предмета – к предмету», а об особом подборе наиболее точного термина, который стал бы своего рода заместителем образа. Кожица, рассуждая от обратного, удачно, на наш взгляд, подметила: «Из истории научных стилей известно, что сама по себе образность нередко рождается в те моменты, когда ещё не найдены точные наименования термина» [9, с. 208]. Например, Голуб пишет о возможностях применения в языке науки, точнее, политических документах, таких метафор, как *«погасить очаг войны, подлить масла в огонь»* [7, с. 133]. Но и такие примеры единичны.

Так, Ф. Соссюр, Ю.А. Потебня, М. Мюллер и некоторые другие видные лингвисты прошлого отказывались от идеи построения собственной лингвистической теории, содержащей метафору. Например, Х. Блэр писал: «Метафора – это фигура, всецело базирующаяся на сходстве одного объекта с другим. Поэтому она родственна поэтическому сравнению» [19, с. 295]. Такое сравнение не выдерживает строгой критики. Тонко по поводу такого искусственного сопоставления высказался лингвист Л. Ричарс: «... такого рода

уподоблениями одного явления другому в метафорическом аспекте легко превратить поэзию в безукоризненную прозу» [21, с. 19]. Продолжим мысль учёного: таким путём метафору можно использовать в языке науки и в художественной литературе. Однако функции метафор в этих случаях разные.

Чтобы уйти от строго научного дискурса, другой языковед П. Уилрайт предложил в художественном тексте различать два вида метафор: «эпифору» и «диафору». Под первым исследователем имел в виду традиционное понимание метафоры, под вторым её усложнение в форме «символического соположения дискретных образов, которые сами по себе не должны быть «эпифорами» [21, с. 90]. Видимо, понимая нечёткость такого подразделения, П. Уилрайт прокомментировал: «Эпифора – это ощущаемая таинственная способность обозначать нечто большее, чем реальное выражение словами» [22, с. 91].

Но как же измерить степень этого «означаемого коэффициента»? Где критерии «большого» и «меньшего»? П. Уилрайт по существу не отвечает на этот вопрос. И в «таинственной способности» метафоры означать «нечто большее» (а по-нашему представлению – эфемерное) учёный всё более запутывается. Прав Д. Бикертон, который подчёркивал: «Практически все лингвистические подходы, скорее, затемняют, чем проясняют суть вопроса о метафоризации, и неудачи большинства современных учёных объясняются именно не лингвистичностью их воззрений, некоторыми отходами от строго научного дискурса» [3, с. 286]. Обобщение, сделанное названным языковедом, позволяет нам говорить о различных функциях метафоры в языке науки и литературы.

С целью доказательства приведём примеры с использованием языковой антиномии «жилище животного» – «жилище человека». Объединим эти понятия в более общую метафорическую модель: «предмет – предмет» (или «Субъект – субъект»). В первом случае перед нами модель с неодушевлённым лицом, во втором – с одушевлённым, но существа дела это не меняет. Первое означает, что в русском языке название жилищ животных непосредственно переносится на жилище людей. Во втором – с предмета на предмет. Дифференциальные признаки первой модели отличны друг от друга: «собачья конура» означает тесноту людского жилья. По логике второй модели, называя дом человека «свинарником», мы имеем в виду «грязь» в жилье (или как про-

изводное – «нечистоплотность хозяина»). Так что метафоры, строящиеся по внешне схожим моделям, объективно базируются на совершенно разных признаках. Точнее, их объединяет не конкретно-логический, но ассоциативный признак, служащий главным основанием художественной метафоризации. В вышеприведённых нами метафорах символический перенос является именно ассоциативными признаками «тесноты», с одной стороны, «грязи» – с другой.

Метафора способна функционировать в качестве литературной, приобретая такие лексикологические черты, которые становятся носителями новой и важной информации. В качестве примера М. Блэк (M. Black) приводит метафорическое высказывание «Человек – волк» которое, по его мнению, «выражает некую новую информацию о первом субъекте («человек»), одновременно с тем предлагая на рассмотрение всё новые и специфические характеристики второго субъекта, (то есть «волк»)» [18, с. 39].

В самом деле, в «Божественной комедии» Данте очень много такого рода метафор. Например, когда автору и его проводнику по лесу Вергилию дорогу преграждают три зверя (лев, волк и пантера), то каждый из них образует собственную лексическую метафору: лев выступает как символ гордости, волчица – алчности, а пантера – сладострастия. Но это только авторское мировидение, в котором метафоры олицетворяют людские пороки. Словно подтверждая эти слова, М.П. Алексеев в учебном пособии «Литература эпохи Средних веков и эпохи Возрождения» фиксирует: «Долгие годы жизни Данте провёл в изгнании, скитаясь из города в город, и никогда более не увидел дорогой его сердцу Флоренции – «прекрасной овчарни, где спал ягнёнком» [1, с. 211]. Совершенно очевидно, что под метафорой нельзя в буквальном смысле понимать «овчарню» как место обитания поэта. А под ягнёнком – образец трусости или жалости. Это типично лексическая метафора, которая соединяет в себе символическое обозначение животных или жилища как среду обитания в нём конкретного животного с субъективным мнением автора.

В языке науки, как правило, наблюдается противоположная картина. Здесь метафоре не придаётся сугубо субъективный смысл. Права Н.К. Рябцева, подчёркивающая, что «в научном дискурсе метафора являет собой активный, творчески-когнитивный процесс установления сходства между различными концептуальными понятиями в тех же самых концептуальных об-

ластях» [14, с. 322]. В то же время функционирование метафоры в художественной литературе предполагает сходство не между концептуальными сферами, а сопряжение авторской мысли с её последующим вхождением в ассоциативный ряд тождественных образов. Некоторые такие метафоры входят в состав так называемых «бродячих сюжетов».

Важно помнить, что семантическая организация художественного текста, в состав которого входит метафора, глубоко и основательно может раскрыться, пожалуй, только достаточно компетентному в литературе читателю. Как правило, метафора здесь служит сигналом к правильному «прочтению» культурологической информации. И это верное «считывание» информации находится в прямой связи не столько с функциональной значимостью метафорического высказывания и её скрытого смысла, как в языке науки (вот здесь применима формула П. Уилрайта о «внутренней таинственной способности» метафоры), сколько о компетенции читателя, умеющего как бы упреждать авторскую мысль.

Поясним на примерах. «Но теперь чабаны забились в свои гомеровские хижинки вместе с овцами и козами. – Кто же услышит меня? [4, с. 50]. Метафорой в этом предложении является определение «гомеровский». Структура этой метафоры определяет семантическую организацию текста. Прежде всего укажем, что она связана с большим объёмом фоновой и культурологической информации. Основное номинативное значение интересующей нас лексемы должно определяться значениями «относящийся к Гомеру», «принадлежащий Гомеру». Но совершенно ясно, что у Бунина реализуется иное значение. Речь идёт о жилищах, описание которых дано Гомером и встречается в его поэмах «Илиада» и «Одиссея». Само же слово «гомеровский» не столько реализует собственно лексическое значение, сколько актуализирует картину античного мира, сумму аллюзий на подсознательном уровне. Фактически, в отличие от языка науки, в котором на первое место выдвигается конкретная концептуальная сфера, здесь (хотя, конечно, и на очень малом языковом пространстве) дана система субъективных представлений русского писателя. А шире – знаний европейцев об античности в целом. Именно в силу последнего положения в сознании читателя оживляется весь гомеровский контекст.

В художественной литературе метафора обладает высокой степенью экспрессии и дина-

мики. «Когда я пытаюсь разглядеть то, что меня окружает, то вижу я бегущую седую мглу, которая слепит снегом» [4, с. 168]. В этом предложении три выделенных слова создают особую экспрессию и динамику. Слово «седой» в словаре Ожегова дано в следующих значениях: 1. Белый вследствие потери окраски (о волосах); 2. Переносное: Белесый. То есть, тускло-серый. Туман или седая пена в море. 3. Переносное: Очень далёкий, давний. Седая старина [13, с. 707].

В бунинском тексте даже в переносном значении лексема «седой» реализует функцию цветообозначения (тускло-серый). Но важно подчеркнуть, что метафора здесь детерминирована не только в рамках приведённого предложения, но и художественного текста вообще, то есть в языковом окружении. Особенность семантической организации текста даёт возможность понять, что рассматриваемое нами выше определение «гомеровский» тоже на ассоциативно-образном уровне тесно связано с лексемой «седой». Иными словами, экспрессивность текста ориентирует на изображение картины природы, сочетающейся с соответствующим тем далёким временам состоянием людей.

Иная картина складывается в тех случаях, когда учёные обосновывают необходимость использования метафор в языке науки. Как правило, они сталкиваются с «неполной стыковкой» отдельных звеньев в предложении. В таких случаях, как пишет Ю.В. Скачков, «в целях согласования различных языковых слоёв возникает потребность в применении особых средств, играющих роль промежуточных звеньев, «мостиков» [15, с. 47]. Эти средства в языке науки представляют собой большой комплекс понятий. А к важным языковым формам, которые могут эксплицитно представить его, относится именно метафора. Во-первых, она может отобразить те или иные вводимые в текст понятия такими отношениями, как «сходство/различие». Во-вторых, в отличие от лексикологического функционирования в художественном тексте, метафора подчёркивает условность и неполноту отождествления сопоставляемых объектов. Здесь уже нет ясного перехода от одного предмета к другому, как мы это показали на ранее приводимых примерах. Метафора в языке науки словно упреждает контекст, в котором, как указывает С.С. Гусев, «основным становится не столько возможность переноса необходимой информации с ранее освоенной предметной области на сферу неизвестного. В то же время про-

исходит фиксация характерологических особенностей взаимодействия разных способов двух или нескольких сопоставляемых объектов» [8, с. 49]. Всё отмеченное свидетельствует о том, что метафоры в языке науки и художественной литературе имеют ряд отличительных особенностей.

Список литературы

1. Алексеев М.П. История зарубежной литературы Средних веков и эпохи Возрождения. М.: Просвещение, 1978, 565 с.
2. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Серия «Литература и языкознание», 1978, Т. 37, с. 333-343.
3. Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры // М.: Прогресс, 1990, с. 284-306.
4. Бунин И.А. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 1. М.: Правда, 1988, 478 с.
5. Валгина Н.С. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 2001, 415 с.
6. Вендина Т.И. Введение в языкознание. Учебное пособие для педагогических вузов. М.: «Высшая школа», 2002, 288 с.
7. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 4-е издание. Дополненное и переработанное М.: Айрис – пресс, 2003, 448 с.
8. Гусев С.С. Наука и метафора. Л.: ЛГУ, 1984, 151 с.
9. Кожина Н.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка – М.: Флинта: Наука, 696 с.
10. Кульчицкая Л.В. Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода // file:///D:/Documents%20and%20Settings/Admin/My%20Documents/Downloads/ponyatiya-kognitivnaya-i-kontseptualnaya-metaphora-v-otechestvennoy-lingvistike-rannekognitivnogo-perioda%20(1).pdf
11. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. В кн.: Теория метафоры. М.: Прогресс. 1990, с. 387-415.
12. Новиков Л.А. Современный русский язык. М.: Лань, 2003, 286 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990, 917 с.
14. Рябцева Н.К. Метонимия и метафора как явления концептуального плана. В кн.: Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М.: Издательство «Индрик», 2005, с. 319-334.
15. Скачков Ю.В. Вероятность и детерминизм // Философские науки, 1972, № 1, с. 44-49.
16. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988, с. 26-52.
17. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977, 335 с.
18. Black M. Models and metaphors. New-York, 1962, 197 p.
19. Bleir H. Lectures on Rhetoric and Belles Letters. London, LTD, 1983, 347 p.
20. Hesse M. Review of Turbayne. 1962 – Foundation of Language, 1966, № 3, 299 p.
21. Richards L.A. Principles of literary criticism. London: Paul Industry, 1924, 261 p.
22. Wheelwright P. Metaphor and reality. London: Plomington LTD, 1962, 221 p.

Сведения об авторе:

Мирзоева Гюнай Тельман гызы – аспирант Азербайджанского университета языков (Азербайджан, Баку).
E-mail: gmor68@inbox.ru.

METAPHOR IN THE LANGUAGE OF SCIENCE AND IN FICTION

G.T. Mirzoeva

Azerbaijan University of Languages
60, R. Bekhbudova str., Baku, Azerbaijan, 1055 AZ

The Abstract: *The article sets a specific goal: on the basis of a certain number of illustrative examples selected by the author, to trace the development of metaphorical utterances in the language of science and in the language of fiction. Taking into account the available critical material on the present problem (the works by G. Lakoff and M. Johnson, L. V. Kulchitskaya, N. D. Arutiunova, V. N. Telia, E. O. Oparina, O. Yu. Buynova and some others) the author of the article shows that metaphor, as a rule, performs the generalizing function of the transition from known facts to the unknown.*

However, metaphor in the language of science reflects the level of intellectuality of an individual, generating certain judgments and conclusions accordingly. In the language of fiction, metaphor serves to create an image with an evaluative and expressive meaning. In both cases, the characteristic features of metaphor were pointed out in the article. However, in the process of comparing different objects, it has been found that in the language of fiction metaphor does not fix relations relying on the principle of "similarity and difference". Most often, metaphor has a culturological character, thereby vividly emphasizing the conventionality and incompleteness of the identification of the objects to be compared.

Key Words: *cognitive linguistics, lexical metaphor, scientific discourse, linguistic text, associative signs, metaphorical transfer, semantic structure, semiotic system.*

References

1. Alekseev M.P. Istoriiia zarubezhnoy literatury Srednikh vekov i epokhi Vozrozhdeniia [The history of foreign literature of the Middle Ages and the Renaissance]. M.: Prosveshchenie, 1978, 565 p (in Russian).
2. Arutiunova N.D. Funktsionalnye tipy iazykovoy metafory [Functional types of language metaphor] // Izvestiia AN SSSR. Seriiia «Literatura i iazykoznanie», 1978, T. 37, s. 333-343 (in Russian).
3. Bikerton D. Vvedenie v lingvisticheskuiu teoriiu metafory [Introduction to the linguistic theory of metaphor] // M.: Progress, 1990, pp. 284-306 (in Russian).
4. Bunin I.A. Sobr. soch. v 4-h tomakh [Coll. work. in 4 volumes]. T. 1. M: Pravda, 1988, 478 p (in Russian).
5. Valgina N.S. Sovremenny russkii iazyk [Modern Russian language]. M.: Vysshiaia shkola, 2001, 415 s (in Russian).
6. Vendina T.I. Vvedenie v iazykoznanie [Introduction to linguistics]. Uchebnoe posobie dlia pedagogicheskikh vuzov. M.: «Vysshaya shkola», 2002, 288 s (in Russian).
7. Golub I.B. Stilistika russkogo iazyka [Stylistics of the Russian language]. 4-e izdanie. Dopolnennoe i pererabotannoe M.: Ayris – press, 2003, 448 s (in Russian).
8. Gusev S.S. Nauka i metafora [Science and metaphor]. L.: LGU, 1984, 151 p (in Russian).
9. Kozhina N.N. Stilistichesky entsiklopedicheskiy slovar russkogo iazyka [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. M.: Flinta: Nauka, 696 s (in Russian).
10. Kulchitskaya L.V. Poniatiiia "kognitivnaia" i "kontseptualnaia" metafora v otechestvennoy lingvistike rannekognitivnogo perioda [The concepts of "cognitive" and "conceptual" metaphor in the domestic linguistics of the early cognitive period] (in Russian) // file:///D:/Documents%20and%20Settings/Admin/My%20Documents/Downloads/ponyatiya-kognitivnaya-i-kontseptualnaya-metafora-v-otchestvennoy-lingvistike-rannekognitivnogo-perioda%20(1).pdf
11. Lakoff D., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivom. V kn.: Teoriia metafory [The metaphors that we live in. In: Theory of Metaphors]. M.: Progress. 1990, pp. 387-415 (in Russian).
12. Novikov L.A. Sovremenny russkiy iazyk [Modern Russian language]. M.: Lan, 2003, 286 s.
13. Ozhegov S.I. Slovar russkogo iazyka [Dictionary of Russian]. M.: Russkiy iazyk, 1990, 917 p (in Russian).
14. Riabtseva N.K. Metonimiia i metafora kak iavleniia kontseptualnogo plana. V kn.: Logicheskiy analiz iazyka. Kvantifikativny aspekt iazyka [Metonymy and metaphor as a phenomenon of a conceptual plan. In: Logical analysis of the language. Quantitative aspect of the language]. M.: Izdatelstvo «Indrik», 2005, pp. 319-334 (in Russian).
15. Skachkov Yu.V. Veroiatnost i determinizm [Probability and determinism] // Filosofskie nauki, 1972, # 1, pp. 44-49 (in Russian).
16. Teliia V.N. Metafora kak model smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenochnaia funktsiia [Metaphor as a model of sense production and its expressive-valued function] // Metafora v iazyke i tekste. M.: Nauka, 1988, s. 26-52.
17. Shmeliov D.N. Sovremenny russkiy iazyk. Leksika [The modern Russian language. Vocabulary]. M.: Prosveshchenie, 1977, 335 p. (in Russian).
18. Black M. Models and metaphors. New-York, 1962, 197 p (in English).
19. Blair H. Lectures on Rhetoric and Belles Letters. London, LTD, 1983, 347 p (in English).
20. Hesse M. Review of Turbayne. 1962 – Foundation of Language, 1966, № 3, 299 p (in English).
21. Richards L.A. Principles of literary criticism. London: Paul Industry, 1924, 261 p (in English).
22. Wheelwright P. Metaphor and reality. London: Plomington LTD, 1962, 221 p (in English).

About the author:

Mirzayeva Gunay Telman – graduate student, Azerbaijan University of Languages. E-mail: gmor68@inbox.ru.

★ ★ ★

СИНЕРГИЗМ ПЕРСУАЗИВНОЙ ПРАГМАТИКИ В АНГЛИЙСКОМ ДИСКУРСЕ МАСС-МЕДИА

Д.С. Храмченко, А.В. Радюк

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.

119454 г. Москва, проспект Вернадского, 76

Российский университет дружбы народов,

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6.

Настоящая статья посвящена функционально-лингвистическому исследованию реализации комплексного кооперативного эффекта прагматического воздействия на эмоциональную, волевою и интеллектуальную сферы реципиента в современном английском дискурсе масс-медиа. Авторы анализируют понятия речевого манипулирования, персуазивности и делают вывод о необходимости подробного рассмотрения взаимосвязи между явным и скрытым целеполаганием адресанта, функциональными особенностями конкретного типа дискурса и специфическими чертами доступного коммуникантам арсенала языковых средств. В качестве эмпирического материала исследования авторами выбираются статьи британского журнала The Economist, популярного у студентов и преподавателей английского языка делового и профессионального общения. Несмотря на то, что в идеализированной журналистике в целом и наиболее респектабельных, влиятельных британских изданиях в частности открытое речевое манипулирование сознанием читателя не допускается, функционально-прагматическая эволюция английского дискурса масс-медиа и динамика существующих в нём коммуникативных норм влекут за собой популяризацию нестандартных вербальных приёмов в газетно-журнальных текстах, открывающие широкие возможности для оказания риторического (персуазивного) воздействия. Руководствуясь коммуникативно-стратегическим замыслом, автор медиатекста комбинирует языковые средства и выстраивает их в определённой последовательности с учётом всей сложной паутины функциональных связей, генерируя тем самым мощный кооперативный (синергичный) прагматический эффект, который позволяет изменить отношение читателя к описываемому объекту / явлению действительности, модифицировать его общий эмоциональный настрой и интенционал, перестроить категориальную структуру индивидуального сознания адресата и ввести в него новые категории, активизировать необходимые адресанту фреймы и сценарии.

Ключевые слова: функциональная лингвистика, прагматика, риторика, дискурс масс-медиа, прагматическое воздействие, синергизм.

Преподаватели английского языка деловой и профессиональной коммуникации регулярно сталкиваются с проблемой формирования у своих студентов базовых риторических навыков, как правило, связанной с асимметрией когнитивно-дискурсивных механизмов представителей разных лингвокультурных сообществ в условиях межнационального общения. Как показывает педагогический опыт,

будущие переводчики, экономисты, дипломаты, специалисты в области международных деловых отношений зачастую не умеют правильно распознавать и адекватно реагировать на сарказм, завуалированные намёки, излишнюю стилистически необоснованную выразительность высказываний и прочие признаки речевого манипулирования, осуществляемого средствами родного, русского языка. Поэтому

целенаправленная выработка навыков успешной рецепции всего прагматического спектра персуазивного англоязычного текста и умение следовать соответствующей линии вербального поведения представляется непростой, но крайне актуальной задачей на фоне происходящих в современном мире интегративных процессов и одновременного усиления напряжённости в разнообразных сферах межкультурного взаимодействия.

Вопросы, прямо или косвенно связанные с речевым манипулированием и оказанием необходимого прагматического эффекта в разных типах современного дискурса, многократно становились предметом исследований языковедов-англистов, работающих в области функциональной лингвистики, прагматики, риторики, лингвосинергетики и теории межкультурной коммуникации. Интеграция отдельных приёмов функционально-лингвистического и лингвостилистического анализа в процесс преподавания практики устной и письменной речи на английском языке позволяет не только наглядно продемонстрировать учащимся сложный, комплексный характер отношений и связей, возникающих между различными дискурсивными элементами в процессе формирования целостного персуазивно-ориентированного функционально-смыслового пространства, но и развить важные для профессиональной компетенции умения идентифицировать способы и цели речевого воздействия, исходящего со стороны участников общения – носителей английского языка, а также способность самостоятельно и успешно комбинировать разноуровневые языковые средства для достижения необходимого прагматического эффекта. Наиболее удобным эмпирическим материалом для решения подобных задач служат тексты современных британских и американских периодических изданий, чей богатый тематический репертуар – от общественно-политических статей и экономической аналитики до обзоров культурной жизни – вызывает закономерный интерес учащихся и предоставляет яркие образцы письменного персуазивного дискурса масс-медиа.

В научной литературе под речевым манипулированием традиционно понимается «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путём искусного использования определённых ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [2, с. 25]. В самом общем

смысле речевое воздействие трактуется как любой акт коммуникации, «взятый в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности и планируемой эффективности» [1, с. 20]. Следовательно, персуазивный потенциал текста изначально определяется целевыми установками адресанта – явными и скрытыми. Функционально-коммуникативное поле каждого конкретного типа дискурса, включающее набор типизированных ситуаций общения, жанровых ограничений арсенала доступных участникам общения языковых средств и конвенциональных норм, которые регламентируют вербальное поведение, диктует «прозрачность» базовых целевых установок. Так, для дискурса масс-медиа главный вектор развития смыслового пространства детерминирован необходимостью решения ключевой задачи СМИ – информирования аудитории о событиях, фактах, мнениях и людях.

Поиск менее очевидных коммуникативных интенций автора текста представляет особый интерес в плане осмысления персуазивного эффекта дискурса. В отличие от более общего термина «речевое воздействие», персуазивность предполагает «изменение определённой позиции адресата с целью убеждения последнего принять точку зрения отправителя сообщения» [7, с. 391]. По мнению Л.В. Правиковой, целью персуазивного дискурса можно считать конструирование особого семиотического мира, изменение когнитивных установок собеседника, склонение его к определённой точке зрения, убеждение принять некоторое решение в интересах говорящего/ пишущего субъекта речи, при этом прагматическое воздействие сводится к односторонней попытке осуществить коммуникативное намерение при помощи тщательно подобранного набора языковых приёмов [4].

Исходя из специфических функциональных особенностей отдельных дискурсивных типов, скрытые интенции актуализируются с разной степенью речесмысловой репрезентации. Например, одним из главных требований, предъявляемых к официально-деловым документам с «классическим» сухим стилем изложения преимущественно фактуальной информации, является строгое соответствие языковой формы выражаемому содержанию-намерению, любое отклонение прагматического баланса внешней и внутренней структур дискурса в сторону неоднозначности и разнообразных импликаций сводится к минимуму или не допускается вовсе. В сферах общения с более демо-

кратизированным режимом интеракции между коммуникантами и широким спектром выразительных средств языка «удельный вес» речевого манипулирования в общей функциональной нагрузке дискурсивных элементов заметно возрастает. Именно эта отличительная особенность в значительной мере характеризует современный английский медиадискурс.

Как отмечает профессор Е.В. Пономаренко, «восприятие информации адресатом в определённой степени можно запрограммировать, не только подбирая специальное лексическое оформление, но и структурируя данные таким образом, чтобы выигрышную информацию максимально подчеркнуть и усилить, а нежелательную – по возможности отодвинуть на периферию смысловой системы текста или замаскировать. Тогда даже передача неискажённых (в основе своей) фактов может сформировать определённый эффект воздействия на реципиента» [3, с. 56]. Несмотря на то, что в идеализированной журналистике в целом и наиболее уважаемых, влиятельных британских и американских изданиях в частности открытое речевое манипулирование сознанием читателя не допускается, функционально-прагматическая эволюция английского дискурса масс-медиа и динамика существующих в нём коммуникативных норм влекут за собой популяризацию нестандартных вербальных приёмов в газетно-журнальных текстах, открывая широкие возможности для оказания риторического (персуазивного) воздействия.

Руководствуясь коммуникативно-стратегическим замыслом, автор медиатекста комбинирует языковые средства и выстраивает их в определённой последовательности с учётом всей сложной паутины функциональных связей, генерируя тем самым мощный прагматический эффект, который позволяет изменить отношение читателя к описываемому объекту/явлению действительности, модифицировать его общий эмоциональный настрой и интенционал, перестроить категориальную структуру индивидуального сознания адресата и ввести в него новые категории, активизировать необходимые адресанту фреймы и сценарии.

Рассмотрим в качестве примера отрывок из статьи «Under The Cover» известного британского еженедельника *The Economist* об отмене конституционных ограничений на продолжительность пребывания у власти

Председателя КНР:

Bloggers in China surpassed themselves in their ingenuity after the Communist Party announced its plan to get rid of presidential term limits, which would have required Xi Jinping to step down as head of state in 2023. One online commentator posted a picture of Winnie-the-Pooh hugging a jar of honey, with the caption “Find the thing you love and stick with it.” The Bear of Very Little Brain is used in China as code for the portly Mr Xi – the post was swiftly deleted by humourless censors. Others posted mock condom advertisements with tag lines such as “Doing it twice is not enough” and “I like how you’re always on top.” (The manufacturer solemnly informed readers that these were fakes.) Other banned terms included “I disagree”, “Animal Farm” (the novel), “emigrate”, “board the plane” (dengji, which also sounds like “ascend the throne”) and “Yuan Shikai”, an early 20th-century warlord who declared himself emperor and died six months later [10].

Реакция китайцев на известие о фактической отмене сменяемости власти внутри коммунистической партии показана автором текста через контрастное противопоставление ироничных отзывов пользователей Интернета и мер, предпринимаемых официальными лицами по борьбе с инакомыслием. Дискурсивные элементы *Winnie-the-Pooh*, *The Bear of Very Little Brain*, *portly* формируют в сознании читателя образ глуповатого, неповоротливого политика, стремящегося во что бы то ни стало заполучить страну (метафорично представленную словосочетанием *a jar of honey*) в единоличное владение. Фраза *surpassed themselves in their ingenuity* в самом начале статьи настраивает реципиентов на своевременность и объективность обличительного сарказма блоггеров. Попытки государственных органов нивелировать прагматику нежелательной риторики представлены в тексте языковыми средствами с преимущественно негативным оценочным компонентом в контексте продвигаемых редакцией журнала демократических ценностей: *humourless censors*, *banned terms*, *ascend the throne*, *declared himself emperor*. Краткий функционально-лингвистический анализ данного фрагмента показывает, как на первый взгляд разрозненные дискурсивные элементы кооперируют друг с другом, создавая комплексное персуазивное прагмасмысловое пространство, призванное спровоцировать у адресатов критичное отношение к грядущим переменам в Китае.

Способность языковых/ дискурсивных единиц взаимодействовать в функциональном плане в процессе совместного порождения ин-

тегративного прагмасемантического поля носит название «синергизм» [5; 6]. Сам термин произошёл от греческого слова, означавшего «слияние энергий», и в настоящее время активно используется в лингвосинергетике для описания особого кооперативного прагматического эффекта, возникающего при нелинейной актуализации линейно выстроенных разноуровневых языковых средств. Умение увидеть единое целое за его отдельными конституентами вопреки распротранённой среди большинства студентов клиповости мышления и в полной мере осмыслить синергизм персуазивной прагматики английского дискурса масс-медиа необходимо считать одной из основных целей специализированного языкового образования.

Так, статья «Can't Touch This», опубликованная в том же выпуске *The Economist*, рассказывает о неожиданно возникших трудностях в карьере многолетнего спикера Палаты представителей Иллинойса, пытавшегося замять обвинения в домогательствах против однопартийцев-демократов. Текст открывается следующим фрагментом:

Two well-known Chicago dinosaurs are attracting gawpers right now. One is Sue, the city's beloved 40-foot-long Tyrannosaurus rex, who is moving from the Field Museum's main exhibition hall to her private suite on the second floor. The other is Michael Madigan, the Democratic Speaker of the Illinois House, who has represented his district on the south-west side of Chicago for 47 years and been Speaker for 33 years. For the first time in his long career, Mr Madigan is facing calls to resign from members of his own party, because of the way he handled allegations of harassment at his office. Yet this episode has served mainly as a reminder of the extraordinary grip Mr Madigan has on state politics [8].

Синергизм персуазивной риторики достигается автором благодаря тщательно подобранным разноуровневым языковым средствам, кооперативно воздействующим на сознание читателей:

– разговорной лексеме *gawpers*, использование которой в политическом дискурсе масс-медиа вызывает определённое отклонение от стилистической нормы серьёзного публицистического текста;

– ироничному уподоблению политика Майкла Мэдигана отжившему свой век динозавру (*Two well-known Chicago dinosaurs, The other is Michael Madigan*) на фоне усиливающих экспрессивность синтаксического параллелизма второго и третьего предложений и аллитерации (*Sue,*

city's, Tyrannosaurus, suite, second; moving, from, Museum's, main, Michael Madigan, Democratic; handled, harassment);

– трёхкратной номинации предложения *for* (*for 47 years, for 33 years, For the first time in his long career*), призванной подчеркнуть чрезмерную длительность пребывания Мэдигана у власти и контрастно продемонстрировать неожиданность и сенсационность происходящего.

В результате авторская коммуникативная интенция реализуется достаточно успешно благодаря комплексной актуализации ключевых прагматических свойств статьи – убедительности изложения, образности и выразительности языка, ироничной манере подачи фактов. Транслируемый негативный оценочный компонент, связанный с неприятием пожилого политика и его морально устаревших взглядов на этику поведения коллег, легко воспринимается читателями и встраивается в их когнитивную систему.

В другой статье *The Economist* под экспрессивным названием «*Latin America's Latest Menace*» автор пытается сформировать в сознании читателей синергийный негативный образ одного из популярных бразильских политиков, претендующих на пост президента страны:

"GOD is Brazilian," goes a saying that became the title of a popular film. Brazil's beauty, natural wealth and music often make it seem uniquely blessed. But these days Brazilians must wonder whether, like the deity in the film, God has gone on holiday. The economy is a disaster, the public finances are under strain and politics are thoroughly rotten. Street crime is rising, too. Seven Brazilian cities feature in the world's 20 most violent.

The national elections next month give Brazil the chance to start afresh. Yet if, as seems all too possible, victory goes to Jair Bolsonaro, a right-wing populist, they risk making everything worse. Mr Bolsonaro, whose middle name is Messias, or "Messiah", promises salvation; in fact, he is a menace to Brazil and to Latin America.

Mr Bolsonaro is the latest in a parade of populists – from Donald Trump in America, to Rodrigo Duterte in the Philippines and a left-right coalition featuring Matteo Salvini in Italy. In Latin America, Andrés Manuel López Obrador, a leftwing firebrand, will take office in Mexico in December. Mr Bolsonaro would be a particularly nasty addition to the club. Were he to win, it might put the very survival of democracy in Latin America's largest country at risk [9].

Опытный публицист – продуцент персуазивного медиадискурса – начинает формиро-

вание функционального пространства актуализацией прагмасмысловых компонентов, внешне никак не связанных с политическими процессами в Бразилии, «издалека» подводя к раскрытию основной темы статьи. Интердискурсивные элементы *God, uniquely blessed, deity, title of a popular film, music, beauty, natural wealth*, относящиеся к семантическим полям религии, природы и культуры, настраивают читателей на восприятие информации о конкурентных преимуществах страны в сфере туризма. Однако далее в текст вводятся лексические единицы, диссонирующие с текущей стадией семантического развития: *economy, public finances, politics*. Нагнетание негативной прагматики (*disaster, under strain, thoroughly rotten, Street crime is rising, the world's 20 most violent*) резко контрастирует с достаточно позитивной характеристикой многочисленных достоинств Бразилии, создавая у читателей противоречивый образ прекрасной страны с огромным потенциалом, но находящейся в тяжелейшей финансово-политической ситуации.

Поворотность исторического момента подчёркивается сопоставлением контекстуально антонимичных в функциональном плане элементов *the chance to start afresh :: victory goes to Jair Bolsonaro, promises salvation :: menace to Brazil and to Latin America*. Адресатам публикации имплицитно предлагается самим решить, какой путь развития страны из двух описанных автором представляется наиболее перспективным. При этом для описания Джейра Болсонаро используются языковые средства с исключительно отрицательным оценочным прагмасемантическим компонентом: *right-wing populist, making everything worse, he is a menace, the latest in a parade of populists, particularly nasty addition to the club, might put the very survival of democracy in Latin America's largest country at risk*. На этом кон-

традикторном фоне повторная активизация религиозных интердискурсивных элементов (*Messiah, salvation*) призвана служить основой для скрытого уподобления кандидата в президенты чуть ли не Антихристу, пришествие которого в политическое поле Латинской Америки способно нанести непоправимый ущерб. Кооперативный эффект прагматического воздействия на аудиторию журнала усиливается синергийным комплексом разноуровневых экспрессивных языковых приёмов: аллитерации (*middle, name, Messias, "Messiah", promises, menace, America*), синтаксического параллелизма (*The economy is a disaster, the public finances are under strain and politics are thoroughly rotten. Street crime is rising, too*), игры слов – созвучие *Latin America* и *Latest Menace* в сильной позиции заглавия статьи привлекает внимание читателей, сообщая тексту дополнительные полезные с точки зрения целеполагания медиадискурса прагматические свойства, а совмещённые в одном высказывании *Messiah* и *menace* работают на облегчение восприятия основной идеи: прогрессивная общественность не должна допустить избрания Болсонаро.

Таким образом, функционально-лингвистический анализ фрагментов письменного дискурса масс-медиа позволяет будущим специалистам в области межкультурной профессиональной коммуникации получить холистическую, «объёмную» картину кооперативного порождения персуазивного прагмасмыслового пространства. Выработанные практические навыки помогут учащимся не только противостоять манипуляции, но и активно использовать потенциал синергизма прагматического воздействия в собственных коммуникативных интересах, обеспечив эффективность и аутентичное звучание их английской речи.

Список литературы

1. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.
2. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М.: Флинта: Наука, 2007. 176 с.
3. Пономаренко Е.В. Прагматическое воздействие как базовая функция английского делового дискурса // Филологические науки в МГИМО. №4 (12), 2017. С. 55-62.
4. Правикова Л.В. Персуазивность как когнитивная стратегия в парламентском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №1 (79), Ч.2, 2018. С. 359-362.
5. Храмченко Д.С. Ирония в английском деловом дискурсе: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 2010. 25 с.
6. Храмченко Д.С. Функционально-прагматическая эволюция английского делового дискурса: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. М., 2014. 55 с.
7. Хутыз И.П., Колчевская В.А. Персуазивность: специфика феномена в некоторых типах институционального дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №2 (80), Ч.2, 2018. С. 391-394.
8. Can't Touch This // The Economist. March 3rd 2018. P. 32.

9. Latin America's Latest Menace // The Economist. September 22d 2018. P. 11.
10. Under The Cover // The Economist. March 3rd 2018. P. 25-26.

Сведения об авторах:

Храмченко Дмитрий Сергеевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка №4 Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ (Москва, Россия). E-mail: d.s.khramchenko@icloud.com.

Радюк Александра Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: radyuk_av@pfur.ru.

SYNERGISM OF PERSUASIVE PRAGMATIC EFFECT IN ENGLISH MASS-MEDIA DISCOURSE

Dmitry S. Khramchenko, Alexandra V. Radyuk

Moscow State Institute of International Relations (University),
76 prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia
People's Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow 117198, Russia

The Abstract: *This article is devoted to functional-linguistic research into the actualization of a complex cooperative effect of pragmatic impact on recipients' emotional, volitional, intellectual spheres within modern English discourse of mass media. The authors analyze the notions of speech manipulation, persuasiveness and conclude that it is necessary to study the interconnectedness of explicit and implicit communicative goals, specific functional properties of a certain type of discourse and the inventory of verbal means, available to interlocutors. Articles published in The Economist are chosen as empirical material due to the popularity of this British magazine among ESP students and teachers. Despite the fact that journalism ideally rejects the idea of manipulating readers' minds, functional-pragmatic evolution of English mass media discourse and the dynamics of communicative norms have led to the popularity of non-standard verbal means in newspaper and magazine texts, thus providing multiple opportunities to cause pragmatic persuasive impact. Guided by the strategic communicative intention, journalists combine language units and arrange them in a particular sequence, while considering the whole network of functional ties among utterances. It helps generate powerful cooperative (synergetic) effect and change readers' attitude to the described phenomenon, modify their emotional state and intentions, activate required frames and scripts in their consciousness.*

Key Words: *functional linguistics, pragmatics, rhetoric, mass-media discourse, pragmatic impact, synergy.*

References

1. Can't Touch This // The Economist. March 3rd 2018. P. 32.
2. Issers, O.S. Retchevoie vozdeistviie [Speech impact]. Moscow, 2009.
3. Khramchenko D.S. Funktsionalno-pragmaticheskaia evolutsia angliiskogo delovogo diskursa: Avtoref. ... doktora filol. n. [Functional-pragmatic evolution of English business discourse: Author's Abstract of Doctoral Sc. Thesis]. Moscow, 2015.
4. Khramchenko D.S. Ironia v angliiskom delovom diskurse: Avtoref. ... kand. filol. n. [Irony in English Business Discourse: Author's Abstract of Cand. Sc. Thesis]. Moscow, 2010.
5. Khutyz I.P., Koltchevskaia V.A. Persuazivnost: spetsifika fenomena v nekotorykh tipakh institutsionalnogo diskursa [Persuasiveness: the specifics of the phenomenon in certain types of institutionalized discourse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Theoretical and practical issues]. №2 (80), Vol. 2, 2018, pp. 391-394.
6. Kopnina G.A. Retchevoe manipulirovanie [Speech manipulation]. Moscow, 2007.
7. Latin America's Latest Menace // The Economist. September 22d 2018. P. 11.

8. Ponomarenko E.V. Pragmaticheskoe vozdeistvie kak bazovaia funtsiia angliiskogo delovogo diskursa [Pragmatic impact as a basic function of English business discourse] // Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological sciences at MGIMO]. №4 (12), 2017, pp. 55-62.
9. Pravikova L.V. Persuazivnost kak kognitivnaia strategii v parlamentskom diskurse [Persuasiveness as a cognitive strategy in parliamentary discourse] // Voprosi teorii i praktiki [Philological sciences. Theoretical and practical issues]. №1 (79), Vol. 2, 2018, pp. 359-362.
10. Under The Cover // The Economist. March 3rd 2018. P. 25-26.

About the authors:

Dmitry S. Khramchenko – Dr. of Philology, Associate Professor, professor of English Language Department № 4 at MGIMO (University). E-mail: d.s.khramchenko@icloud.com.

Alexandra V. Radyuk – Candidate of philology, senior lecturer, foreign languages department, faculty of economics, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: radyuk_av@pfur.ru.

✱ ✱ ✱

ESTEREOTIPOS DE LO BONITO Y LO FEO (A BASE DE LAS LOCUCIONES ESTABLES)

Elena B. Perederiy

Universidad Pedagógica Estatal de Moscú 1,
calle Malaya Pirogovskaya, Moscú, 119991, Rusia

El artículo presenta el análisis de los estándares propios para el corpus de las comparaciones estereotipadas que describen la hermosura y la fealdad de una persona u objeto y contienen las palabras bonito, hermoso, bello, guapo y feo. Los conceptos de lo bonito y lo feo son polifacéticos y cambiantes en el tiempo, por lo que el estudio de los mismos ayuda a revelar los gustos y las preferencias estéticas existentes en una comunidad y en una época concretas. Los estándares que se asocian con la hermosura y la fealdad se han distribuido en 8 y 9 campos semánticos respectivamente. Para lo bonito destacan los campos siguientes: religión y mitos; piedras y metales preciosos; artefactos, obras de arte y literatura; cuerpos celestes; flora; fauna; amanecer y anochecer; personajes del mundo de los espectáculos y la moda. Para lo feo los estándares pertenecen a los campos de religión, mitos y creencias; objetos domésticos; flora; fauna; noche; personajes del mundo del espectáculo y la moda; nombres de personas reales que llegaron a simbolizar la fealdad; fenómenos negativos; situaciones negativas.

Ключевые слова: lengua española, locuciones comparativas estables, estándar de la comparación, linguoculturología, bonito, hermoso, bello, guapo, feo.

La hermosura constituye una categoría esencial de la Filosofía y la Estética. Dejando de lado su interpretación filosófica, ya que requeriría un estudio aparte, concentrémonos en el plano lingüístico.

Este concepto tiene representación en los adjetivos *bonito, hermoso, bello, lindo y guapo*, así como en los sustantivos *belleza y hermosura*. Las definiciones que ofrecen los diccionarios de la lengua española reflejan en líneas generales la noción estética, o sea, perfección de las formas, lo que agrada la vista y encarna un ideal.

Por ejemplo, DRAE define *bello* como aquello que «por la perfección de sus formas, complace a la vista o al oído y, por extensión, al espíritu» y *hermosura*, como «proporción noble y perfecta de las partes con el todo; conjunto de cualidades que hacen a una cosa excelente en su línea» [21].

Lamentablemente, este prestigioso diccionario no llega a revelar la diferencia existente entre los citados adjetivos y sustantivos, ya que una palabra es definida con ayuda de otras, por ejemplo:

hermosura – belleza de las cosas que pueden ser percibidas por el oído o por la vista;

bonito – lindo, agraciado, de cierta proporción y belleza;

lindo – hermoso, bello, grato a la vista;

guapo – bien parecido.

El diccionario de María Moliner, que repite de forma casi literal la definición de *bello*, aclara, en cambio, el significado de sus sinónimos. *Hermoso* es bello, con una belleza impresionante, por su perfección o por la magnitud de la cosa en que está; *bonito* se aplica en lenguaje llano o a los objetos corrientes, en vez de *bello* o *hermoso*, que se reservan para el lenguaje más literario o solemne, o para objetos de más importancia; *lindo* significa “correcto de formas y agradable de mirar, sin llegar a tener una belleza perfecta o impresionante”; *guapo* se aplica a una persona, hombre, mujer o niño, de belleza corriente [19].

El antónimo de lo bonito, que es *feo*, se presenta en su primera acepción como “desprovisto de belleza y hermosura” [21] y “se aplica a lo que impresiona

desagradablemente el sentido de la vista” [19]. La segunda acepción denota algo que “causa desagrado o aversión”, “malo” y es aplicable a las acciones [19; 21].

Los conceptos de lo bonito y lo feo tienen muchas dimensiones y son cambiantes en el tiempo, por lo que el análisis de las locuciones comparativas estables podría manifestar los respectivos estándares que existen en una comunidad lingüística. Nuestro propósito consiste, por lo tanto, en revelar y describir los estándares clásicos y modernos para determinar la evolución de los referentes estéticos.

Las comparaciones estables, que forman parte de la fraseología, representan una variante semántica y sintáctica específica de las construcciones comparativas.

Semánticamente, constituyen el predicado caracterizador y de un actante, que denota ciertos rasgos de este (*Juan es más feo que Picio*).

La estructura lógica de la comparación estable comprende el sujeto de la comparación (*Juan*), la base (*feo*) y el objeto o estándar (*Picio*).

Como el estándar integra el predicado, debería apuntar al sentido, al aspecto significativo y no denotativo. Sin embargo, el contenido del estándar no se deriva del sentido directo de la palabra ni es, ni mucho menos, una acepción figurada. En las locuciones *sucio como un cerdo* y *astuto como un zorro* los rasgos de “sucio” y “astuto” no se deducen de los significados de *cerdo* y *zorro* respectivamente. Porque si fuera así, dichas acepciones figurarían en los diccionarios como elementos de la estructura semántica [1, p. 103].

Debemos dar la razón a la afirmación de V.I. Zimin de que “en el marco de los estándares de las locuciones estables, los objetos del mundo real no se reflejan tal y como son de verdad, sino como la conciencia humana los ha asimilado en cierto espacio cultural o en cierta comunidad lingüística” [1, p. 112]. En este sentido sería apropiado hablar del significado empírico [6, p.73], connotaciones culturales [7, p. 14-215] o significado específico, cultural o linguacultural [3, p. 144-151].

En el plano sintáctico, las locuciones comparativas estables se manifiestan en las construcciones

S+ ser A como un/una P

S+ ser más A que un/una P

(S – sujeto, A – base, P – estándar).

Y que conste, el artículo indeterminado, que acompaña usualmente el estándar, subraya la función apreciativa de la locución.

En el plano pragmático, la comparación cumple la función apreciativa, siendo una especie de intensificador para la base. En otras palabras, cuando somos incapaces de encontrar palabras exactas, recurrimos a la comparación figurada [5, c. 174]. Es decir, estas construcciones aportan expresividad, precisión y claridad de la apreciación.

Las comparaciones estables se basan en las asociaciones y la visión figurada de la realidad. Sin embargo, poseen rasgos específicos si se los contrasta con otras unidades fraseológicas: primero, carecen del significado único e indivisible; segundo, destacan por su variabilidad, creación de nuevos estándares a partir de las circunstancias. No podemos menos de compartir la opinión de V.F. Meyerov de que es la base de la comparación la que da impulso a la creación de los estándares generalizados, que da lugar en cada lengua a unas u otras asociaciones: *bonito como, feo como, inteligente como, zancudo como* etc. [4, p. 75].

Es indudable que la fuente de las asociaciones y, por consiguiente, de las comparaciones, es el mundo circundante, el hombre y sus cualidades, los animales, la naturaleza, fenómenos de la cultura e historia. Y, como veremos abajo, el estándar puede ser tanto “eterno”, heredado del contexto cultural de otras épocas, como fruto de la coyuntura actual. Es decir, un fenómeno o personaje significativo puede convertirse en estándar si ha impactado en la sociedad. Por su parte, la vitalidad de semejantes innovaciones depende del valor que tenga el estándar mismo para los hablantes. De este modo, el estudio de los estándares en el marco de las comparaciones estables nos hace ver los referentes y valores propios para una sociedad en cierto período de tiempo.

El presente estudio se realizó sobre la base de los diccionarios fraseológicos de la lengua española [2, 15, 19, 21, 26], el Corpus de Referencia del Español Actual (CREA) [22] y materiales digitales, especialmente blogs¹. Hemos seleccionado y sistematizado las comparaciones estables con las palabras *bonito, bello, hermoso, guapo y feo*. El adjetivo *lindo* ha sido excluido del análisis por falta de locuciones estables. El carácter estable se confirmó con su uso reiterado en los textos, a diferencia de los símiles. Llama la atención también el hecho de que los cuatro adjetivos que designan hermosura se emplean en proporciones iguales, al tiempo que para *feo* no se ha encontrado sinónimos.

Hemos revelado que lo bonito se asocia con más frecuencia con los fenómenos siguientes:

¹ Habida cuenta de que la relación de los sitios de Internet constituye una lista muy larga, no hemos tenido la posibilidad de enumerar los enlaces, contentándonos con indicar tan solo las obras literarias.

1. Personajes y fenómenos religiosos y mitológicos

- para caracterizar al hombre: *Apolo, Dios, Diosa, virgen, arcángel*
- para caracterizar el lugar o el paisaje: paraíso.

¿Cuándo decimos “*hermoso como un dios*”? Pues cuando queremos recalcar una hermosura perfecta y fría de las estatuas griegas o sus copias romanas, facciones y figura clásicas, como las de Apolo. Esta hermosura no despierta simpatía y ternura, sino admiración. En la tradición cristiana no se habla del aspecto del Dios, pero sus imágenes pictóricas y escultóricas, al igual que las de los santos y demás personajes cristianos, han hecho que se convirtieran en el estándar de una belleza divina y sublime:

Para colmo, es hermosa como una Diosa [10, p. 22].

Es hermoso como un dios griego [25].

Maysel era dulce como la melaza, hermoso como Apolo.

...es hermoso como un arcángel.

que es hermosa como una virgen, no puede ser menos...

Haciendo alarde de la belleza de un lugar o paisaje, se puede compararlo con el paraíso, para destacar una naturaleza exuberante y salvaje, así como la paz que reina allí:

Hawái es hermoso como un paraíso.

2. Piedras y metales preciosos: *alejandrina, coral, oro, perla, diamante.*

Las piedras preciosas y el oro han sido siempre símbolo de riqueza y lujo, su brillo y la perfección de las formas maravillaban y provocaban admiración. Por eso no es de extrañar que hayan llegado a ser estándares de la belleza, aunque últimamente se han devaluado como tales. Así, *coral* figura solo en los diccionarios; *alejandrina, oro y perla* se han encontrado en las obras de los siglos 17-19:

Que es bonito como un oro [27, p.128].

El único estándar “vivo” es *diamante*: *...hermoso como un diamante.*

3. Artefactos, obras de arte y literatura

- para caracterizar al hombre: Barbie, canción, cuadro, cuento de hadas, escultura de barro, estatua, muñequita de porcelana, pintura, poesía
- para caracterizar el lugar o paisaje: foto, fotografía, postal (del campo)

Es un grupo heterogéneo, que incluye tanto estándares tradicionales como modernos.

La comparación con un artefacto puede indicar lo artificial y poco natural que se presenta el objeto o persona [*cara de muñeca*], manifestando que el

objeto es aún mejor que el natural, porque su belleza es irreal.

Es bonita como una Barbie.

Esta chica no es lo que se dice guapa, es bonita, como una muñeca.

...el agua es hermosa como una fotografía, y los nidos de tortugas marinas le agregan un toque ecológico a la diversión.

... todo es hermoso, como un cuento de hadas.

Tales estándares muestran también la perfección del objeto o la apariencia, puesto que la imagen es capaz de disimular los defectos existentes y resaltar las virtudes.

Son relativamente frecuentes las comparaciones con la poesía y canción, inusitadas para los rusos:

Yolima Pérez es bonita como una poesía... O como una canción.

Además de los estándares mencionados, existen otros dos en el marco de este grupo, que a primera vista se presentan controvertibles y paradójicos y que son *camión y tren*. En lo que se refiere a *camión*, todo parece indicar que este estándar fue prestado del francés. El diccionario francés en línea “Reverso Dictionnaire” [23] explica que esta expresión cobró difusión a mediados del siglo 20, cuando el país recibió muchos camiones norteamericanos según el Plan Marshall. Como eran más modernos y potentes que los vehículos franceses, la comparación llegó a empararse como intensificador de lo bonito.

En español, la locución *bonito como un camión/tren* se menciona en los diccionarios de María Moliner [19] y Víctor León [15]:

Estar como un camión (inf.). Ser muy atractiva físicamente una persona. ≈ Estar como un tren.

4. Cuerpos celestes: estrella, luna, sol, rayo de sol

Encarnan la hermosura humana por poseer atractivo y cierto misterio:

Camila es una nena tan hermosa como una estrella [11, p.24].

Y además, el nieto era bonito como un sol... [24, p.198].

Verdaderamente era bonita como la luna [12, p.73].

Y que conste, la expresión *rayo de sol* se ha encontrado solo en las fuentes lexicográficas.

5. La flora

- para caracterizar al hombre: flor, rosa
- para caracterizar objetos inanimados: flor.

El empleo de la flor – y sobre todo de la reina de las flores, la rosa –, no requiere explicaciones, ya que las flores personifican una hermosura perfecta, natural y tierna:

Eres tan bonita como una rosa del jardín, también del paraíso.

Françoise llegó. Hundida como siempre, pero feliz. Radiante y guapa como una flor [20, p.8].

El mar *es bonito como una flor*.

6. La fauna: gacela, mariposa, paloma

Los animales no parecen simbolizar la belleza porque los ejemplos encontrados son escasos. La comparación con la gacela subraya la gracia y la ligereza, mientras los ejemplos que contienen *mariposa* y *paloma* son rimados y hacen recordar eslóganes:

¿Que la muchacha era tan bonita como una gacela?

La paz es bonita como una palomita.

Eres hermosa como una mariposa.

7. Amanecer y anochecer

La indudable hermosura de los amaneceres y anocheceres con su juego de luces multicolores se han hecho estándares que se aplican tanto al ser humano como al terreno:

Un llanto llena la estancia, se vuelcan las miradas sobre aquel infante limpio como un cántaro, hermoso como un amanecer...

8. Personajes del mundo del espectáculo y la moda: actriz en los Oscar, artistas, cantante, celebs, estrella de cine, estrella del rock and roll, famosas, modelo, stars.

Precisamente estos personajes son los que llegaron a ser los verdaderos ídolos e iconos de estilo debido al triunfo de la cultura de masas, los éxitos de la cirugía plástica y los avances poligráficos. Ello generó un sinfín de comparaciones, en las que cumplen la función de estándares de lo bonito:

¡Tan guapa como las stars! [9, p.156]

Sí, debe de ser muy guapa, como las artistas.

Es de suponer que estas comparaciones no son sino una versión moderna de los estándares de una belleza divina o artificial, porque las numerosas divas son inasequibles e impecables como diosas, al tiempo que sus imágenes en las revistas distan mucho de ser reales.

Los estándares de las comparaciones con *feo* manifiestan coincidencia parcial con los campos semánticos arriba citados, sin que se observe una simetría absoluta entre lo bonito y lo feo.

1. Fenómenos relativos a la religión, dioses paganos, mitos y cuentos fabulosos: *demonio, blasfemia, pecado, infierno, orco, Hombre Lobo, bú, ogro, cochero de Drácula*.

La dicotomía de dios y diablo, de paraíso e infierno como símbolos de lo bonito/feo es natural y universal en el mundo cristiano y aplicable tanto a personas como objetos:

Jodo, el “emate 300” ese lo tiene todo: feo como un pecado, y tiene pinta de ser incomodísimo por los cantos sobresalientes a los lados del teclado.

Feo como el demonio, tanto que Aquiles y Ulises lo aborrecían hasta la saciedad.

Los mitos y cuentos fabulosos, al igual que las obras modernas de género fantástico abundan en múltiples y diversos personajes feos y repugnantes que se han asociado con la fealdad tanto en las épocas anteriores como hoy en día. Por ejemplo:

Que soy tan feo como los ídolos de estos paganos [13, p.114].

Yo soy tu Frasquita, y tú eres mi Lucas de mi alma, más feo que el bú [8, p.49].

... el tío es casi igual de feo que el Hombre Lobo [16, p.232].

La locución *Más feo que el cochero de Drácula* merece un comentario aparte. Podemos conjeturar que se surgió bajo la influencia del aspecto que tenía el cochero muerto en la película clásica de suspense “Drácula”, dirigida por Tod Browning en 1931 y en su secuela del director Francis Ford Coppola (1992).

2. La flora: agua de coco, cactus.

Si la rosa es símbolo de la belleza, lo feo se asocia con el cactus, y en Puerto Rico, con el agua de coco:

Eres más feo que un cactus.

...más feo que el agua de coco.

3. La fauna: simio, mono, mono verde, mico, tití, el culo de un macaco, mula, topo, oso, lobo, grajo, grillo, cucaracha, perro de taller.

En opinión de la comunidad hispana, los animales más feos son los primates: mono y más concretamente, mono verde, macaco, tití, mico, simio. La comparación de lo feo con un mono es tan difundida que la palabra misma llegó a designar un hombre feo [21]:

El otro estúpido y feo como un mono.

Soy podridamente feo, feo como un simio.

Tampoco han tenido suerte en este sentido algunos otros animales e insectos:

Como eres tan feo como una mula pero más tonto, si un desconocido te dice que te vayas con él, te vas.

En su afán por no parecer feo como el oso, el hombre moderno ha comenzado a incursionar en territorios que antes eran casi exclusivamente femeninos.

Hemos incluido en este grupo un fenómeno colombiano, los perros que se llaman *perros de taller*. Estos perros vagabundos y sin raza, sucios y descuidados, eran fieles guardianes de los pequeños comercios y con sus fieras dentaduras y profundos ladridos y aullidos, asustaban al más audaz de los ladrones. En la actualidad, la construcción de grandes

centros comerciales los va reemplazando por costosos sistemas de alarma. También la famosa canción “Perros de taller” ha favorecido la popularidad de este estándar.

4. Los nombres de personas que llegaron a simbolizar la fealdad: Picio, Carracuca, sargento de Utrera.

Es sabido que eran hombres reales, de los que hablan, por ejemplo, el “Diccionario de refranes, adagios, proverbios modismos, locuciones y frases proverbiales de la lengua española” de J.M. Sbarbi [26] y el libro “El porqué de los dichos” de J.M. Iribarren [14]. Así, el famoso personaje Picio vivió en Granada y fue zapatero. Lo condenaron a muerte por un crimen, pero la víspera de la ejecución, estando ya en la capilla rezando, recibió un indulto. La sorpresa fue tan grande para este zapatero que se le cayeron el pelo, las cejas y las pestañas y, por si fuera poco, le salieron tumores en la cara, dejándole totalmente deformado.

En lo que se refiere a Carracuca, la leyenda popular dice que fue un hombre de origen cántabro bastante desdichado, pero esto no se ha podido confirmar. Su nombre empezó a usarse como símbolo de fealdad a partir de 1853 en obras literarias y dramáticas.

El sargento de Utrera, del que dicen que “reventó de feo”, se llamaba Miguel de Silva. Nació hacia 1540 cerca de Sevilla y fue tan grande su fama que hacia el año 1600 iban en romería a verlo, por la notoriedad que su fealdad alcanzó», escribe el autor de “El porqué de los dichos” [14, p.303].

Sin embargo, es precisamente Picio el estándar más usado en la actualidad:

Yo venía de entregar las fotos de una boda a una familia del Carmelo, y los novios eran tan pobres que sólo se quedaron dos, una en el altar y otra en el portal de la iglesia, tieso él y sonriente y más feo que Picio [16, p.232].

5. Noche (oscura, sin estrellas, de truenos)

Como contrapeso a la luz, el juego de rayos de sol durante el amanecer o atardecer que admiramos por su belleza, la noche, sobre todo sin estrellas o con rayos y truenos, se asocia con lo feo y es aplicable tanto a los objetos inanimados como a las personas y animales:

A través de los barrotes de la reja vi lo que uno puede ver en cualquier alcantarilla: un pozo desfondado, negro, feo como una noche sin estrellas [18, p.137].

Mi amigo es feo como la noche y trabaja como vendedor de seguros.

...usted no es hermoso, de hecho es usted bastante feo, feo con f de foco fundido, feo como una no-

che oscura, deje de pensar que es guapo porque no lo es

El rape también conocido en Galicia como peixe sapo y en Asturias como pixín, es un pescado blanco y de agua salada. Feo como una noche de truenos, pero sabrosísimo.

6. Fenómenos negativos: kilo de mierda, tiro de mierda, hambre, dolor.

Este grupo, totalmente heterogéneo, lo único que tiene en común es una apreciación negativa, la cual evolucionó hacia la fealdad, siguiendo la estructura semántica del adjetivo feo que reúne estas dos acepciones.

Por cierto, he visto tu foto y eres más feo que un tiro de mierda.

El Loco era más feo que un dolor [17, p.45].

7. Objetos domésticos feos: frigorífico por detrás, el frigorífico de un gitano por detrás, la parte trasera de un frigorífico, carro por debajo.

Es de dominio público que la parte trasera de los electrodomésticos o el automóvil por debajo, ocultos a la vista, no es la cosa más atractiva del mundo por el polvo o barro, la suciedad o cables y detalles exentos de finura. La conciencia popular no prescindió de aprovechar esta circunstancia para crear un nuevo estándar de cosas feas:

El Regal Supervan III es más feo que la parte trasera de un frigorífico.

8. Situaciones negativas: cobrar las bolsas en el supermercado, mandar a la abuela a por droga, pegarle a un padre con un calcetín sudado, ser grosero con la abuela, pegar a un padre, pegarle a la madre en navidad, pegarle a la mama en semana santa, morir a la mamá de hambre, poner a los hijos a pedir limosna.

Este grupo de estándares parece violar la estructura sintáctica de las comparaciones estables, ya que en vez de un estándar sustantivo aparece toda una proposición que cuenta con predicado y actantes.

Las citadas situaciones tienen una apreciación marcadamente negativa, contraviniendo las normas de la moral o la ley. Es otro caso de trasposición de una acepción a otra en feo, o sea, de malo a desprovisto de belleza. Al mismo tiempo, traslucen ironía; por ejemplo, es malo pegarle a la madre en navidad, como si ello fuera permitido en otros días.

Tales estándares se aplican a los animales y personas:

El primer toro, que le pegó una cornada al banderillero Pedro Mariscal, estaba encastado y lucía trapío; el tercero era más feo que pegar a un padre.

Bueno, hay que entenderle, puede que el chico sea más feo que pegar a la madre el día del cumpleaños,

pero chicas tienen que ver su interior puede, que sea un príncipe.

9. Protagonistas de seriales y programas televisivos, gente del mundo del espectáculo: el famoso guitarrista de Rolling Stones Mick Jagger, los cantantes Freddy Mercury, Paquirrín, RuPaul, los personajes de la versión española de “Barrio Césamo” Espinete y su hermano, etc.

Un hombre con esos rasgos siempre parecerá atractivo a una mujer aunque sea tan feo como Mick Jagger.

Resumiendo, comparemos los campos semánticos propios a los estándares de lo bonito y feo:

Bonito	Feo
Religión, mitos, creencias	Religión, mitos, creencias
Piedras y metales preciosos	-
Artefactos, obras de arte y literatura	Objetos domésticos
Cuerpos celestes	-
Flora	Flora
Fauna	Fauna
Amanecer y anochecer	Noche
Personajes del mundo del espectáculo y la moda	Personajes del mundo del espectáculo y la moda

-	Los nombres de personas reales que llegaron a simbolizar la fealdad
-	Fenómenos negativos
-	Situaciones negativas

Resumiendo, el análisis de los estándares de lo bonito y feo que se usan en el marco de las construcciones comparativas estables patentiza el carácter creativo de la conciencia lingüística popular, que se adapta a las nuevas realidades, creando puntos de referencia cada vez más nuevos, llamativos y expresivos. Llama la atención también el hecho de que la estructura sintáctica de las comparaciones estables resulta ser tan flexible como el léxico, ya que se ha visto alterada en el habla popular: el estándar de lo feo puede ser expresado por una proposición entera y no por el sustantivo.

Al mismo tiempo, vemos que los campos semánticos pertenecientes a los dos estándares no son del todo simétricos, tampoco se registran antónimos frecuentes, a excepción de “dios – diablo”, “amanecer – noche”. Sin embargo, la conciencia popular ha elegido algunos elementos de los citados campos semánticos, dotándolos de belleza o fealdad respectivamente y formando oposiciones esporádicas como “rosa – cactus”.

Список литературы

1. Зимин В.И., Пак Сон Гу. О национально-культурных особенностях устойчивых сравнений.// Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. 338 с. с.102-113.
2. Испанско-русский фразеологический словарь / под ред. Э.И. Левинтовой. М: Русский язык, 1985. 1075 с.
3. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М:Издат. центр «Академия», 2004. 208 с.
4. Мейеров В.Ф. Компаративные устойчивые фразы (семантика, позиция, функция) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. - Вып. 2. - Новосибирск, 1973. С. 73-89.
5. Мокиенко В.М. О словаре русских народных сравнений.// Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 173-177.
6. Стернин И.А. Лексическое значение в речи. Воронеж, 1985. 253 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М. Языки русской культуры, 1996. 288 с.
8. Alarcón Pedro Antonio de. El sombrero de tres picos. Bookclassic 2015. 49 págs.
9. Castro L. La fiebre amarilla. Barcelona: Anagrama, 1995. 176 págs. P.156
10. Díaz García M. Amarinte: (Mayo). Madrid: Huerga Y Fierro Editores, 1997. 192 págs.
11. Edgardo Ávila H. Refracciones y Otros Escritos. Buenos Aires:Turmalina, 2011. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?isbn=9871587325> (Дата доступа 10 декабря 2017 г.)
12. Faner P. Flor de sal. Barcelona: Áncora y Delfín, 1986. 153 págs.
13. Fuentes, C. Ceremonias del alba. México D.F: Lucía Cid V., Siglo Veintiuno, 1991. 197 págs.
14. Iribarren J.M. El porqué de los dichos. Madrid:Ariel, 2015 – 303 págs.
15. León V. Diccionario de argot español. Madrdr: Aianza Editorial, 1980.157 págs.
16. Marsé, J. Rabos de lagartija. Barcelona: Lumen, 2000. 163 págs.
17. Martín Vigil, J. L. En defensa propia. Barcelona: Planeta, 1985. 126 págs.
18. Mazora M. Mefisto malherido. Madrid: Editorial Verbum, 2015. 190 págs.
19. Moliner M. Diccionario de uso del español. Madrid: Gredos, 1986. 1680 págs.
20. Palou I. Carne apaleada. Barcelona: Planeta, 1975. 322 págs.
21. Real Academia Española. Diccionario de la lengua Española. 23ª edición. Madrid: S.L.U. Espasa Libros, 2014. – 2432 págs.
22. REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: Banco de datos (CREA) [en línea]. Corpus de referencia del español actual. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rae.es> (Дата доступа 15 января 2018 г.)

23. Reverso Diccionario. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dictionnaire.reverso.net/francais-efinition/beau%20comme%20un%20camion> (Дата доступа 11 декабря 2017 г.)
24. Risco V. Gamalandalfa./Obra completa, 2. Madrid: Akal Editor. 390 págs.
25. Rolando Rojo Redolés. La pensión de doña Rosaura. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.letrasdechile.cl/Joomla/index.php/cuentos/3519-3519> (Дата доступа 10 января 2018 г.)
26. Sbarbi y Osuna J. M. Diccionario de refranes, adagios, proverbios modismos, locuciones y frases proverbiales de la lengua española. T. 1,2. Madrid: Librería de los Sucesores de Hernando, 1922. 574 págs.
27. Tirso de Molina. Marta la Piadosa. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=2SlGAQAAIAAJ&pg=PA128&lpg> (Дата доступа 5 января 2018 г.)

Sobre la autora:

Elena Perederi es Doctora en Letras, catedrática del Departamento de Lenguas Románicas V.G.Gak de la Universidad Pedagógica Estatal de Moscú (MPSU, Rusia, Moscú). Esferas de investigación e intereses científicos: Semántica y Sintaxis de la lengua española, Linguoculturología. E-mail: elenaperederi@gmail.com.

Сведения об авторе:

Передерий Елена Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романских языков им. В.Г. Гака МПГУ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: семантика, синтаксис испанского языка, лингвокультурология. E-mail: elenaperederi@gmail.com.

STEREOTYPES OF BEAUTY AND UGLINESS (ON THE BASIS OF SET FIGURATIVE COMPARISONS)

Elena B. Perederi

Moscow Pedagogical State University,
1, M. Pirogovskaya Street, Moscow, 119991, Russia

The Abstract: *The article presents the analysis of the standards belonging to the corpus of the stable figurative comparisons that describe the beauty and the ugliness of a person or object and contain the words bonito, hermoso, bello, guapo and feo. The concepts of the beautiful and the ugliness are multifaceted and changing in time, so that the study thereof helps to reveal the aesthetic taste and preferences existing in a certain language community and in a given period of time. The standards associated with the beauty and ugliness have been distributed in 8 and 9 semantic fields respectively. For the standards of beauty the following semantic fields are highlighted: religion and mythology; precious stones and metals; artifacts, works of art and literature; celestial bodies; flora; fauna; dawn and sunset; representatives of show business and the world of fashion. The standards of ugliness are distributed in semantic fields: religion, myths and beliefs; household items; flora; fauna; night; representatives of show business and the world of fashion; the names of real people who became the embodiment of ugliness; negative phenomena; negative situations.*

Key Words: *Spanish language, stable figurative comparison, standard of the comparison, cultural linguistics, bonito, hermoso, bello, guapo, feo.*

References

1. Zimin V.I., Pak Son Gu. O nacional'no-kul'turnykh osobennostiakh ustoichivyykh sravnenii. [About the National and Cultural Particularities of Set Comparisons]. Kul'turnye sloi vo frazeologizmax i diskursivnykh praktikakh [Cultural Strata in the Phraseological and Discursive Practice]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury [Languages of Slavic Culture], 2004. 338 pp. pp.102-113.
2. Ispanko-russkii frazeologicheskii slovar' /pod red. E.H.I. Levintovoi [Spanish-Russian Phraseological Dictionary. Edited by E. Levintova]. M: Russkii iazyk [Russian Language], 1985. 1075 pp.
3. Maslova, V.A. Lingvokul'turologiia: uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii [Lingvoculturology: School-book for students of higher education centers]. M:Izdat. centr «Akademiia» [Editing center Academia], 2004. 208 pp.

4. Meyerov V.F. Komparativnye ustoichivye frazy (semantika, pozitsiia, funktsiia) [Comparison Set Phrases (Semantics, Position, Function)]. Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniia. [Actual problems of Lexicology and Word-Formation]. No. 2. Novosibirsk, 1973. pp. 73-89.
5. Mokienko V.M. O slovare russkikh narodnykh sravnenii [About the Dictionary of Popular Comparisons]. Voprosy teorii i istorii iazyka [Questions of Theory and History of the Language]. SPb., 1993. pp. 173-177.
6. Sternin I.A. Leksicheskoe znachenie v rechi [Lexical Meaning in the Speech]. Voronezh, 1985. 253 p.
7. Teliia V.N. Russkaia frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and lingvocultural aspects]. M. Iazyki russkoi kul'tury [Language of Russian Culture], 1996. 288 p.
8. Alarcón Pedro Antonio de. El sombrero de tres picos. Booklassic 2015. 49 págs.
9. Castro L. La fiebre amarilla. Barcelona: Anagrama, 1995. 176 págs. P.156
10. Díaz García M. Amarinte: (Mayo). Madrid: Huerga Y Fierro Editores, 1997. 192 págs.
11. Edgardo Ávila H. Refracciones y Otros Escritos. Buenos Aires: Turmalina, 2011. <https://books.google.ru/books?isbn=9871587325> (Accessed 10 December 2017 r.)
12. Faner P. Flor de sal. Barcelona: Áncora y Delfín, 1986. 153 págs.
13. Fuentes, C. Ceremonias del alba. México D.F: Lucía Cid V., Siglo Veintiuno, 1991. 197 págs.
14. Iribarren J.M. El porqué de los dichos. Madrid: Ariel, 2015 – 303 págs.
15. León V. Diccionario de argot español. Madrid: Aianza Editorial, 1980. 157 págs.
16. Marsé, J. Rabos de lagartija. Barcelona: Lumen, 2000. 163 págs.
17. Martín Vigil, J. L. En defensa propia. Barcelona: Planeta, 1985. 126 págs.
18. Mazora M. Mefisto malherido. Madrid: Editorial Verbum, 2015. 190 págs.
19. Moliner M. Diccionario de uso del español. Madrid: Gredos, 1986. 1680 págs.
20. Palou I. Carne apaleada. Barcelona: Planeta, 1975. 322 págs.
21. Real Academia Española. Diccionario de la lengua Española. 23ª edición. Madrid: S.L.U. Espasa Libros, 2014. – 2432 págs.
22. REAL ACADEMIA ESPAÑOLA: Banco de datos (CREA) [en línea]. Corpus de referencia del español actual. <http://www.rae.es> (Accessed 15 January 2018)
23. Reverso Dictionnaire. <http://dictionnaire.reverso.net/francais-efinition/beau%20comme%20un%20camion> (Accessed 11 December 2017 r.)
24. Risco V. Gamalandalfa./Obra completa, 2. Madrid: Akal Editor. 390 págs.
25. Rolando Rojo Redolés. La pensión de doña Rosaura. <http://www.letrasdechile.cl/Joomla/index.php/cuentos/3519-3519> (Accessed 10 January 2018)
26. Sbarbi y Osuna J. M. Diccionario de refranes, adagios, proverbios modismos, locuciones y frases proverbiales de la lengua española. T. 1,2. Madrid: Librería de los Sucesores de Hernando, 1922. 574 págs.
27. Tirso de Molina. Marta la Piadosa. <https://books.google.ru/books?id=2SIGAQAAIAAJ&pg=PA128&lpg> (Accessed 5 January 2018)

About the author:

Elena B. Perederi – PhD, Professor of Department of Roman Languages V.G. Gak, MPSU (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Semantics and Syntax of the Spanish Language, cultural linguistics.
E-mail: elenaperederi@gmail.com.

* * *

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБОСОБЛЕННЫХ АППОЗИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А.В. Дементьев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454 Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье на материале испанского языка рассматриваются грамматические и семантико-синтаксические характеристики приложения, входящего в качестве обособленного элемента в состав бинарных конструкций с субстантивными или прономинальными основами (обособленные аппозитивные конструкции). Например: “Madrid, corazón de España, late con pulso de fiebre” – «Мадрид, сердце Испании, бьётся в неистовом ритме», где “Madrid” – определяемое, «corazón de España» – обособленное приложение (аппозитивная группа). Основное внимание уделяется анализу обособленных приложений на коммуникативном уровне, определению степени обязательности или факультативности их использования в логико-семантической организации текста, семантике артиклевой актуализации обособленных приложений в зависимости от денотативных аспектов значения существительного или его эквивалентов. Проводится сопоставительный анализ перевода ряда обособленных приложений с испанского языка на русский, содержащихся в тексте первого тома «Дон Кихота» М. де Сервантеса (с использованием переводов Н.М. Любимова, Б.М. Энгельгардта, Б.А. Кржевского и А.А. Смирнова). Работа имеет практическую направленность, так как содержащиеся в ней положения и выводы могут быть применимы в процессе преподавания теоретических и практических основ перевода.

Ключевые слова: синтаксис, осложнённое предложение, обособление, приложение, аппозитивная конструкция, кореферентность, артиклевая актуализация.

Объектом исследования являются семантико-синтаксические и коммуникативные характеристики обособленных аппозитивных конструкций (ОАК) в испанском языке. Данные конструкции рассматриваются как паратактические бинармы, ядерные компоненты которых обладают тождественной референтной соотносённостью, имеют субстантивное или прономинальное выражение, грамматически эквивалентны и совмещают в себе атрибутивные и предикативные признаки. Например: “... que es Juan Haldudo, el rico, el vecino de Quintanar” [10, с. 30] – “Ведь это – Хуан

Альдудо, богач из деревни Кинтанар» [6, с. 63]; «...это Хуан Альдудо, богатый крестьянин из деревни Кинтанар» [5, с. 43].¹

При обучении испанскому языку в специальном вузе представляется целесообразным уделять внимание сопоставительному анализу и способам адекватного перевода сходных синтаксических структур. Удобным объектом исследования и иллюстративным материалом для этого могут послужить именно ОАК. На занятиях представляется уместным дать краткие пояснения лексико-грамматической природы обособленного приложения (ОП), его синтакси-

¹ Здесь и далее подчёркиванием выделены обособленные приложения в составе обособленных аппозитивных конструкций.

ческого статуса и семантических особенностей. Наиболее релевантными признаками ОАК являются: 1) субстантивное или прономинальное выражение ядерных компонентов аппозиции; 2) формально-грамматическая эквивалентность определяемого слова и ОП; 3) структурная бинарность ОАК; 4) соотнесённость определяемого слова и ОП с одним общим денотатом (общая кореферентность); 5) особое интонационное выделение аппозитивной синтагмы.

Вследствие асимметрии языкового знака одна лишь внешняя форма не всегда позволяет правильно истолковать природу языкового явления. По этой причине для разграничения ОАК и формально сходных синтаксических образований возникает необходимость использовать комплекс грамматических и семантических признаков. Это позволяет исключить из рассмотрения те конструкции, где имеется:

- эллипсис связующего элемента, например: “Una tarde ... se acercó a la embarcación un joven, cara de hambre y ropas de mendigo” [11, с. 26]. В этой фразе наблюдается эллипсис связующего элемента (*con cara de hambre y ropas de mendigo; que tenía cara de hambre y ropa de mendigo*). При переводе на русский язык опущенные элементы обычно восстанавливаются: «Как-то вечером ... к хозяину пироги подошёл юноша с измождённым от голода лицом, в нищенском одеянии» [2, с. 19]. Но этот приём не является обязательным, и в стилистических целях может быть сохранена паратактическая связь, например: “El barbero – patillas de prócer y camisa a cuadros – no miraba hacia el Médico” [13, с.229] – «Парикмахер – бакенбарды начала прошлого века и ковбойка в крупную клетку – не замечал врача» [4, с. 108];

- обращение, например: “Calle vuestra merced, señor compadre – dijo el cura...” [10, с. 41] – «Полно, ваша милость, полно, любезный друг, – заговорил священник» [5, с. 56]; «Успокойтесь, ваша милость, сеньор кум, – отвечал священник, ...» [6, с. 92], где личное местоимение (*vuestra merced*) и сочетание (*señor compadre*) выполняют функцию адресования, то есть называют того, к кому обращена речь для установления или поддержания речевого контакта.

Требуют объяснений преподавателя анализ и перевод конструкций, пограничных с ОАК, где имя/именная группа коррелирует не с конкретным субстантивным ядром, а выражает оценку или характеризует ситуацию в целом: “Un día de julio obtengo el título de bachiller, gran acontecimiento” [13, с. 293] – «В один из июльских

дней я получаю диплом бакалавра. Великое событие!» [4, с. 91].

ОП нередко воспринимается как факультативный элемент, свободно вычленимый из структуры базового предложения. Однако семантико-синтаксический анализ ряда ОАК, а также их употребление в интродуктивной части связного текста показывают, что факультативность ОП можно считать безусловной лишь в формально-грамматическом, но не в логико-семантическом плане. Появление в тексте субъекта суждения предваряют определённые фазы: экзистенциальная (бытийная); классифицирующая; номинативная. Лишь после завершения этих интродуктивных фаз (эксплицитных и имплицитных) начинается этап индивидуализации субъекта [1, с. 323-334]. Допустима и иная логическая последовательность перечисленных фаз. Тем не менее, интродукция конкретного субъекта в тексте должна содержать утверждения о существовании предмета, его принадлежности к определённому классу и сообщение о способе его идентификации. Произвольное изменение порядка следования или элиминирование одной из интродуктивных фаз может привести к нарушениям в формировании логически связного текста. Вряд ли звучит корректно, например, следующее абсолютное начало повествования: “Érase una vez don Carlos” – «Жил как-то на свете Дон Карлос». В приведённом выше примере в начальной части сообщения опущена классифицирующая фаза, и повествование начинается с узкой идентификации субъекта (“Érase una vez don Carlos”), что влечёт «информационный провал». Адресат для восполнения необходимой ему информации вынужден возвратиться говорящего на экзистенциально-классифицирующую фазу, задав вопрос: “¿Y quién era don Carlos?” – «А кто такой Дон Карлос?». Более естественной представляется следующая текстовая прелюдия: “Érase una vez un noble príncipe, don Carlos de nombre” – «Жил как-то на свете благородный принц по имени Дон Карлос».

Логико-семантические отношения интродуктивных фаз заставляют говорящего выбирать наиболее естественную последовательность изложения с учётом факторов, влияющих на адекватную характеристику субъекта. Например, воспринимается как недостаточно корректная следующая логическая цепочка: “Érase una vez una persona avara y ambiciosa, un rey” – «Жил да был как-то на свете скупой и честолюбивый человек, король». Звучит естественнее другой

вариант: “Érase una vez un rey, persona avara y ambiciosa” – «Жил да был как-то король, человек скупой и честолюбивый», так как мыслительный процесс обычно предполагает направленность от объекта к его признакам, а не наоборот.

Тезис о факультативности употребления ОП также не в полной мере распространяется на ОАК, где в качестве аппозитивного элемента фигурирует предикат «укажу X», а в качестве определяемого – предикат «сообщу нечто об X». Например: “Los sioux hacía rato que habían ido adquiriendo una nueva fuerza: el caballo” [14, с. 70] – “К тому времени индейцы сиу уже обрели мощную боевую силу: коня» (перевод автора). В данном примере инвертированный порядок следования компонентов аппозитивной конструкции заставляет рассматривать предикат «укажу X» в приложении не как факультативный, а как обязательный элемент, находящийся в фокусе коммуникации. При этом ядерный член (“una nueva fuerza”) является одновременно детерминирующим и детерминируемым. Здесь мы сталкиваемся со случаями не формальной, а разнонаправленной семантической детерминации. Данный тип ОАК с инвертированным порядком следования её ядерных компонентов используется как приём стилистической эмфазы для привлечения внимания адресата. Подобный приём допустимо именовать «предваряющей аппозицией», например: “¿Qué se debe? – Los tesoros de Creso: diez pesetas” – «Сколько с меня? – Сокровища Креза, десять песет».

ОП является также обязательным или, по крайней мере, желательным элементом в тех случаях, где имеется логическая неясность, требующая дополнительной дескрипции, например: “Por ese tiempo, Caballo Loco se casa con una joven, hija de madre sioux y padre cazador de la frontera” [14, с. 113] – «В тот же год Неистовый Конь женится на молодой девушке, чья мать была из племени сиу, а отец – вольным охотником» [перевод автора]. Элиминирование ОП в данной фразе привело бы к смысловой незаконченности базового предложения. Сравните: “Por ese tiempo, Caballo Loco se casa con una joven” – “В тот же год Неистовый Конь женится на (одной) девушке».

Обязательное или желательное употребление ОП связано не только с логико-семантическими особенностями организации связного предложения или текста, но и зачастую порождается необходимостью дать ясное толкование (декодирование) какого-либо слова, понятия, например: “Su madre lo llamó Gokliya, el que bosteza», porque era

un niño tranquilo, que dormía mucho” [14, с. 99] – “Мать дала ему имя Гоклийя, «зевающий мальчуган», по той причине, что это был тихий ребёнок, любящий поспать» [перевод автора]. ОП содержит перевод – толкование слова Gokliya. Отказ от употребления ОП привёл бы к нарушению смысловой связности текста, так как читателю, незнакомому с языками североамериканских индейцев, была бы непонятна связь между личным именем и следующей за ним экспликацией. Таким образом, обособленная аппозиция представляет собой свободно вычленяемый элемент лишь в синтаксическом плане, чему способствует отсутствие формального выражения синтаксической зависимости членов аппозитивной бинармы. В логико-семантическом плане ОП может оказаться обязательным/желательным компонентом в следующих случаях:

- при нарушении порядка следования логико-синтаксических интродуктивных фаз (экзистенциальная; классифицирующая; номинативная) или отсутствии одной из них в тексте;
- при наличии инвертированного (эмфатического) порядка следования ядерных компонентов, то есть там, где предикат «сообщу нечто об X» предшествует предикату «укажу X»;
- где имеется логическая незавершённость или семантическая размытость понятия, выраженного именем. В таких случаях ОП выполняет функцию поясняющего атрибута;
- где требуется дополнительное толкование (перевод, декодирование) именного члена базового предложения.

При анализе и переводе ОАК с русского языка на испанский у учащихся, помимо трудностей в плане лексико-синтаксических трансформаций, нередко возникают вопросы, связанные с артиклевой актуализацией ОП. С методической точки зрения случаи употребления артиклевых детерминантов с ОП целесообразно объяснять на базе уже изученной функциональной системы испанского артикля.

Проблема употребления артиклевых форм с ОП осложняется грамматической самостоятельностью приложения (между ядерными компонентами ОАК, например, может не наблюдаться согласование в роде и числе), а также в силу сочетания в ОП атрибутивных и предикативных признаков [8, с. 51-57]. Другой причиной, порождающей трудности в усвоении данной темы, является широкий функциональный диапазон определённого и неопределённого артиклей. На

занятиях важно сконцентрировать внимание учеников на манифестации различного семантического содержания или стилистического нюанса с помощью той или иной артиклевой формы. Одним из практических методов может послужить сравнительный анализ лексически идентичных примеров, но с различной артиклевой актуализацией: “Nerón, emperador romano”; “Nerón, un emperador romano”; “Nerón, el emperador romano” – “Нерон, римский император». Для лучшего восприятия этих примеров студентами допустимо давать пояснения путём трансформации обособленного приложения в подчинительное предложение с классифицирующим или идентифицирующим предикатом: «Nerón que era emperador romano»; “Nerón que era un emperador romano”; “Nerón que era el emperador romano”. В первом случае аппозитив без артикля (“Nerón, emperador romano”) указывает на признаки или качественные характеристики определяемого слова. Употребление артикля (определённого и неопределённого) с приложением сигнализирует о некоей идентификации или индивидуализации существительного. “Nerón, un emperador romano (Nerón que era un emperador romano)” – в этом примере неопределённый артикль выделяет существительное из класса ему подобных с аналогичной качественной характеристикой. “Nerón, el emperador romano (Nerón que era el emperador romano)” – ОП с определённым артиклем раскрывает лицо (предмет) как единственно возможное в данной ситуации, то есть сигнализирует о его полной идентификации. Таким образом, можно сделать обобщённый вывод, что: 1) нулевая актуализация ОА подчёркивает качество, то есть существительное без артикля семантически сближается с качественным прилагательным; 2) артиклевая актуализация идентифицирует существительное; 3) актуализация с помощью неопределённого артикля выделяет ОА из групп (категории, класса) предметов (лиц) с аналогичной качественной характеристикой; 4) актуализация с помощью определённого артикля подчёркивает индивидуализирующую характеристику.

Следует также пояснить учащимся, что примеры безартиклевых ОП, передающих идею качества, в большей степени свойственны письменной речи, чем устной. При устном общении приходится иметь дело, как правило, с конкретной ситуацией, что приводит к более частой артиклевой актуализации ОП или его развёртыванию в предложение с классифицирующим

или идентифицирующим предикатом. Сравните: “...Nuestro entrenador era Toto Lorenzo, un argentino, ...” [12, с. 34] – «Нашим тренером был Toto Лоренсо, аргентинец, ...» [перевод автора]; “También estaba Villaverde, que era un brasileño, Verges y Gensana, que eran la media, y muchos más...” [12, с. 22] – «В команде был также Вильяверде, бразилец, а также Верхес и Хенсана, полузащитники, и многие другие игроки ...» [перевод автора].

В роли ОП нередко выступают существительные, частично утратившие своё конкретное значение, такие как: hombre, mujer, persona, gente. Например: “Entró María, mujer delgada y de aspecto enfermizo; Entró María, una mujer delgada y de aspecto enfermizo” – «Вошла Мария, худая женщина болезненного вида». В ОА эти существительные функционально выполняют роль своего рода указательно-обобщающих слов и по этой причине они, как правило, не актуализируются с помощью определённого артикля. В противном случае они приобретали бы индивидуализирующую функцию, что приводило бы к нарушению логико-семантической установки. Сравните с примером: “Entró María, la mujer delgada y de aspecto enfermizo”. В подобном случае употребление определённого артикля “la” вызывает у читающего/слушающего чувство непонимания и даже недоумения в связи с тем, что существительное “mujer” актуализируется определённым артиклем. Показательно, что употребление слова “mujer” не в указательно-обобщающем плане, а в индивидуализирующем значении «жена» употребление определённого артикля вполне допускает. Например: “Entró María, la mujer del tendero” – «Вошла Мария, жена лавочника».

Рассмотрим другой пример: “Revolucionario convencido, Juan luchó abnegadamente contra la clase dominante” – «Хуан, убеждённый революционер, самоотверженно боролся против господствующего класса». Аппозитив в препозиции к определяемому слову является действенным средством выделения качественной характеристики лица или предмета, что свойственно письменной или ораторской речи. В силу этого ОП в препозиции не нуждается в актуализации артиклем. В противном случае ОП приобретает индивидуализирующую функцию, подчёркивается его самостоятельный материальный субстрат.

В процессе обучения ОА могут послужить удобным переводческим материалом как в теоретическом, так и практическом плане. В частности, на примере ОА можно дать пояснения

относительно вариативности переводческих трансформаций.

Варианты перевода ОАК с русского языка на испанский

1. При наличии в тексте оригинала обособленного прилагательного (одного или нескольких), служащего для характеристики лица или предмета, в переводе на испанский язык нередко используется ОАК, содержащая частично десементизированное указательно-обобщающее существительное. Например: «Здесь сидит товарищ Игнатьева, спокойная, выдержанная» [3, с. 97] – “Allí se encontraba la camarada Ignátieva, mujer tranquila y mesurada” [9, с. 85].

2. Возможна структурно-синтаксическая перестройка фразы, при которой аппозитив текста оригинала выделяется в отдельное предложение. Например: «На полу сидела пожилая женщина с хитрыми, вороватыми глазами, с острым подбородком, самогонщица, по обвинению в краже часов и других ценных вещей» [3, с. 75]. – “En el suelo estaba sentada una mujer de ojos astutos de pícara y barbilla rapaz. Era una traficante clandestina de vodka, acusada de haber robado un reloj y otros objetos de valor...” [9, с. 61].

3. ОАК тождества допускают взаимозамену (рокировку) ядерных компонентов, ср.: “El Virrey español, Venegas, derrotó a los rebeldes” – «Венегас, испанский вице-король, разбил повстанцев» и «Испанский вице-король, Венегас, разбил повстанцев». Однако положение об обратимости ядерных компонентов в ОАК тождества не всегда может быть интерпретировано в синтаксическом или даже в логическом плане, так как порядок следования именных выражений отражает, прежде всего, коммуникативное задание высказывания.

4. ОП при переводе на испанский язык может трансформироваться в необособленное. Например: «Через мостик у водокачки прошли двое молодых людей – гимназистов-семиклассников» [3, с. 29] – “Dos jóvenes estudiantes del séptimo año del liceo cruzaron el puentecillo junto al depósito...” [9, с. 16].

Варианты перевода ОАК с испанского языка на русский

1. Единая референтная соотнесённость приложения и определяемого слова позволяет с помощью лексических замен или синтаксических трансформаций избавиться от одного из ядерных компонентов ОАК. Чаще всего это возможно в тех случаях, когда сохранение структурной организации и лексического состава ОАК тек-

ста оригинала нежелательно в силу семантико-синтаксических особенностей русского языка: “Mi infancia transcurre en la ciudad donde nació: una aldea extendida al pie de una montaña nevada” [14, с. 321] – «Детство моё проходит в городке, у подножия заснеженных гор» [перевод автора].

2. Семантика отдельных существительных в приложении заставляет прибегнуть к лексическим преобразованиям: “Venancio, el amansador. Hijo de ño Venancio, el quesero” [11, с. 53] – «Это Венансио, он объезжает лошадей. Сын ньо Венансио, сыровара» [2, с. 49].

3. Представляет сложность перевод субстантивированных сочетаний в функции обособленного приложения типа: «Me lo ha dicho Pepe, el de la tienda». Расшифровка семантического субстрата подобных конструкций не всегда однозначна и необходим широкий контекст для правильного их толкования. “...el de la tienda” может интерпретироваться как «Пепе, владелец лавки», «Пепе, который работает в лавке», «Пепе, с которым я встретился в лавке» и др.

4. Обычно ядерные компоненты ОАК находятся в контактной позиции и отыскать определяемое слово не составляет труда. Однако встречаются случаи дистантного расположения ядерных членов ОАК, и для смыслового уяснения фразы необходимо прибегнуть к проверке её компонентов на лексико-семантическую сочетаемость, например: “Las muñecas del Médico emergían penosamente de las mangas de la chaqueta, deformadas por la mordedura de las esposas, repugnantes rebanadas de carne rota y lívida” [13, с. 299] – «Из рукавов пиджака горестно выглядывали кисти рук – бледные, изглоданные зубцами наручников, истончённые в запястьях» [4, с. 94]. В данном примере ОП “repugnantes rebanadas de carne rota y lívida” относится не к существительному “las esposas” – «наручники», а к слову “las muñecas” – «запястья» (в авторском переводе – «кисти рук»).

Порой лишь экстралингвистические знания позволяют определить, с каким элементом предложения коррелирует ОП, например: “El Ministerio de Defensa israelí se aventuró a visitar el campo de refugiados palestinos de Jabalia, en la Franja de Gaza, escenario de violentas protestas contra la ocupación” – «Представители Министерства обороны Израиля отважились посетить лагерь палестинских беженцев Джабалия в Секторе Газа, место проведения бурных манифестаций против оккупантов». Одинаково свободно ОП “escenario de violentas protestas contra la

ocupación» может относиться как к «el campo de refugiados palestinos de Jabalia», так и к «la Franja de Gaza».

5. Нередки случаи компрессии испанского придаточного определительного предложения (более свойственного разговорной речи, чем письменной) в ОАК: «Con nosotros, entre los de allá, iba el viejo don Torres, que es una de las mejores sogas de Arauca» [11, с. 31] – «Среди нас был тогда старый дон Торрес – лучшее лассо во всей Арауке» [2, с. 24];

6. Интерес представляет собой сопоставительный анализ различных переводов одного и того же исходного текста, в котором присутствуют ОАК. Сравнение переводов «Дон Кихота» М. Сервантеса, выполненных в разные годы различными литературоведами и переводчиками – Н.В. Любимовым, Б.М. Энгельгардтом, Б.А. Кржевским и А.А. Смирновым – показывает, в частности, что сохранение приложения в обособленной позиции нередко носит факультативный характер.

В данной работе мы оставим без внимания случаи, когда переводчик (по неизвестной причине) оставляет без перевода ОП, например: «... yo me llamo Don Quijote de la Mancha, caballero andante y aventurero, ...» [10, с. 50] – «... я Дон Кихот Ламанчский, странствующий рыцарь и искатель приключений, ...» [5, с.64]; «Я – странствующий рыцарь, ...» [6, с. 110]. Н. Любимов даёт перевод ОП «aventurero» («искатель приключений»), в то время как Б. Кржевский и А. Смирнов в переводе это слово опускают.

ОАК может претерпевать различные переводческие трансформации, зависящие от общего синтаксического построения фразы, внутренних логико-семантических связей, коммуникативной направленности, а иногда и творческими наклонностями самого переводчика. Сравните: «... le vino a llamar “Rocinante”, nombre, a su parecer, alto sonoro y significativo...» [10, с. 19] – «... пока, наконец, не остановился на имени *Росинант*, которое казалось ему возвышенным, звучным и выразительным ...» [6, с. 34]; «... и в конце концов остановился на *Росинанте*, имени, по его мнению, благородном и звучном ...» [5, с. 30]; «Наконец он остановился на имени Росинант. Это имя казалось ему звучным и возвышенным» [7, с. 9].

В отдельных случаях, чаще всего при наличии в составе ОАК имени собственного, при переводе допускается «рокировка» ядерных компонентов, о чём говорилось выше на примере перево-

да на испанский язык с русского. Сравните: «Don Quijote creyó, sin duda, que aquel era el marqués de Mantua, su tío, ...» [10, с. 33] – «Дон Кихот должно быть подумал, что перед ним его дядя, маркиз Мантуанский, ...» [6, с. 72]; «Дон Кихот, разумеется, подумал, что это и есть маркиз Мантуанский, его дядя, ...» [5, с. 47]; «Дон Кихот, должно быть, вообразил, что перед ним его дядя, маркиз Мантуанский» [7, с. 32]; «... y bebíase luego un gran jarro de agua fría, y quedaba sano y sosegado, diciendo que aquella agua era una preciosísima bebida que le había traído el sabio Esquife, un grande encantador y amigo suyo.» [10, с. 35] – «... затем он выпивал большой ковш холодной воды, освежался, успокаивался и заявлял, что это не вода, а драгоценнейший напиток, который принёс ему его друг и великий волшебник, мудрый Эскифе» [6, с. 76]; «Ну, а потом выпьет целый ковш холодной воды, отдохнёт, успокоится: это, дескать, драгоценный напиток, который ему принёс мудрый – как бишь его? – не то Алкиф, не то Паф-Пиф, великий чародей и его верный друг» [5, с. 49]; «Затем он выпивал большой ковш холодной воды и говорил, что это не вода, а драгоценнейший напиток, который принёс его друг, великий волшебник Эскифе» [7, с. 34].

Как видно из приведённых примеров, Б. Кржевский и А. Смирнов, а также Б. Энгельгардт отходили от порядка следования и меняли местами приложение и имя собственное, что, тем не менее, не нарушало логико-семантические связи в ОАК. Н. Любимов предпочитал сохранять порядок следования ядерных компонентов в соответствии с языком оригинала, хотя и допускал переводческие «вольности» другого сорта. Например, вставка «... как бишь его? – не то Алкиф, не то Паф-Пиф ...» не соответствует тексту М. Сервантеса, где не упоминается ни «Алкиф», ни «Паф-Пиф», а коротко сообщается о «мудром Эскифе» («el sabio Esquife»).

Иногда переводчики в силу лексико-морфологических несовпадений прибегают к замене ОП на более приемлемые синтаксические варианты. Например: «... echaba la culpa a la malignidad del tiempo, devorador y consumodor de todas las cosas, ...» [10, с. 52-53] – «... всю вину приписывал я коварному времени, пожирающему и уничтожающему всё на свете...» [6, с. 115]; «...что её поглотило или сокрыло коварное время, которое всё на свете истребляет и пожирает» [5, с. 67].

Приведённый выше краткий перечень лексико-грамматических трансформаций, осу-

ществляемых при переводе ОАК, а также трудностей, возникающих при их анализе, позволяет сделать вывод о неэлементарности семантического субстрата обособленного аппозитива и о сложности его речевой актуализации с помощью артиклевых детерминантов. ОП, учитывая его синтаксическую гибкость и семантический ре-

пертуар, способен служить действенным средством для восполнения опущенной фазы в препюдии текста или же для упорядочивания его логической последовательности. Кроме того, употребление ОП в ряде случаев объясняется условиями и целью коммуникации, а также прагматическими факторами.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Гальегос Р. Донья Барбара. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 304 с. Пер. с исп. Крыловой В.
3. Островский Н.А. Как закалялась сталь // М., 1959.
4. Отеро Сильва М. Пятро, которые молчали // Роман-газета: № 3 (553), 1966. Пер. с исп. В. Крыловой.
5. Сервантес Сааведра, М. Дон Кихот. М.: Государственное издательство художественной литературы, Т.1. 1953. 426 с. Пер. с исп. Н. Любимова.
6. Сервантес Сааведра, М. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Москва, Ленинград: Academia, 1935. 844 с. Пер. с исп. под редакцией Б.А. Кржевского и А.А. Смирнова.
7. Сервантес Сааведра, М. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Ленинград: Детская литература, 1977. 558 с. Обработка Б.М. Энгельгардта.
8. Супрун А.В. Грамматика и семантика простого предложения // М.: Наука, 1977. 264 с.
9. Así se templó el acero / Nikolai Ostrovski ; Trad. del ruso por J. Vento y A. Herraiz ; Il. de A. Rezhichenko. 5-a ed. Moscú: Progreso, 1964. 346 с.
10. Cervantes Saavedra M. Don Quijote de la Mancha. Madrid: M.E. Editores, 1995. P.720.
11. Gallegos R. Doña Bárbara // La Habana: Ed. Popular, 1973.
12. Ollé Sesé, Zaira La historia del fútbol español (contada por sus estrellas) // España: T&B Editores, 2015. P. 394.
13. Otero Silva M. La muerte de Honorio // Moscú: Ed. Progreso, 1982.
14. Ruiz de Zárate M. Del Bravo a la Patagonia // La Habana: Instituto cubano del libro, 1973. P. 560.

Сведения об авторе:

Алексей Владимирович Дементьев – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России. Научная специализация: синтаксис и фразеология испанского языка, политическая история Испании. E-mail: alexdem_madrid@mail.ru.

COMPARATIVE ANALYSIS OF SEPARATE APPOSITIVE STRUCTURES IN SPANISH AND RUSSIAN

Alexey Dementiev

Moscow State Institute of International Relations (University),
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow 119454, Russia

The Abstract: *The article considers grammatical, semantic and syntactic characteristics of the apposition in the Spanish language, a separate element of the binary constructions with substantive or pronominal basics (separate apposition structures). For example: “Madrid, corazón de España, late con pulso de fiebre” – “Madrid, the heart of Spain, beating in a furious rhythm,” where “Madrid” is defined as «corazón de España» which is a separate apposition (appositive group). It focuses on the analysis of separate apposition on the communicative level, determining the extent of its mandatory or optional use in logical-semantic organization of the text, the article semantic actualization of separate apposition depending on the denotative aspects of a noun or its equivalents. A comparative analysis of several translations from Spanish into Russian with regard to appositive groups featured in the text of the first part of “Don Quijote” by M. Cervantes (on translations by N. Lyubimov, B. Engelgardt, B. Krzhevskiy and A. Smirnov) was car-*

ried out. The work has a practical significance as its provisions and findings can be applied in teaching, both theoretical and practical foundations of the translation.

Key Words: *syntax, complicated sentence, separation, appositive, appositive structure, coreference, article actualization.*

References

1. Arutiunova N.D. Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy [Sentence and its meaning: Logical-semantic problems], Moscow: Nauka, 1976. S. 383.
2. Gallegos R. Doña Bárbara. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoi literatury, 1959. 304 s. (Translation by V. Krylova).
3. Ostrovskiy N.A. Kak zakalialas stal [How the steel was tempered] // Moscow, 1959.
4. Otero Silva M. Piatero, kotorye molchali [The five who kept silent] // Roman-gazeta: № 3 (553), 1966. (translation by V. Krylova).
5. Servantes Saavedra M. Don Quijote. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoi literatury, T.1. 1953. S. 426. (Translation by N. Lyubimov).
6. Servantes Saavedra M. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha. Moscow, Leningrad: Academia, 1935. S. 844. (Translation by B.Krzhevski & A.Smirnov).
7. Servantes Saavedra M. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha. Leningrad: Detskaya literatura, 1977. S. 558. (Translation by B.Engelgardt).
8. Suprun A.V. Grammatika i semantika prostogo predlozheniia [Grammar and semantics of the simple sentence] // Moskva: Nauka, 1977. S. 264.
9. Así se templó el acero / Nikolai Ostrovski; Trad. del ruso por J. Vento y A. Herraiz ; Il. de A. Rezhichenko. 5-a ed. Moscú: Progreso, 1964. P. 346.
10. Cervantes Saavedra M. Don Quijote de la Mancha. Madrid: M.E.Editores, 1995. P.720.
11. Gallegos R. Doña Bárbara // La Habana, 1973.
12. Ollé Sesé, Zaira La historia del fútbol español (contada por sus estrellas) // España: T&B Editores, 2015. P. 394.
13. Otero Silva M. La muerte de Honorio// Moscú: Ed. Progreso, 1982.
14. Ruiz de Zárate M. Del Bravo a la Patagonia // La Habana: Instituto cubano del libro, 1973. P. 560.

About the author:

Alexey Vladimirovich Dementiev – PhD, Assistant Professor of the Spanish Language Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Research interests: syntax and phraseology of the Spanish language, political history of Spain. E-mail: alexdem_madrid@mail.ru.

✱ ✱ ✱

СМЫСЛОВЫЕ ОППОЗИЦИИ В ПЕРЕВОДЕ: ОБРАЗ – ПРАГМАТИКА – РЕФЕРЕНЦИЯ

Н.В. Иванов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454 Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье предпринимается попытка развить аналитику смысла в переводе и на этой основе раскрыть характерные для перевода механизмы эквивалентного выбора. Автор рассматривает перевод с семиотических позиций, принимая за основу семиотику речевого знака (знака в его деятельностно-речевом рассмотрении). В структуре речевого знака автор противопоставляет смысл референции. Референция служит идентификации обозначаемого объекта, смысл служит интерпретации. В рамках смыслового аспекта содержания речевого знака автор выделяет: 1) смыслы, способные определять предметное значение, и 2) смыслы, не способные определять значение. В соответствии с вводимым разграничением анализируются примеры эквивалентного выбора в переводе. Автор приходит к выводу, что отношение интерпретации в переводе предстаёт в перевёрнутом виде: трансформационным, т.е. вариативным, аспектом является референция, инвариантной основой перевода является смысл. В целях сохранения заданной смысловой нагрузки переводчик вынужден менять референцию. Таким образом, интерпретация в переводе развивается от смысла к референции. Рассматриваются случаи эквивалентного перехода от образа (стиля) к прагматике и от прагматики к референции. Статья может быть интересна специалистам, работающим в области теории перевода, семиотики, теории коммуникации.

Ключевые слова: перевод, речевой знак, референция, смысл, прагматика, социокультурная окраска знака, смысловая редукция, контекст, дискурс.

Смысл – категория, в которой открывается речевая феноменология знака. Мы говорим о речевой, но не о языковой релевантности смысла. Смысл стоит за рамками структурной онтологии языка, которая, имея сущностный статус, в-себе самодостаточна. Смысл относителен, не самодостаточен, не имеет сущностной опоры в себе. Не имея собственной выразительной формы, смысл может проявить себя, лишь опираясь на внешний носитель, каковым является знак. Смысл и знак дополняют друг друга: внешнее (речевое) бытие каждого из них возможно не иначе как через противоположный момент. Знак осмысливается, а смысл вербализуется в речи. Каждый из них – необходимое условие фактуализации другого. Ни один

из них не становится фактом без опоры на противоположный момент.

В лингвистике отношение знака и смысла трактуется по принципу отношения базиса и надстройки. Семиотика языкового знака перерастает в семиотику речевого знака. Проводя функциональное разделение двух семиотик, Л. Ельмслев предлагает для наименования последней термин «коннотативная семиотика»: это – «...семиотика, план выражения которой является семиотикой» [4, с. 369]. Иначе говоря, языковой знак становится *означающим* смысла в речевом знаке. Коннотация трактуется как речевое бытие знака. Смысл развивает заложенную в знаке семантику, является её функциональным продолжением.

Смысл надстраивается и одновременно противопоставляет себя языковой функциональности знака. Под языковой функциональностью мы понимаем первичную семантическую функцию в знаке, каковой является референция. Задача референции – идентификация *объекта* при помощи ингерентной (т.е. языковой) семантики знака. Задача смысла – интерпретация идентифицируемого объекта с точки зрения контекстных и дискурсивных условий речевого узуса. Идентификация и интерпретация – два аспекта *понимания* реальности, которое осуществляется в знаке¹.

Коннотацию, означаемое речевого знака, часто берут недифференцированно, не видя её взаимодействующих уровней. Мы, отталкиваясь от функции референции, выделяем в сфере коннотации два рода смыслов: 1) смыслы, способные определять значение, и 2) смыслы, не способные определять значение. К первым относятся: предметно-логические смыслы, эмоция, оценка. Эти смыслы составляют содержание целенаправленной речемыслительной деятельности в познавательном и коммуникативном аспектах и, значит, имеют прагматическую природу. Эти смыслы – всегда рубеж, граница понимания в заданных контекстных условиях. В целом их можно считать рациональными. Составом этих смыслов очерчивается граница внутренней смысловой формы содержания в слове, в высказывании. Эти смыслы управляют развёртыванием текста в моменте перехода от высказывания к высказыванию. Ко второму роду смыслов относятся: стиль, различные этно-социо-культурные окраски, которые обнаруживает знак в речевом узусе. Эти смыслы можно назвать иррациональными. Они имеют эстетическую природу. Они органичны выражению, лишены функции истинностного отрицания и, значит, не могут быть границей понимания, не могут быть целью речемыслительной деятельности, т.е. неинтенциональны. Эти коннотации не управляют риторическим развёртыванием текста. Они скорее не цель, а метод понимания.

Первые смыслы являются контекстуализируемыми, за ними стоит контекстное отношение. Они подлежат истинностной интерпретации, контекстному обоснованию. Вторые стоят выше

контекстуализации, за ними стоит дискурсивная (лингвокультурная) ассоциация. Они не подлежат истинностной интерпретации, какому-либо рациональному обоснованию. Связь с дискурсом проходит по принципу внешней образной и выразительной ассоциативной аналогии. Дивергентно-дедуктивный принцип становления мысли в масштабе контекста совмещается с конвергентно-индуктивным принципом в масштабе дискурса. Одна интерпретация дополняет другую.

Перевод весьма показателен в том, что касается разграничения двух коннотаций – целенаправленной прагматической и нецеленаправленной дискурсивной. Дело в том, что как в обычной коммуникативной практике, так и в переводе прагматическая коннотация носит необходимый характер, вторая – избыточна. Это значит, что последнюю можно игнорировать (как, например, при общении можно не заметить или не понять стиль, шутку, образ, окраску речи и пр.). Игнорировать прагматическую коннотацию невозможно: это равносильно игнорированию смыслового предназначения речи.

Прагматика требует рефлексии (внешней различительной реакции), что является условием дальнейшего развития мысли в познавательном и коммуникативном аспектах. Эстетическая коннотация неинтенциональна, не предполагает рефлексии, в силу чего её можно назвать познавательным и коммуникативно неэффективной: она ничего не добавляет к пониманию объекта в познавательном плане², в коммуникативном плане она, в отличие от прагматики, не требует и не предполагает ответа. Эстетическая информация не подлежит верификации/фальсификации: её нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить. Она не подлежит экспрессивному усилению. В отличие от эмоции или оценки она лишена мотивации (т.е. возможности причинно-следственного обоснования). Эта информация не фактологична – в том смысле, что её нельзя рассматривать как внешнее событие в череде других событий. У неё нет атрибутов бытия, т.е. границ пространственно-временного представления. Эстетическая информация (образность, окраска) не несёт самостоятельного коммуникативного эффекта и лишь дополняет

¹ О двойственности феномена понимания говорит Г.-Х. Гадамер. Во всяком понимании следует учитывать два его аспекта – процесс и результат, интерпретацию и идентификацию. Один аспект необходимо переходит в другой [2, с. 452].

² «...эстетическая способность суждения ничего не даёт для познания своих предметов и, следовательно, должна быть приписана к критике выносящего суждение субъекта и его познавательных способностей в той мере, в какой они могут иметь априорные принципы...» [5, с.399].

ет коммуникативный эффект, производимый репрезентативной – предметной и прагматической – информацией.

Впрочем, не всё так однозначно во взаимосвязи прагматической и эстетической коннотаций в знаке, в тексте. В самом деле, прагматика перерастает в эстетику речи, т.е. в образность, в окраску речи. Мы отмечаем и наблюдаем это в любом масштабе речевого узуса (в слове, в высказывании, в тексте). Однако это перерастание может расширяться, принимать самодовлеющие формы. Возникает функциональная конкуренция между предметной семантикой и образом, в которой промежуточная роль принадлежит прагматике. В этой борьбе либо образ подчинён контексту, либо контекст образу. В какой-то момент образ, эстетика выражения берут верх. Прагматика перестаёт опираться на референцию и становится частью или функцией эстетики³. Мы как будто перестаём видеть реальность в знаке. Но, собственно, в этом и состоит задача художественного выражения. Образ, фигуры речи затрудняют восприятие мысли. Но этим же они обостряют это самое восприятие, замедляя его, останавливая внимание на каком-то частном моменте, увеличивая смысловой масштаб восприятия. Закон «затруднённой формы» (А.Н. Веселовский) и закон «остранения» (В.Б. Шкловский) идут рука об руку, дополняют друг друга. В.Б. Шкловский в своей работе «О теории прозы» говорит об «остранении» и о «законе затруднённой формы» как о двух универсальных приёмах всякого художественного выражения. См.: [9, с. 15]. Вот как описывает зимнюю морозную ночь над Днепром М.А. Булгаков:

“Последняя ночь расцвела. Во второй половине её вся тяжёлая синева, *занавес Бога, облегающий мир*, покрылась звёздами. Похоже было, что в неизмеримой высоте за *этим синим пологом у царских врат служили всенощную. В алтаре за-*

жигали огоньки, и они проступали на завесе целыми крестами, кустами и квадратами” (Белая Гвардия, 139).

Обратим внимание на последнее высказывание, в котором мы уже перестаём понимать, где находимся. Образная ассоциация (*занавес Бога, синий полог*) нарративно разрастается, берёт верх над реальностью: герой вдруг начинает видеть в морозном ночном небе очертания церкви, алтаря, лампад... Ночь (реальный объект описания) как будто пропадает.

Впрочем, закон «затруднённой /художественной/ формы» и закон образного «остранения», две составляющие эстетической функции выражения, подчиняющие себе в какой-то момент прагматику речевого знака, значимы не сами по себе. В своём предельном удалении от реальности они значимы как точки последующего возврата к этой самой реальности, лишь подчёркивая своим удалением амплитуду эстетического *катарсиса*⁴. Как бы далеко ни уходил образ от реальности, он должен вернуться в конце пути к этой самой реальности, порождением которой он, по сути, является. Образ затрудняет путь к референции, противостоит референции, но он не может победить, уничтожить референцию, потому что это означало бы его собственное поражение и смерть⁵. Окончательный отрыв от объекта чреват «расподоблением» образа и его «смертью»: образ перестаёт быть образом и превращается в обычную номинацию (см.: [10, с. 136, 146]). Внутренний алгоритм содержательной эволюции образа (любого по нарративной развёрнутости) всегда один и тот же: от реального к виртуальному (путь виртуализации) и от виртуального к реальному (путь катарсиса) (см.: [10, с. 69, 73-74, 137, 147]). Возврат к реальности совершенно необходим для образа. Образ существует как образ лишь на контрасте с реальностью.

³ В.Ю. Барбазюк иллюстрирует такое переподчинение контекста дискурсу на примерах нарративно-поэтического и нарративно-аллегорического развития метафоры в контексте. Метафора, нарративно расширяясь, превращается в пословицу (см.: [1, с. 134-142, 142-152]). Образное «остранение» в контексте имеет нарративную форму.

⁴ Катарсис (κάθαρσις) по-гречески означает «очищение» [8, с. 251]. Под этим обычно понимается нравственное очищение субъекта при восприятии художественной формы. Позиция объекта при этом не учитывается. Таким образом, форма и вместе с ней смысл, носителем которого форма является, выполняют исключительно субъективную функцию. Мы считаем такую трактовку недостаточной, односторонней. Важно учитывать объективную функцию формы. В этом аспекте она является символической. Символ всегда искажает, но он же открывает новую глубину понимания объекта. Иначе говоря, через форму и смысл очищается прежде всего объект. Путь к катарсису (эстетическому самоочищению) лежит исключительно через объект. Очищение субъекта происходит на почве объекта и вместе с объектом. Разгадать, увидеть объект сквозь символическую форму, пройти путь к подлинному через неподлинное – задача художественного восприятия.

⁵ О фундаментальном и принципиальном реализме всякой символики говорит А.Ф. Лосев, показывая это на примерах из мировой литературы. “История символа важна еще и потому, что она ясно обнаруживает всю невозможность чистой символики в её отвлечённом виде...” [6, с. 226]. А.Ф. Лосев подчёркивает «возможность и необходимость других методов анализа символики при условии сохранения общих реалистических позиций» [6, с. 307]. Символика прячет свои реальные (реалистические) основания, но она не может избавиться от них.

Эстетический эффект, бесполезный для целей познавательного действия, дополняет прагматику коммуникативного воздействия. В этом его высшее и, пожалуй, единственное рациональное предназначение. В самом деле, поэтическое качество текста – далеко не пустой звук для писателя, поэта, публициста. Каждый из них стремится как можно ярче, эффектнее подать свой текст, осознавая, что в нём он открывает себя и свою мысль другому. Впрочем, следует помнить: бесконечно удаляясь от предмета понимания, усиливая эстетическую окраску или расширяя образность речи, писатель или поэт лишь прокладывают новый, всё более изощрённый путь к всё тому же предмету понимания. Основой и конечной целью понимания является предмет – обозначаемая реальность. Любая форма ухода от реальности значима возвратом к этой самой реальности.

Следует спросить: куда, в какую область удаляется, уходя прочь от реальности, покидая почву предметной семантики в процессе эстетического «остранения» и усиливая этим прагматику коммуникативного воздействия, автор текста? Это область *дискурса*, область культурно-выразительного опыта используемой автором системы выражения. Эта область исторична и кумулятивна. В ней сосредоточена культурная память языка. Она – источник смысловой окраски и образности в феноменологии речевого выражения. Эта область не фактологична: *о ней* не идёт и вообще не может идти речь в единицах коммуникативного обмена (в высказывании, тексте). Она (в терминах теории Ф. де Соссюра) – значимость, но никогда – значение речевых единиц.

О поэтическом дискурсивно-значимостном восприятии языковых единиц говорит португальский лингвист Р. Лапа, называя это «внеконтекстным» их восприятием, видя в этом источник стиля, образности художественного выражения. Поэт видит слово не в контексте, а за рамками контекста: в культуре, в тотальности (“universo”) связанного с ним исторического опыта [11, с. 9-12]. Дискурсивное и контекстное восприятие слова противостоят друг другу. Впрочем, здесь нет конфликта. Это игра: игра контекста с дискурсом.

Знак, связанный с дискурсом, получает символические свойства. Без этой связи он – обычный речевой знак, ограниченный масштабом своих необходимых – предметно-семантической и прагматической – функций. Символическая

связь – связь внешняя, ассоциативная, случайная. В этой связи сталкиваются и взаимодействуют чуждые друг другу контексты: актуальный и исторический («воля» и «память» языка).

В основе стиля, социокультурной окраски лежит пассивная дискурсивная ассоциация. Актуальный контекст подчиняется дискурсу – по смыслу, по духу, по форме, являясь его продолжением. Он повторяет характеристики дискурса: жанровые, концептуальные. Дискурсивный контекст – априорная величина, он предзадан актуальному контексту. В основе образности лежит активная дискурсивная ассоциация. Говорящий привлекает чуждую контексту номинацию (образ) для решения контекстных смысловых задач. Человек очень активен в своём общении с дискурсом. «Недаром говорят, что язык это кладбище мёртвых метафор» [3, с. 17].

Прагматика, в порядке усиления функции коммуникативного воздействия, на какой-то момент переступает границу рационального и изменяет предмету понимания. Не предмет, а образ начинает руководить эмоционально-оценочным аспектом понимания. Говорящий увлекается воздействием как таковым, демонстрацией своего «я», чистой эстетикой выражения. Прагматика становится областью сотрудничества и борьбы между предметной и символической знаково-стью. Контекст и дискурс, предмет и образ – постоянно находятся в состоянии взаимного согласия и борьбы. Полем их встречи и взаимного компромисса становится прагматика. Прагматика – двойственный феномен. Она служит и объекту, и субъекту: и знаку, и символу. Но подлинным «портом приписки» прагматики в речевом знаке всегда и при любых условиях остаётся предмет – референциальная номинативная функция знака. Любая «измена» прагматики предмету понимания является лишь временной, в какой-то момент она «вспоминает» о своём рациональном происхождении и предназначении. Дискурсивная эстетическая ассоциация (образ, окраска) должна заканчиваться более глубоким, изменённым по смыслу пониманием объекта.

Предмет был и остаётся решающим критерием понимания любой формы выражения. Напротив, отсутствие предметного основания подрывает понимание, лишает понимание необходимой точки опоры. Самый запутанный образ, самая зашифрованная дискурсивная абстракция лишь провоцирует поиск предметного основания. Энигматика образа ускоряет путь катарсиса. Образ или стилистическая окраска тре-

буют внутренней расшифровки открывающейся в них дискурсивной ассоциации на язык прагматики и, наконец, на язык предметной семантики знака. Мы не понимаем образ или стилистику знака, если не видим, не представляем себе их предметную и/или прагматическую подоплёку. Путь понимания – это путь экспликации знака с «языка» дискурса на язык предмета мысли (т.е. язык в собственном смысле слова). Две стороны, трансцендентная и предметная, устойчиво связаны в речевой работе знака.

Именно такого рода редукцию, прагматическую и предметную, обычно нам показывает перевод. Сохранение дискурсивной ассоциации скорее необычный, чем обычный случай для перевода. Гораздо чаще переводчик идёт по пути внутренней расшифровки образа, т.е. по пути экспликации. В выборе между двумя мирами – виртуальным дискурсивным и реальным предметным – переводчик никогда не оставляет почву мира реального, почву предметного понимания знака.

Переводчик не может ошибиться в поиске и выборе внутренней точки опоры. Сетка смысловых зависимостей для него всегда упирается в предмет речи, который должен быть вскрыт, показан несмотря ни на какие коннотативные напластования. Рассмотрим, как переводчик «справляется» с образностью, опираясь на референцию.

(англ.): “For a writer who has donned the cloaks and wielded the daggers of assassins and spies for some 30 years, Frederick Forsyth seems almost to be running scared. Forsyth chose to be interviewed in the coffee shop of an upscale West London hotel where, like the best of his undercover agents, he drew no second glances as he strode, briskly through the lobby”.

Перевод: “Для писателя, который *вот уже в течение 30 лет на страницах своих романов воюет с армиями шпионов и убийц, с рыцарями плаща и кинжала*, Фредерик Форсайт выглядел несколько испуганно. Для своего интервью он выбрал кафе в фешенебельном отеле западного Лондона, в котором, как и большинство его тайных агентов, появился, не вызвав внимания уже присутствующих посетителей”.

В этом примере мы видим яркую развёрнутую образность с элементами иронии: понимать буквально выделенный курсивом оборот (“... a writer who has donned the cloaks and wielded the daggers of assassins and spies...”; досл.: «.../писатель, который/ облачается в плащи шпионов и

орудует кинжалами убийц...»*), думается, невозможно. Нетрудно понять, что речь идёт не о реальной жизни человека, а о его богатом писательском воображении, которое выплёскивается на страницы его произведений. Переводчик делает соответствующую референциальную поправку: «...на страницах своих романов...», что в данном случае вполне оправданно. Переводчик несколько усиливает образ («...воюет с армиями шпионов и убийц...»), повторяя известный литературный штамп: «...рыцарями плаща и кинжала». Автор оригинального текста, трудно этого не заметить, тоже имеет в виду этот штамп. Этот штамп имеет хождение как в английском, так и в русском литературном дискурсе, вызывая соответствующую смысловую ассоциацию (с элементом иронии). Для нас важно заметить, что переводчик не остаётся на уровне образа, а расшифровывает его, показывая в эксплицитной форме, какая реальность за ним стоит, снимая функцию образного «остранения». В английском аналоге автор не снимает «остранения», не расшифровывает свой образ: читатель должен сам догадаться, о какой реальности идёт речь, как к ней относиться. В этом примере мы видим случай, когда переводчику удаётся в основных чертах повторить образ в содержательном и в функциональном планах. Такое становится возможным в силу совпадения дискурсивных ассоциаций в культурно-выразительном опыте двух языков.

Пример английского заголовка с характерной культурной окраской:

(англ.): “China threat? Taiwan investors shrug”.

Перевод: “Тайваньские инвесторы не очень обеспокоены угрозами со стороны Китая” (вариант: “Тайваньские инвесторы не реагируют на угрозы Китая”).

Дословный перевод этого заголовка (*Китайская угроза? Тайваньские инвесторы /в ответ/ пожимают плечами**) вряд ли приемлем, поскольку возникающая окраска не вполне адекватна русскому восприятию. Подавать в виде заголовка реплики диалога – не в стиле заголовков русскоязычной прессы. Это скорее в стиле рекламы. Переводчик, получается, игнорирует разговорную окраску (представленную образным словом *shrug*), не отвечающую русскому разговорному дискурсу, и обращается к референциальной стороне выражения, т.е. к реальному положению дел. Переводчик расшифровывает образ через референцию. Отметим: удаётся или не удаётся переводчику сохранить в том или ином виде

форму образного «остранения» (т.е. повторить образ), он в любом случае должен «приоткрыть дверь» к объекту понимания. Переводчик либо сам расшифровывает образ (что чаще и происходит), либо даёт ключ к расшифровке.

Характерный пример опущения образа, который «не работает» в другом языке, т.е. не вызывает тех же дискурсивных ассоциаций и по этим причинам не может быть буквально воспроизведен в ПТ.

(англ.): “(1) The great thing about Charlton Heston is that he becomes (1) *the megaphone* to get our message out, (2) *a message that is not being heard right now*”.

Перевод: (2) “Мы хотим быть наконец услышанными, и замечательно, что (1) голос Чарльтона Хестона даёт нам такую возможность” (пример из: [7, с. 127]).

В этом примере в ИТ мы видим лексический образ “*the megaphone*”, создающий ироническую окраску. Эквиваленты этому слову есть в русском языке: «мегафон», «рупор», но вряд ли они применимы в переводе, потому что в русском языке подобные номинации не переносятся на человека. Образная номинация “*the megaphone*” получает развитие в английском тексте: «*to get our message out*». Далее автор поясняет, почему он называет Ч. Хестона “*the megaphone*”: дело в том, что «*our message... is not being heard right now*». Смысл иронии в том, что Ч. Хестон – политический противник, который вдруг сказал то, что выгодно автору текста. Тот в иронической форме выражает ему похвалу, называя его в гиперболической форме «*рупором своих идей*». Мы видим, что уже в самом ИТ происходит референциальное «заземление» образа. Чем сильнее, ярче, сложнее образ, тем больше он требует контекстной экспликации. Сложность представляет и перевод элемента «*message*», который также не поддаётся прямой референциальной расшифровке. Переводчик решает проблему путём смены ракурса описания ситуации в целом («*мы хотим быть наконец услышанными*»), после чего использование лексического аналога слову «*message*» становится излишним. Опуская образные номинации, переводчик стремится сохранить прагматику высказывания. В исходном тексте прагматика усилена через образ. В ПТ прагматика сохраняется без опоры на образ.

Характерный пример сохранения образной функции, но при этом смены семантики образа:

(англ.) “The financial and economic crisis of 1997 and 1998 *swept through East Asia like a tidal wave*”.

Перевод: “Финансовый и экономический кризис 1997-98 годов пронёсся по странам Юго-Восточной Азии как *опустошительный ураган*”.

Буквальное повторение семантики образа (*tidal wave* = *приливная волна*) здесь не передаёт той культурной смысловой окраски, которую мы видим в ИТ. Номинация «*приливная волна*» не вызывает той же дискурсивной ассоциации, которую вызывает в английском тексте «*tidal wave*». Волна не воспринимается как нечто разрушительное. Образ в ИТ усиливает прагматику. Ту же функцию выполняет другой по своей семантике образ в ПТ. Сохраняется смысловая функция, меняется семантика.

Ещё один пример, где возможны варианты с буквальным сохранением образа и с нейтрализацией образности, требующей предметной расшифровки образа:

(англ.) “Elections now have produced a *national mandate* for change, led by reforming clerics and by the elite of young professionals and academics, supported by the popular majority”.

Перевод₁ (с сохранением семантики образа): “Результатом нынешних выборов /в Иране/ стал *национальный мандат на осуществление реформ*, которые могут возглавить реформаторская часть духовенства, молодые интеллектуалы из профессиональных и академических кругов”.

Перевод₂ (с нейтрализацией семантики образа): “Нынешние выборы /в Иране/ ясно показали *стремление народа к переменам*, во главе которых могут встать реформаторская часть духовенства, молодые интеллектуалы из профессиональных и академических кругов”.

Вряд ли в каком другом контексте можно представить как тождественные такие номинации, как «*национальный мандат...*» и «*стремление народа...*». В данном контексте первая является образной, вторая – прямой, предметной. Первая по семантике стоит ближе к оригиналу и может быть названа буквальной. Вторая по своей семантике удаляет нас от оригинала и может быть названа трансформационной. Но в то же время она более эксплицитна, в большей мере раскрывает суть происходящего. Две номинации (образная и прямая) равны друг другу по своей прагматической контекстной функции. Обе решают одну и ту же прагматическую задачу: обе характеризуют, «что показали выборы». При этом большую близость к смыслу (к прагматической цели выражения) показывает прямая предметная сторона выражения (которую мы видим во втором варианте перевода). Переводчик экс-

плицирует смысл (прагматическую цель) через референцию. Образ менее эксплицитен (в силу связанных с ним дискурсивных условностей).

Всякий перевод референциально более эксплицитен, чем оригинал, и с большей точностью и ясностью раскрывает прагматику выражения – пусть даже за счёт потери образности. «Всякий перевод, всерьёз относящийся к своей задаче, яснее и примитивнее оригинала» [2, с. 449].

Проведённый выше анализ показывает, что интерпретация в переводе есть функция внутренних взаимоотношений между референ-

цией, прагматикой и образом (дискурсивно-ассоциативной функцией выражения). При этом, в отличие от обычных условий коммуникации, в переводе интерпретация развивается не от референции к смыслу (к прагматике и далее к образу и стилю), а от смысла к референции. Смысл инвариантен, референция вариативна. Референции принадлежит решающая верифицирующая функция в переводе. В переводе вполне допускается смысловая редукция образа к прагматике и референции. Смысловая редукция прагматики невозможна.

Список литературы

1. Барбазюк В.Ю. Смысловое развитие метафоры в текстах различных жанров: семиотический и синергетический аспекты интерпретации. Дисс. на соискание... канд. филол. наук, М., 2013. 180 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и Метод (основы философской герменевтики). М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое.// Метафора в языке и тексте (отв. ред. В.Н. Телия). М.: Наука, 1988. С. 11-26.
4. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка.// Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: изд.-во Иностранной литературы, 1960. С. 264-389.
5. Кант И. Критика способности суждения.// Кант Иммануил. Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения. М.: Издательство «Э», 2018. С. 361-458.
6. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 326 с.
7. Палажченко П.Р. Несистематический словарь трудностей, тонкостей и премудростей английского языка в сопоставлении с русским. М.: Валент, 1999. 236 с.
8. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
9. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 383 с.
10. Шнякина К.В. Дискурсивная динамика образных форм в языке и тексте (семиотический анализ английских и русских пословиц и метафор). Дисс. на соискание... канд. филол. наук, М., 2010. 163 с.
11. Lapa R. Estilística da Língua Portuguesa. Coimbra: Coimbra Editora Ltd., 1977. 302 p.

Сведения об авторе:

Иванов Николай Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО (У) МИД России. Сфера научных интересов: теория перевода, семиотика, семантика, теория коммуникации, грамматика португальского языка. E-mail: e-nickma@mail.ru.

COGNITIVE OPPOSITIONS IN TRANSLATION: FIGURATIVENESS – PRAGMATICS – REFERENCE

N.V. Ivanov

Moscow State Institute of International Relations (University),
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow 119454, Russia

The Abstract: *The article represents an effort to develop the method of cognitive analysis in translation and on this basis to identify inherent mechanisms and forms of equivalence in translation. The author looks into translation from the semiotic point of view taking the semiotics of sign in speech (the verbal sign seen as a speech act) as a basis of subsequent scientific scrutiny. In the structure of the verbal sign, sense and reference are opposed to each other. The reference accounts for the identification of the designated object in sign, while the sense needs to be reflected in interpretation. In terms of the sense of the verbal sign the author singles out: 1) elements of sense capable of determining the sign referential meaning, and*

2) *elements of sense which are not capable of doing it. According to this differentiation, equivalents in translation are analyzed. The author concludes that the interpretative relation in translation evolves in an inverse order: not from reference to sense, but from sense to reference. The reference is a variable aspect of translation and accounts for transformation, and the sense is an invariable aspect and the basis of translation. In order to preserve the sense, a translator introduces changes into the reference. Some examples of English-Russian translation are analyzed as cases of transition from figurativeness to pragmatics and to reference. The article may arouse interest of specialists in the theory of translation, semiotics and the theory of communication.*

Key Words: *translation, sign in speech, reference, sense, pragmatics, social and cultural shades in sign, cognitive reduction, context, discourse.*

References

1. Barbaziuk V.Yu. Smyslovoe razvitie metafory v tekstakh razlichnykh janrov: semioticheskiy i sinergeticheskiy aspekty interpretatsii [Cognitive Growth of the Metaphor in Texts of Various Genres: Semiotic and Synergetic Aspects of Interpretation]. Diss. ... kand. philol. nauk [Cand. Sc. Thesis], M., 2013. 180 s.
2. Gadamer H.-G. Istina i Metod (osnovy filosofskoy germenевtiki) [The Truth and the Method (Fundamentals of Philosophical Hermeneutics)]. M.: Progress, 1988. 704 s.
3. Gak V.G. Metafora: universalnoe i spetsificheskoe. [The Metaphor: specific and universal] // Metafora v iazyke i texte [The Metaphor in the Language and in the Text] (otv. red. V.N. Telia). M.: Nauka, 1988. S. 11-26.
4. Elmslev L. Prolegomeny k teorii iazyka. [Prolegomena to a Language Theory] // Novoe v lingvistike, Vyp. 1. M.: izd. Inostranoy Literatury, 1960. S. 264-389.
5. Kant I. Kritika sposobnosti sujudenia. [Critique of the Power of Judgment] // Kant Immanuel. Kritika chistogo razuma. Kritika prakticheskogo razuma. Kritika sposobnosti sujudenia. M.: Izdatelstvo "E", 2018. C. 361-458.
6. Losev A.F. Problema symvola i realisticheskoe iskusstvo [The Problem of the Symbol and the Realistic Art]. M.: Iskusstvo, 1976. 326 s.
7. Palajchenko P.R. Nesistematicheskij slovar' trudnostey, tonkostey i premudrostey angliyskogo iazyka v sopostavlenii s russkim [The Non-Systematic Dictionary of Difficulties, Subtleties and Intricacies of English vs Russian]. M.: Valent, 1999. 236 s.
8. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopedic Dictionary of Philosophy]. M.: Sovetskaia entsiklopedia, 1983. 840 s.
9. Shklovskiy V.B. O teorii prozy [On the Theory of the Prose]. M.: Sovetskiy pisatel', 1983. 383 s.
10. Shniakina K.V. Diskursivnaya dinamika obraznykh form v iazyke i texte (semioticheskiy analiz angliyskikh i russkikh poslovits i pogovorok) [Discursive Dynamics of the Figurative Means in the Language and in the Text (Semiotic Analysis of English and Russian Proverbs and Sayings)]. Diss. ... kand. philol. Nauk [Cand. Sc. Thesis], M., 2010. 163 s.
11. Lapa R. Estilística da Língua Portuguesa [Style in Portuguese]. Coimbra: Coimbra Editora Ltd., 1977. 302 p.

About the author:

Nicolay Viktorovitch Ivanov – Doctor in linguistics, full professor, Chief of Roman Languages Department, MGIMO University (Moscow, Russia), Spheres of scientific interest: theory of translation, semiotics, semantics, theory of communication, Portuguese grammar. E-mail: e-nickma@mail.ru.

✱ ✱ ✱

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА С. ДОВЛАТОВА: ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА И КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «ЗАПОВЕДНИК»)

Ю.И. Микаэлян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454 Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье на примере повести «Заповедник» и её переводов на английский, испанский и бразильский португальский языки анализируются особенности авторского стиля писателя С.Д. Довлатова и маркеры культуры, присутствующие в его прозе и представляющие сложность для сохранения в переводе. На основе сопоставительного анализа текстов в рамках коммуникативно-функционального подхода исследуются стратегии перевода, предпринятые переводчиками на разные языки для передачи стилистического своеобразия и юмора повести. Перевод юмора представляет особую сложность, поскольку юмор всегда коннотативен и апеллирует к имплицитным знаниям, которыми может не располагать носитель другой культуры. В силу этих особенностей юмора, а также его ориентированности на получателя перевода, переводчики часто прибегают к стратегии доместикации (термин, введённый Л. Венути), адаптируя юмор под культуру перевода. Тем не менее, подобная стратегия не всегда оправдана, поскольку может противоречить авторскому замыслу. Кроме того, наличие в оригинале аллюзий к феноменам культуры, незнакомым иностранным читателям, также затрудняет восприятие и понимание переведённого текста. Как продемонстрировал проведённый анализ, несмотря на то, что из-за разницы в картинах мира у носителей разных культур и незнания реалий культуры исходного текста в переводе всегда теряется часть экспрессии и авторских замыслов, переводчикам удалось в значительной мере передать языковое и культурное своеобразие повести.

Ключевые слова: С. Довлатов, юмористическая проза, русская литература, переводоведение, коммуникативно-функциональный подход, перевод юмора, стратегии перевода, маркеры культуры.

Исследования в области переводоведения, межкультурной коммуникации и рецепции русской литературы в других культурах не теряют своей актуальности, поскольку перевод русских авторов на иностранные языки не прекращается и зарубежные читатели продолжают знакомиться как с новыми авторами, так и с новыми переводами уже известных произведений. Особый интерес для данного исследования представляет юмористическая проза, а именно творчество С.Д. Довлатова (1941 – 1990).

Последние годы её исследованию и переводу уделяется всё больше внимания.

Эмигрировавший в 1978 году в США писатель сумел завоевать не только публику из русскоязычной эмигрантской среды, но и добиться признания англоязычных читателей. Большинство довлатовских произведений было переведено и опубликовано на английском языке ещё при жизни автора, а его рассказы неоднократно публиковались в таких авторитетных американских журналах, как *New Yorker* и *Partisan Review*.

Так, в еженедельнике *New Yorker*, публикации в котором считаются в США одним из показателей успешности писателя, были опубликованы десять рассказов Довлатова [25].

Процесс перевода книг писателя на иностранные языки начался в 80-е годы прошлого века и продолжается до сих пор, как и изучение его творческого наследия в России и за рубежом. Последние несколько лет отмечены новым всплеском интереса к творчеству писателя: новые переводы его произведений были сделаны в США, Испании (причём не только на испанском, но и на каталанском языке), Бразилии и Аргентине.

Данная статья посвящена возможным стратегиям перевода произведений С. Довлатова на примере его повести «Заповедник». Повесть была впервые опубликована на русском языке в 1983 году в США, однако первая публикация книги на английском языке (*Pushkin Hills*) состоялась лишь спустя 30 лет, в 2013 году. Книга вышла в Великобритании и США в переводе дочери писателя Катерины Довлатовой. Кроме того, в 2016 году «Заповедник» (*Parque cultural*) впервые вышел на португальском языке в Бразилии, а в 2017 году вышел первый перевод книги на испанский язык в Испании (*Retiro*).

Многие критики и исследователи творчества Довлатова сходятся во мнении, что «Заповедник» – это одно из лучших [4, с. 328], но в то же время одно из наиболее сложных для перевода произведений писателя. Это связано как с его жанром, – Довлатов всегда работал в жанре юмористической прозы – так и с особенностями авторского языка и используемыми стилистическими приёмами и сложной смысловой структурой текста. Помимо элементов юмора в повести присутствует большое количество литературных аллюзий и отсылок к феноменам русской и советской культуры, то есть к целому блоку страноведческой информации, которая, как правило, оказывается недоступна читателю-иностранцу.

Цель данной статьи – проанализировать основные стилистические особенности авторского языка писателя и маркеры культуры, присутствующие в повести «Заповедник», и рассмотреть возможные стратегии перевода и культурной адаптации в рамках коммуникативно-функционального подхода. Для анализа возможных стратегий перевода мы будем опираться на переводы повести на испанский, бразильский вариант португальского и ан-

глийский языки.

Как известно, перевод «является одним из наиболее сложных видов межъязыкового и межкультурного посредничества» [8, с. 5]. В свою очередь, сложность при переводе юмора определяется его особой культурной маркированностью. Как поясняет голландский теоретик перевода Йерун Ванделе в своей статье «Юмор в переводе» (*Humour in translation*), юмор всегда тесно связан с культурой, в которой он был произведён, отражает её специфику и содержит коннотации и ассоциации, носящие имплицитный характер [21, с. 150].

Тем не менее, существует тип так называемых «международных» шуток, или шуток, понятных двум и более нациям (англ., *international / binational joke*), в терминологии испанского учёного и теоретика перевода Патрика Сабальбеаскоа. В своей статье «Юмор и перевод – междисциплинарный подход» (*Humor and translation – an interdisciplinary approach*) исследователь разрабатывает собственную «типологию шуток» (англ. *joke types for translation*). Согласно Сабальбеаскоа, в случае международной шутки носители разных культур обладают общими знаниями, вкусами и ценностями, которые позволяют понять и оценить данную шутку [24, с. 189]. В таком случае юмор передаётся в переводе без необходимости какой-либо адаптации. Однако в большинстве случаев понимание юмора оказывается ограничено национальной картиной мира, фоновыми знаниями и традициями, свойственными той культуре, в которой шутка была произведена.

В силу имплицитного, коннотативного характера юмора восприятие и понимание смешного зависит не от его лингвистического выражения, а от получателя перевода, который воспринимает шутку в соответствующей культуре. Поэтому идеальный с точки зрения языка перевод может не привести к адекватному восприятию комического, что сразу отразится на реакции на шутку со стороны носителя другой культуры. Непонимание переведённой шутки, потеря её экспрессивности на иностранном языке ведёт к коммуникативной неудаче, и соответственно, также и к переводческой неудаче.

Включение получателя в перевод и необходимость учитывать также и особенности экстралингвистического характера позволяют изучать проблему перевода юмора в рамках коммуникативно-функционального подхода. Согласно данному подходу, при переводе учитываются «не только специфика текстов оригинала

и перевода, но и факторы экстралингвистического характера, связанные с личностными особенностями коммуникантов (автора исходного сообщения, получателя перевода, переводчика), а также то воздействие, которое тексты оказывают на адресатов» [11, с. 48]. Одними из пионеров данного подхода в 70-е годы стали разработчики скопос-теории (нем. *Skopostheorie*, от гр. «скопос» – цель). Согласно данной переводческой концепции, основное внимание в процессе перевода должно уделяться функции, цели текста. Так, как отмечает Катарина Райс в своей статье «Тип, вид и индивидуальность текста: принятие решений при переводе» (*Type, kind and individuality of text: decision making in translation*), одной из главных целей межъязыкового перевода является «создание текста, функционально эквивалентного оригиналу» [19, с. 160] (Здесь и далее перевод иноязычных работ мой. – Ю.М.). Таким образом, согласно коммуникативно-функциональному подходу, при переводе юмора главная задача переводчика состоит в сохранении экспрессии и комизма, присущих исходному тексту.

В связи с необходимостью адаптировать юмор под культуру языка перевода, переводчики юмористических текстов часто пользуются переводческой стратегией доместикации. Термины «доместикация» и «форенизация» (англ. *domestication, foreignization*), введенные американским историком и теоретиком перевода Лоуренсом Винути [22], берут начало в тексте немецкого философа Ф. Шлейермахера «О разных методах перевода». В нём Шлейермахер рассуждает о существовании двух противоположных методов перевода: согласно философу, либо переводчик «оставляет писателя в покое и заставляет читателя приблизиться к нему», либо наоборот, «оставляет в покое читателя и заставляет писателя приблизиться к нему» [20, с. 137]. Первый метод соответствует стратегии форени-

низации: сохраняется «иностранность» характер исходного текста, далёкий от языка и культуры перевода. При доместикации, напротив, происходит культурная адаптация текста, «приближение автора» к культуре языка перевода. Учитывая эту особенность стратегии доместикации, французский теоретик перевода А. Берман охарактеризовал доместикацию как «этноцентричный метод перевода» [13, с. 10].

Популярность прозы С. Довлатова на иностранных языках связана, безусловно, и с большим количеством «международных шуток», согласно типологии Сабальбеаскоа, которые оказываются понятны носителям разных культур. Например, в своих текстах писатель часто использует жанр анекдота, присутствующий во всех культурах, и чья композиция обычно строится на резком сюжетном повороте и неожиданной концовке. Этот эффект неожиданности, «приводящий к нарушению инерции повествования», создаёт комический эффект [9, с. 8]. Доступность довлатовского юмора иностранным читателям позволила американскому писателю Джозефу Хеллеру в рецензии на английский перевод романа «Наши» (*Ours*) назвать Довлатова «русским эмигрантом с чувством юмора американца» [14]. Тем не менее, часто юмор Довлатова оказывается культурно обусловлен и требует адаптации для языка и культуры перевода.

Адаптируя текст, чтобы задействовать экстралингвистические знания читателей, переводчики используют стратегию доместикации. С точки зрения коммуникативно-функционального подхода, такие решения способствуют сохранению комического эффекта, присутствующего в исходном тексте и, следовательно, соответствуют цели перевода.

Рассмотрим примеры использования стратегии доместикации и форенизации в переводе повести «Заповедник».

<i>Заповедник</i>	<i>Pushkin Hills</i>	<i>Retiro</i>	<i>Parque cultural</i>
– Давайте познакомимся.	“Let’s get acquainted.”	– ¿Qué le parece si nos presentamos?	– Vamos nos conhecer.
– Аврора, – сказала она, протягивая липкую руку.	“Aurora,” she said extending a sticky hand.	– Aurora – dijo, tendiéndome una mano pringosa.	– Aurora – disse ela, estendendo a mão pegajosa.
– А я, – говорю, – танкер Дербент [5, с. 177].	“And I am,” I said, “Borealis” [16, с. 6].	– Como el acorazado. Qué asombrosa coincidencia – dije – . Yo me llamo Crepúsculo. Como el submarino nuclear [17, с. 11].	– E eu sou o navio-tanque Derbent [15, с. 32].

Сложность для понимания комизма данного каламбура заключается в том, что для иностранного читателя имя «Аврора» не обладает дополнительными коннотациями (более того, например, в Бразилии это довольно

распространённое женское имя), а русский читатель, напротив, сразу угадывает в реплике персонажа отсылку к крейсеру Аврора, одному из главных символов Октябрьской революции.

Для сохранения юмористической составляющей переводчики на английский и испанский язык использовали стратегию доместикации – в обоих случаях мы сталкиваемся со свободным переводом. Во фрагменте на английском переводчик предпочёл уйти от «корабельной темы», построив юмор на выражении *aurora borealis*, «северное сияние» (термин, как и женское имя, восходит к римской мифологии – так звали богиню утренней зари). Учитывая, что имя главного героя Борис (Boris) также созвучно выражению, безусловно, с точки зрения сохранения юмора такое переводческое решение можно считать удачным.

В свою очередь, переводчики на испанский постарались сохранить авторское намерение и создали каламбур, отталкиваясь от названия корабля. Для этого они использовали приём пояснения (фр. *explicitation*), согласно терминологии А. Бермана, эксплицитно выразив авторский замысел в ответной реплике персонажа: *Como el acorazado. Qué asombrosa coincidencia* («Как крейсер. Какое удивительное совпадение»). Кроме того, для усиления комического эффекта авторы также построили игру слов на значении «заря» нарицательного существительного *aurora* в испанском языке. Обыгрывая данное значение слова, персонаж Бориса Алиханова называет себя в диалоге *submarino nuclear Crepúsculo*, «атомная подводная лодка Сумерки».

Что касается пояснений в тексте перевода, хотелось бы отметить возможную негативную тенденцию, связанную со злоупотреблением данного приёма, на которую обращает внимание

Берман: согласно учёному, в таком случае переводчик выносит на поверхность и делает эксплицитными те смыслы, которые автор намеренно оставил скрытыми. Кроме того, приём пояснения неизбежно приводит к увеличению объёма текста перевода, что, впрочем, Берман считает естественной тенденцией при любом переводе [13, с. 51-52].

В тексте на португальском языке переводчик использовал стратегию форенизации, сохранив авторский каламбур без какой-либо адаптации для языка и культуры перевода. В тексте есть сноска с комментарием, где даётся историческая справка о крейсере Аврора, а также о романе Ю. Крымова «Танкер Дербент», аллюзия на который присутствует в диалоге.

Одной из характерных особенностей языка Довлатова является его стилистическая безупречность и, несмотря на внешнюю простоту, кропотливый подход к созданию фраз, поддержанию ритмической составляющей внутри прозаического текста [2, с. 298]. Безусловно, краткость фраз, преимущественное использование стилистически нейтральной лексики в повествовании, отсутствие сложных синтаксических конструкций отчасти облегчают задачу переводчика. Тем не менее, несмотря на внешнюю простоту авторского стиля, переводчики должны уделять особое внимание звуковой и ритмической составляющей текста, поскольку, как отмечает Е.А. Опарина, «перевод художественного текста должен априори подразумевать стилистическое сохранение оригинала» [10, с. 134]. В качестве примера можно привести следующий фрагмент:

Заповедник	Pushkin Hills	Retiro	Parque cultural
Формально я был холост, здоров, оставался членом Союза журналистов. <...>	Officially I <u>was</u> single, able-bodied and a standing member of the Journalists' Union. <...>	<u>Oficialmente, estaba</u> soltero, sano, y <u>seguía perteneciendo</u> a la Unión de Periodistas. <...>	Formalmente <u>estava</u> solteiro, saudável, <u>continuava sendo</u> membro da União dos Jornalistas. <...>
Формально я был полноценной творческой личностью.	Officially, I <u>was</u> a full-fledged creative personality.	<u>Oficialmente, estaba dotado</u> de una saludable personalidad creativa.	Formalmente, <u>era</u> um artista completo.
Фактически же пребывал на грани душевного расстройства... [5, с. 234]	In reality, I <u>was</u> on the edge of a mental breakdown... [16, с. 66]	Pero lo cierto es que <u>me encontraba</u> al borde del trastorno mental... [17, с. 98-99]	<u>Praticamente, estava</u> à beira de uma crise nervosa. [15, с. 104]

В исходном тексте фрагмент композиционно и ритмически организуется за счёт анафоры (в том числе звуковой), образованной при помощи начинающихся на букву «ф» наречий («формально», «формально», «фактически») и глаголов несовершенного вида в прошедшем времени, описывающих состояние героя.

В переводе все тексты сохраняют композицию исходного фрагмента за счёт повтора наречия в начале фраз, глаголов прошедшего времени (в испанском и португальском тексте используется имперфект). Вернее всего ритмическую организацию передаёт текст на португальском языке, где сохранена наречная анафора (наречия *formalmente, formalmente, praticamente*).

Звуковой повтор в тексте на португальском языке осуществляется за счёт окончаний наречий (-mente), образованных по одной модели.

Одной из особенностей авторского стиля Довлатова является строгое следование правилу начинать все слова в предложении с разных букв. Такой подход, который сам писатель называл «творческими веригами», по его мнению, дополнительно дисциплинировал, уберегая «от многословия и пустоты» [1, с. 241]. Однако в силу особенностей структуры языков ни один из переводчиков не стал его соблюдать. В отличие от русского, английский, испанский и португальский языки являются языками аналитического строя, то есть грамматические отношения в них выражаются в первую очередь синтаксически, что приводит к обилию служебных слов (артиклей, предлогов, вспомогательных глаголов и т.д.). Принимая во внимание наличие артиклей, многозначность и частотное употребление предлогов, попытка строить фразу на иностранном языке так, чтобы начальные буквы в словах не повторялись, неизбежно привела бы к значительному утяжелению фраз и искусственности речи. Это вступило бы в прямое противоречие с такими характеристиками авторского стиля, как простота и ясность фраз.

В интервью журналу *Paris Review* переводчик К. Довлатова сообщила о сознательном отказе от соблюдения этого правила из-за особенностей английского синтаксиса, отмечая, что такой подход был бы невозможен из-за обилия артиклей [26].

С точки зрения стиля, наибольшую сложность при переводе в повести представляет речь персонажей, в которой автор использует сти-

листический приём сказа для характеристики персонажа и создания комического эффекта. Семантико-стилистическая традиция сказа берёт начало в XIX веке в творчестве Н.В. Гоголя и Н.А. Лескова. Сказ всегда имитирует разговорную речь, в том числе содержащую элементы, которые могут признаваться аномальными с точки зрения литературной нормы [3, с. 53], посредством которой читателю даётся представление о происхождении и социальном положении героя.

В «Заповеднике» наибольший интерес и наибольшую сложность для перевода представляет речь персонажей, созданная в традициях сказа (в первую очередь, это персонажи Михал Иваныча и фотографа Валеры Маркова). В их речи смешиваются разные стилевые регистры, присутствуют как просторечия и жаргонизмы (например, тюремный жаргон), так и авторские окказионализмы. Сам Довлатов признавался, что считает повесть непереводимой на иностранный язык, как раз из-за стилистических особенностей речи своих персонажей [6, с. 407].

Речь персонажа Михал Иваныча характеризуется автором как нечто «сродни классической музыке, абстрактной живописи или пению щегла» [5, с. 218], в которой эмоциональный окрас преобладает над смыслом. Его речь суггестивна, персонаж не соблюдает грамматических правил при построении фраз, нарушает темарематическую организацию предложений. В силу этих особенностей перед переводчиками стояла задача воссоздать «неправильность» и экспрессивность речи при помощи грамматических и синтаксических средств, отталкиваясь от структуры языка перевода.

<i>Заповедник</i>	<i>Pushkin Hills</i>	<i>Retiro</i>	<i>Parque cultural</i>
Пятёрку утром хва и знато бысь в гадюшник... Аванс мой тыка што на дипоненте... Кого же еньть завязывать?... Без пользы тыка... И душа не взойде... [5, с. 218]	Get's a fiver in the morning an'shoot to the piss factory... Advance is on deposit... How'sa imma quit?... What'sa smart in'at?... Where'sa spirit rise. [16, с. 49]	Cinco machacantes cogió pala mañana... sa metió a badri-guera... ¡Cómo eso! ¡Si está tol anticipo guesedebe!... Condrolar, condrolar... ¡Pa condrolar está uno!... Pa na, de na... ¡Ni pa las gracias!... [17, с. 74]	Pegou cinco paus e partiu pro covil... O adiantamento tá no depósito... Como é que dá sem beber?... Serve de nada... Nem a alma levanta... [15, с. 84]

Во всех текстах сохраняется сниженный стилистический регистр – в них присутствуют жаргонизмы и обценная лексика. Кроме того, чтобы подчеркнуть отклонения от литературной нормы в речи персонажа, переводчики сделали ставку на её фонетические особенности. Имитация устной, разговорной речи малообразованного человека осуществляется в первую очередь за счёт отражения на письме сильной редукции,

искажённых форм, характерных для устной речи каждого из языков.

Наиболее «литературным» и ясным для читателя оказался перевод фрагмента на португальский язык: в тексте имитируется разговорная речь со сниженной лексикой, которая, однако, не создаёт особых сложностей для понимания.

Интересно решение переводчиков на испанский язык: помимо редукции, характерной для

разговорной речи, им удалось также отразить, что по сюжету персонаж практически всегда находится в состоянии алкогольного опьянения. В Испании в анекдотах и шутках речь пьяного человека часто имитируется за счёт озвончения глухих согласных ($t \rightarrow d$, $q \rightarrow g$), а также замены согласного t на b (см. пример подобной имитации в сборнике J. Gay Bocheca [18, с. 223]). Поэтому искажённые формы *condrolar* (вместо *controlar*), *badriguera* (*madriguera*), *guesedebe* (*que se debe*) сразу намекают читателю на состояние персонажа, придавая ситуации дополнительный комизм. Следует отметить, что данный перевод можно охарактеризовать как свободный, так как он выполнен на «более низком уровне эквивалентности» [11, с. 48] по сравнению с другими переводами. Испанский текст оказался значительно длиннее оригинала и наиболее удалён от него синтаксически и по смыслу: в нём содержится ряд оборотов и выражений, которых нет в исходном тексте. Тем не менее, поскольку экспрессивная составляющая в речи персонажа преобладает над смысловой, и авторам удалось передать экспрессивность речи в переводе, в рамках коммуникативно-функционального подхода такой перевод можно считать адекватным.

В целом следует отметить, что испанский перевод оказался значительно объёмнее оригинала и переводов на английский и португальский. Это объясняется как примерами подобного свободного перевода, когда для усиления комического эффекта переводчики добавляют элементы, отсутствующие в оригинале, так и наличием пояснений в тексте перевода (см. пример перевода диалога между Авророй и главным героем повести).

В тексте повести также присутствуют и такие пласты смысла и ключевые мотивы, апеллирующие к имплицитным знаниям читателя, адаптация которых невозможна, поскольку это вступило бы в противоречие с авторским замыслом. Одной из важнейших характеристик книги является её «литературность»: текст тесно связан и вступает в диалог с русской литературной традицией, выраженной, в первую очередь, фигурой поэта А.С. Пушкина. Как отмечает А. Генис, «довлатовская книга настояща на Пушкине... Она вся пронизана пушкинскими аллюзиями» [4, с. 332]. Кроме того, один из лейтмотивов

«Заповедника» – это «развенчание» официального советского мифа о Пушкине как символе культуры страны.

Действие повести разворачивается в Пушкинских горах, в музее-заповеднике «Михайловское», куда автобиографический главный герой¹, писатель Борис Алиханов, приезжает поработать экскурсоводом. Попав в заповедник, главный герой оказывается в центре советского пушкинского мифа, зародившегося в 20-е годы XX века с образованием СССР и полностью сформировавшегося как раз к 70-м годам прошлого века (возникновение и эволюция пушкинского мифа подробно анализируется М.В. Загидуллиной [7]).

«Советский Пушкин» и его почитатели оказываются объектами постоянной иронии автора. Довлатов всё время акцентирует внимание читателя на декоративном, бутафорском характере созданного пространства, в котором «Кремль напоминает громадных размеров макет» [5, с. 178], изображение Пушкина висит на будке с надписью «Огнеопасно!» [5, с. 189], и даже у официанта местного ресторана «войлочные бакенбарды» [5, с. 176]. Все эти характеристики, развлекательный характер заповедника, который автор сравнивает с «парком культуры и отдыха» [5, с. 236], позволили американской исследовательнице творчества Довлатова Екатерине Янг метко охарактеризовать его как «*Pushkinland*» [23, с. 114]. Образу «советского», фальшивого Пушкина в повести противопоставляется Пушкин настоящий. Работая в Пушкинских горах и изучая биографию поэта, Борис Алиханов открывает для себя и для читателя другого, «неофициального» Пушкина – не идеализированный миф, а живого человека со своими достоинствами и слабостями, пережившего в жизни ситуацию, подобную той, в которой оказался главный герой повести.

Таким образом, фигура А.С. Пушкина является одним из ключевых элементов, на котором строится вся фабула и композиция, а отсылки к биографии и творчеству поэта присутствуют в тексте на нескольких уровнях. В тексте изобилуют цитаты, реминисценции и аллюзии к пушкинским произведениям. Многие из персонажей повести носят имена героев Пушкина, похожи на них внешне или чертами характера. Да и сам главный герой, писатель Борис Алиханов, пред-

¹ Одной из характерных черт довлатовской прозы является её псевдоавтобиографизм: большинство произведений строится вокруг событий, имевших место в жизни писателя, повествование, как правило, ведётся от первого лица, а сам главный герой внешне и чертами характера напоминает автора и в некоторых произведениях даже носит его имя (например, в романах «Чемодан», «Наши», «Ремесло»).

ставляет собой «литературную переработку» фигуры поэта: он оказывается в Михайловском примерно в том же возрасте и в тех же жизненных и семейных обстоятельствах, что и Пушкин. Аллюзии к пушкинским текстам присутствуют и на уровне синтаксиса: писатель осознанно вставляет фрагменты ритмизованной прозы, когда речь идёт об описаниях пушкинского поместья [5, с. 180].

Такое количество имплицитной информации и подтекстов может быть доступно только подготовленному читателю. Дополнительную сложность при переводе представляет и то, что, как известно, за рубежом Пушкин намного менее известен, чем на родине, и не ассоциируется у большинства иностранных читателей с символом русской литературы и культуры. Как отмечает Загидуллина, за рубежом символами русской литературы скорее являются куда более популярные Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой [7, с. 62].

Переводчики по-разному решают проблему подобной смысловой нагруженности. В испанском издании, чтобы контекстуализировать читателя, присутствуют сноски в конце книги, где комментируются все упомянутые исторические события и персонажи, даются источники прямых пушкинских цитат. Кроме того, посредством сносок объясняются и некоторые авторские шутки, например, вопрос одного из экскурсантов «Почему была дуэль у Пушкина с Лермонтовым?» [17, с. 178]. Кроме того, повесть сопровождается послесловием, где описывается биография Довлатова и основные характеристики его творчества. После послесловия также приведена статья одного из переводчиков текста, Тани Михельсон, «Переводить Довлатова» (*Traducir a Dovlátov*), где Михельсон, характеризуя творчество писателя, упоминает о важности А.С. Пушкина для русской литературы и о существовавшем в СССР культе поэта [17, с. 211].

В издании на английском языке дано меньше всего информации, которая могла бы помочь читателю понять контекст произведения и прояснить некоторые авторские намерения. В книге нет никакого сопроводительного текста, если не считать краткую аннотацию, опубликованную на обложке. В конце текста даны сноски, где также представлена информация о всех исторических личностях, событиях и цитатах, встречающихся в повести. Этим, однако, авторы ограничиваются.

К вопросу контекстуализации читателя наиболее тщательно подошли переводчики повести

на португальский язык. Книга открывается состоящим из двух частей предисловием: в первой части читателя знакомят с биографией и творческим методом Довлатова, а во второй даётся краткая биография А.С. Пушкина, поясняется его важность для русской литературы и история возникновения и развития в СССР мифа о поэте. В предисловии, в том числе, затрагивается и тема развенчания советского мифа о Пушкине и поиска «Пушкина настоящего» в текстах представителей советской неофициальной литературы [15, с. 25-26]. В книге также присутствуют сноски внизу страницы, а на форзаце дана небольшая заметка И.Н. Сухих, одного из крупнейших российских довлатоведов, в которой кратко объясняется значение названия повести и основные задачи, поставленные перед собой автором.

Что касается фрагментов ритмизованной прозы, встречающихся в оригинальном тексте, ни в одном из переводов они сохранены не были. Такое решение может быть оправдано стремлением переводчиков сохранить лёгкость авторского стиля и избежать искусственного звучания текста.

Пушкинский мотив – не единственный феномен русской культуры, имплицитно присутствующий в тексте и представляющий сложность для понимания иностранным читателем. Также важными лейтмотивами, организующими повествование, являются тема антисемитизма в СССР и проблема массовой эмиграции 70-х годов, мотив пьянства и др. Отсылки к этим феноменам советской действительности имплицитно присутствуют в тексте и часто обыгрываются автором в юмористическом ключе. Чтобы способствовать пониманию этих скрытых смыслов, переводчики трёх текстов, как правило, использовали стратегию форенизации, сопровождая перевод сносками с комментарием. Кроме того, как было сказано выше, переводчики на испанский и португальский язык дополнительно обратили внимание читателя на информацию страноведческого характера, важную для понимания текста повести, в соответствующих предисловиях и послесловиях.

Проведённый анализ продемонстрировал, что наибольшую сложность при переводе повести представляет её культурная обусловленность: обилие имплицитной информации, присутствующей в тексте и понятной носителям языка, аллюзии на феномены русской и советской культуры и литературы, на которых часто строится юмор произведения. Стоит отметить, что такая

тесная связь с русской и советской культурой является неотъемлемой частью поэтики Довлатова и присутствует во всех его работах.

В процессе перевода переводчики прибегали как к стратегии доместикации, так и к стратегии форенизации, в зависимости от целей и функций разных фрагментов текста. Для сохранения юмористической экспрессивности фрагментов, комизм в которых строился при помощи языковых средств, переводчиками преимущественно использовалась стратегия доместикации. Хотя в ряде случаев подобная адаптация и вела к расхождению с исходным текстом, делая перевод свободным, в рамках коммуникативно-функционального подхода такой метод вполне может быть оправдан, поскольку соответствует функции текста (создание комического эффекта). Однако в случае, когда объектом юмора становились феномены культуры, адаптировать

юмор, не вступая в противоречие с авторским намерением, оказывалось намного сложнее.

Таким образом, к сожалению, часть смыслов и экспрессии, присутствующих в исходном тексте, теряется в любом случае из-за разницы в картинах мира носителей разных культур и отсутствия необходимых экстралингвистических знаний у иностранного читателя. В этом отношении показательно высказывание итальянского учёного и философа Умберто Эко, сравнившего процесс перевода с переговорами, в ходе которых переводчикам всегда приходится идти на компромиссы и «дабы нечто получить», от чего-то отказываться [12, с. 26]. Тем не менее, анализируемые тексты продемонстрировали, что перевод текста на иностранный язык с хотя бы частичным сохранением его культурной специфики возможен.

Список литературы

1. Арьев А.Ю. Сергей Довлатов. Жизнь и мнения. Избранная переписка. СПб.: ООО «Журнал «Звезда»», 2011. 384 с.
2. Бродский И. О Серёже Довлатове // Довлатов С., Последняя Книга. СПб.: Азбука, 2012. С. 295-302.
3. Виноградов В.В. Проблема сказа в стилистике // О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 42-54.
4. Генис А. Пушкин // Довлатов С., Последняя книга. СПб.: Азбука, 2012. С. 322-339.
5. Довлатов С. Заповедник // Заповедник. СПб.: Азбука, 2003. С. 173-280.
6. Ефимов И., Довлатов С. Эпистолярный роман. М.: Захаров, 2001. 463 с.
7. Загидуллина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2001. 329 с.
8. Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение. М.: МГИМО-Университет, 2013. 219 с.
9. Курганов Е. Анекдот как жанр русской словесности. М.: ArsisBooks, 2015. 264 с.
10. Опарина Е.А. Психологические аспекты личности переводчика в процессе межкультурной коммуникации. // Роль перевода в развитии языков и межкультурной коммуникации. М.: РГГУ, 2017. С. 132-138.
11. Усачева А.Н., Махортова Т.Ю., Попова О.И., Новикова Т.Б. Скопос, интерпретация, когниция: от мультивекторной теории перевода к эффективной практике // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2015. № 5 (29). С. 46-59.
12. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. М.: АСТ: Корпус, 2015. 736 с.
13. Berman A. A tradução e a letra, ou, O albergue do longínquo. Rio de Janeiro: 7Letras/PGET, 2007. 144 с.
14. Dvlatov S. Ours. 1-е изд. New York: Weidenfeld&Nicolson, 1989. 135 с.
15. Dvlatov S. Parque cultural. São Paulo: Kalinka, 2016. 168 с.
16. Dvlatov S. Pushkin hills. London: Alma Classics Ltd, 2013. 123 с.
17. Dvlatov S. Retiro. Logroño: Fulgencio Pimentel, 2017. 213 p.
18. Gay Bochaca J. Chistes, colmos y otras risas 1. 3-е изд. Madrid: Ediciones Palabra, 2001. 256 с.
19. Reiss K. Type, kind and individuality of text: decision making in translation // Venuti, L. The translation studies reader. London and New York: Routledge, 2000. С. 160-171.
20. SCHLEIERMACHER F. Sobre los diferentes métodos de traducir // Teoría de la traducción. Antología de textos. Cuenca: Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, 1996. С. 129-157.
21. Vandaele J. Humour in translation // Handbook of Translation Studies. Vol 1. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2010. С. 147-152.
22. Venuti L. The scandals of translation: towards an ethics of difference. London and New York: Routledge, 1998. 210 с.
23. Young J. Sergei Dvlatov and His Narrative Masks. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2009. 271 с.
24. Zabalbeascoa P. Humour in translation – an interdiscipline // Humour. 2005. №18-2. С. 185-207.
25. Contributors: Sergei Dvlatov. All work // The New Yorker [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.newyorker.com/contributors/sergei-dvlatov> (дата доступа: 11 июня 2018 г.).
26. Translating Pushkin Hills: An Interview with Katherine Dvlatov // The Paris Review [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.theparisreview.org/blog/2014/03/26/translating-pushkin-hills-an-interview-with-katherine-dvlatov/> (дата доступа: 11 июня 2018 г.).

Сведения об авторе:

Микаэлян Юлия Игоревна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД РФ (Россия, г. Москва). Сфера научных интересов: лингвокультурология, семиотика культуры, художественный перевод, перевод юмора. E-mail: jmikaelyan@gmail.com.

SERGEI DOVLATOV'S HUMOROUS PROSE: TRANSLATION AND CULTURAL ADAPTATION POSSIBILITIES (ON EXAMPLE OF HIS NOVEL "ZAPOVEDNIK")

Yulia I. Mikaelyan

Moscow State Institute of International Relations (University),
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow 119454, Russia

The Abstract: *The article analyzes the peculiarities of Sergei Dovlatov's style and cultural markers present in his prose that represent difficulties for preservation in translation, using as an example the novella "Zapovednik" and its translations into English, Spanish and Brazilian Portuguese. Through a comparative analysis of the texts employing the communicative-functional approach in translation studies, the author studies the translation strategies undertaken by translators into different languages to convey the stylistic originality and the humor of the novella. Translation of humor is particularly difficult, as it always appeals to implicit knowledge, which may be lost on a person raised in a different culture. Due to these peculiarities translators often resort to a strategy of domestication, adapting the humor to the culture of the translation. This strategy is not always justified, as it may contradict the author's intention. Allusions to cultural phenomena also complicate the perception and understanding of the translated text. As the analysis demonstrates, in spite of a difference in worldview among adherents of different cultures and ignorance of the realities of the source text's culture, leading to a translation's inevitable loss in expressivity and misrepresentation of the author's ideas, the translators largely succeeded in conveying the linguistic and cultural peculiarities of the novella.*

Key Words: *Sergei Dovlatov, humorous prose, Russian literature, translation studies, communicative-functional approach, humour translation, translation strategies, cultural markers.*

References

1. Aryev A. Yu. Sergei Dovlatov. Zhizn i mneniia. Izbrannaia perepiska. [Sergei Dovlatov. Life and opinions. Selected correspondence.] Saint Petersburg: OOO "Zhurnal 'Zvezda'", 2011. 384 p.
2. Brodsky J., O Seriozhe Dovlatove [About Seriozha Dovlatov]. In Dovlatov S., Posledniaia kniga [The last book]. Saint Petersburg: Azbuka, 2012, pp. 295-302.
3. Vinogradov V.V. Problema skaza v stilistike [Problem of the skaz in stylistics]. In O iazyke hudozhestvennoy prozy [About the language of fiction]. Moscow: Nauka, 1980, pp. 42-54.
4. Genis A. Pushkin [Pushkin]. In Dovlatov S., Posledniaia kniga [The last book]. Saint Petersburg: Azbuka, 2012, pp. 322-339.
5. Dovlatov S. Zapovednik [Pushkin hills]. In Zapovednik [Pushkin hills]. Saint Petersburg: Azbuka, 2002, pp. 173-280.
6. Efimov I., Dovlatov S. Epistoliarny roman [Epistolary novel]. Moscow: Zakharov, 2001. 463 p.
7. Zagidullina M.V. Pushkinsky mif v kontse XX veka [Pushkin's myth in the late twentieth century]. Cheliabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2001. 329 p.
8. Iovenko V.A. Natsionalno-kulturnoe mirovidenie [National and cultural world view]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2013. 219 p.
9. Kurganov E. Anekdot kak zhanr russkoy slovestnosti [Anecdote as a genre of Russian literature]. Moscow: ArsisBooks, 2015. 264 p.
10. Oparina E.A. Psikhologicheskie aspekty lichnosti perevodchika v protsesse mezhkulturnoy kommunikatsii [Psychological aspects of the translator's personality in the process of intercultural communication]. // In Rol perevoda v razvitii iazykov i mezhkulturnoi kommunikatsii [The role of translation in the development of languages and intercultural communication.]. Moscow: RGGU, 2017, pp. 132-138.

11. Usacheva A.N., Makhortova T.Yu., Popova O.I., Novikova T.B. Skopos, interpretatsiia, kognitsiia: ot multivektornoy teorii perevoda k effektivnoy praktike [Scopos, interpretation, cognition: from multivector translation theory to effective practice]. Vestnik VolGU. Seriya 2. Iazykoznanie. 2015. № 5 (29), pp. 46-59.
12. Eco U. Saying almost the same thing: experiences in translation. [Russ. ed.: Eco U. Skazat pochti to zhe samoye. Opyty o perevode]. Moscow: AST: Corpus, 2015. 736 p.
13. Berman A. A tradução e a letra, ou, O albergue do longínquo. Rio de Janeiro: 7Letras/PGET, 2007. 144 p.
14. Dovlatov S. Ours. 1-st ed. New York: Weidenfeld&Nicolson, 1989. 135 p.
15. Dovlátov S. Parque cultural. São Paulo: Kalinka, 2016. 168 p.
16. Dovlatov S. Pushkin hills. London: Alma Classics Ltd, 2013. 123 p.
17. Dovlátov S. Retiro. Logroño: Fulgencio Pimentel, 2017. 213 p.
18. Gay Bochaca J. Chistes, colmos y otras risas 1. 3ª ed. Madrid: Ediciones Palabra, 2001. 256 p.
19. Reiss K. Type, kind and individuality of text: decision making in translation. In Venuti, L. The translation studies reader. London and New York: Routledge, 2000, pp. 160-171.
20. Schleiermacher F. Sobre los diferentes métodos de traducir. In Teoría de la traducción. Antología de textos. Cuenca: Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, 1996, pp. 129-157.
21. Vandaele J. Humour in translation. In Handbook of Translation Studies. Vol 1. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2010, pp. 147-152.
22. Venuti L. The scandals of translation: towards an ethics of difference. London and New York: Routledge, 1998. 210 p.
23. Young J. Sergei Dovlatov and His Narrative Masks. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2009. 271 p.
24. Zabalbeascoa P. Humour in translation – an interdisciplinary. In Humour. 2005. №18-2, pp. 185-207.
25. Contributors: Sergei Dovlatov. All work // The New Yorker. Available at: <https://www.newyorker.com/contributors/sergei-dovlatov> (Accessed 11 June 2018).
26. Translating Pushkin Hills: An Interview with Katherine Dovlatov // The Paris Review. Available at: <https://www.theparisreview.org/blog/2014/03/26/translating-pushkin-hills-an-interview-with-katherine-dovlatov/> (Accessed 11 June 2018).

About the author:

Yulia I. Mikaelyan – PhD, senior lecturer at Spanish Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Sphere of research interests: cultural linguistics, semiotics of culture, literary translation, humour translation.
E-mail: jmikaelyan@gmail.com.

✱ ✱ ✱

К ВОПРОСУ ОБ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ РЕЛИГИОЗНОГО ХАРАКТЕРА

Н.А. Толмачёв

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454 Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассмотрены некоторые проблемы перевода на русский язык текстов религиозной тематики и использование из них цитат в речи, художественной литературе и в публицистике. Основное внимание уделено проблеме адекватности перевода таких текстов, опыту, правилам и принципам перевода, разбору встречающихся ошибок, неточностей и других погрешностей, которые в совокупности представляют собой образцы неадекватного перевода. Разбираются также случаи неадекватной передачи имён собственных, в первую очередь теонимов и антропонимов, приводятся примеры неверной передачи, использования либо толкования библейских реалий и имён собственных. Рассматриваются также примеры неадекватной библейской фразеологии, то есть неверного использования, понимания, толкования или применения библейских фразеологизмов, выявляются причины этой неадекватности, заключающиеся порой в неверном переводе, имеющем многовековую историю. Указано, что неадекватность перевода религиозных текстов порой находит своё выражение не только в устной или письменной речи, но и в таких видах искусства, как живопись и скульптура, и отмечено, что проблема эта не нова. Что касается письменных текстов, то примеры неадекватного перевода или толкования взяты из произведений художественной литературы, публицистики, литературоведческих и научно-популярных произведений, текстов Септуагинты и Вульгаты.

Ключевые слова: Септуагинта, Вульгата, Библия, антропонимы, теонимы, имена собственные, перевод, межъязыковая передача, библейская фразеология.

Переводы текстов религиозного характера начались практически сразу же после появления этих текстов. По некоторым данным, Библия (полный текст) к настоящему времени переведена более чем на 600 языков, а всего языков, на которые переведены отдельные части Священного Писания, превышает две с половиной тысячи. Таким образом, истории библейского перевода тысячи лет, и на этом пути не могли не появиться различные ошибки, неточности, неправильности, искажения, другие несоответствия оригиналу, то есть всё то, что можно назвать неадекватностью перевода.

Например, всем известен Господь Саваоф. В русском тексте Библии это имя встречается 259 раз [4, с.1917-1919], и многие считают его именем собственным, таким же как Яхве (Иегова), Элохим, Адонаи и др. В действительности слово

Саваоф означает Силы воинства, то есть является скорее эпитетом, и словосочетание Господь Саваоф следовало бы переводить как Господь сил воинств. Но поскольку в большинстве случаев оригинальное ивритское название, встречавшееся в тексте Ветхого Завета, не переводилось, а транскрибировалось, то его стали воспринимать как имя собственное. Кстати, в одном из мест Библии [1 Цар. 17, 45] Давид говорит Голиафу «а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинств», то есть здесь присутствуют рядом и транскрипция, и перевод эпитета. Трудно сказать, когда появился подобный «разнобой», но, вероятно, его возраст исчисляется веками.

Есть и другие неадекватности, одна из которых восходит ещё к V веку от Р.Х. Наверное, все видели в Музее изобразительных искусств имени Пушкина копию скульптуры Микеланджело

Моисей (или её фотографию в различных изданиях) и обратили внимание, что у пророка на голове рожки. Это же “украшение” присутствует и на некоторых изображениях Моисея в картинах западноевропейских художников. Если же посмотреть, например, на икону Моисея в Храме Христа Спасителя или на другие православные иконы этого пророка, то мы увидим, что от его лба исходят два луча света.

Различия между созданными некоторыми католическими художниками изображениями пророка и теми, что соответствуют православным канонам, вызваны, как это ни покажется странным, ошибкой переводчика.

Когда блаженный Иероним Стридонский готовил Вульгату (латинский канонический свод библейских текстов), он переводил тексты Ветхого завета непосредственно с иврита. Хотя переводчик и сверялся с Септуагинтой (греческим переводом Священного писания, подготовленным в III – II вв. до Р.Х. в Александрии 70-ю книжниками), как минимум в одном случае он этого не сделал. Повествуя о получении Моисеем скрижалей откровения, он написал о пророке *“cornuta esset facies sua”* (рогато было лицо его). Ошибка вызвана тем, что в иврите всего лишь две гласные, а остальные обозначаются надстрочными знаками. Поэтому приведённое в оригинальном тексте сочетание букв קרן (*крн*) может читаться как *керен* (рог, луч) либо как *каран* (сиять). Иероним решил, что правильным переводом будет латинское *cornut* (рог).

В русском же переводе Библии, основанном как на древнееврейских текстах, так и на Септуагинте, сказано: «лицо его стало сиять лучами от того, что Бог говорил с ним» (Исх. 34, 29).

Ошибка в официальном тексте Вульгаты была исправлена лишь во второй половине прошлого века.

Все мы слышали известную фразу «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24) и при этом, подобно персонажу О. Генри, начинали «соотносить размеры между игольным ушком и верблюдами, разгуливающими в зоологическом саду». Но известно, что языком проповедей Иисуса Христа был арамейский, а Евангелие написано на древнегреческом языке. Когда передавали и фиксировали Его слова, вкралась ошибка – вместо греческого *камилос* – корабельный канат появилось похоже звучащее *камелос* – верблюдов. Канат ничуть не легче вдеть в иголку, чем «корабля пустыни», но всё же с ним эта фра-

за выглядит более логичной, хотя, может быть, и менее образной.

Впрочем, не все согласны с подобным утверждением об ошибке в тексте. Есть мнение, что игольными ушами назывались низкие ворота в стенах Иерусалима, в которые и многие люди входили согнувшись. Если данная версия верна, то и здесь присутствует ошибка перевода, то есть смысл фразы искажён из-за буквального перевода идиоматического выражения.

Известны и другие расхождения в библейских тестах.

Например, в приведённой в русском синодальном переводе Библии молитве «Отче наш» присутствует фраза «и не введи нас в искушение» (Мф. 6, 13; Лк. 11, 4). В тексте же на церковнославянском языке в первом случае сказано «и не введи нас в напасть», а во втором – «и не введи нас во искушение». В богослужении Русской православной церкви на церковнославянском языке используется версия апостола Луки, она же принята в синодальном переводе Евангелий и от Матфея, и от Луки на русский язык.

В то же время Конференция епископов Франции в октябре 2014 года сочла необходимым внести изменения во французский текст перевода с древнегреческого языка той строки этой молитвы, в которой говорится: «и не введи нас в искушение». Поправка вызвана тем, что у многих верующих она вызывала замешательство, поскольку звучала так, будто искушение исходит от Бога, что являлось явной ошибкой восприятия текста. В новом варианте фраза имеет лишь одно возможное толкование – она звучит: «и не дай нам впасть в искушение».

В результате неправильного перевода мы неверно понимаем и многие библейские **фразеологизмы** («крылатые слова»). И неправильному употреблению тех или иных крылатых слов порой учат даже лингвисты и литературоведы.

За примерами далеко ходить не надо. Мاستитый петербургский писатель и филолог, долгое время возглавлявший местную писательскую организацию, объясняя, как надо правильно говорить власти *предержащие* или *власть предержащие*, ничтоже сумняшеся разобрался с этим вопросом. «Чтобы понять это, поставьте вопрос: *предержащие* ЧТО? ... Частая ошибка в данном случае состоит в том, что имеют в виду как бы «предержащие власти» (какие власти?), а это уже ошибочно для русской нормативной речи» [3, с. 227]. Объяснение, как говорится, «с точностью до наоборот». Из этих слов стало

ясно, что «специалист по русской нормативной речи» правильное употребление фразы считает неправильным и вместе со многими читателями думает, что **церковнославянское** слово «*предержащий*» означает «*державный, владеющий, имеющий*», а само выражение – как «*люди, имеющие власть*». На самом деле это слово значит «*верховный, высший*».

В Послании к Римлянам апостола Павла на церковнославянском языке сказано: «*Всяка душа властем предержащим да повинуется*» или в синодальном переводе Библии на русский язык: «*Всякая душа да будет покорна высшим властям*» (Рим. 13, 1). Чтобы употребить на старославянском выражение *имеющий власть*, можно вспомнить библейское выражение «*власть имущий*» (Мф. 7, 29).

Фраза «*довлеет дневи злоба его*», или в синодальном переводе на русский язык «*довольно для каждого дня своей заботы*» (Мф. 6, 34), взята из Нагорной проповеди, где Господь учил не заботиться о завтрашнем дне. Церковнославянское слово «*довлеть*», означающее «*быть достаточным, хватать*», по созвучию со словом *давление* стали понимать и употреблять как «*подавлять, оказывать давление*». Такое словоупотребление вряд ли можно считать ошибочным. В общем, это не единственный случай различия значений, одинаково звучащих русских и церковнославянских слов (можно вспомнить *предержащий*, не означающее *державный*, да и слово *злоба* в современном русском языке вовсе не означает *забота*, хотя в нём и остались производные от церковнославянского слова *злословный* и *на злобу дня*).

Злачное место – обычно означает кабак, место пьянства и разврата, «гнездо порока», хотя изначально оно идёт из заупокойной молитвы: «*Упокой душу раба Твоего в месте светле, в месте злачне, в месте покойне*», где *злачный* значит *изобильный* (изобилующий *злаками*), как и в Псалтири «*Он покоит меня на злачных пажитях*» (Пс. 22, 2), т.е. *на изобильных пастбищах*.

Под выражением «*ложь во спасение*» понимается ложь для блага обманываемого. Оно идёт из неверно понятого церковнославянского текста Псалтири «*Ложь конь во спасение, во множестве же силы своя не спасётся*», в синодальном русском переводе – «*Ненадёжен конь для спасения, не избавит великою силою своею*» (Пс. 32, 17), то есть в оригинальном тексте библейской строфы говорится, что царя не спасёт воинство, богатырь – сила, и на коне тоже не спастись, а слово

ложь (ложный, ненадёжный) выступает в качестве определения, а не подлежащего.

Притча во языцех – это библейское выражение понимается и даже объясняется в популярных изданиях как событие или случай, повсеместно обсуждаемый, то есть находящийся «*у всех на языке*». В общем, объяснение почти верное, кроме небольшой путаницы в понятиях. Дело в том, что по-церковнославянски язык означает *народ*, а множественное число от него – *языце* (народы). В Библии сказано «*и будеши тамо в гадание и в притче и в повесть во всех языцех в наже введёт тя Господь Бог таму*» (Вт. 28, 37), в русском переводе – «*и будеши ужасом, притчею и посмешищем у всех народов, к которым отведёт тебя Господь Бог*»; далее – «*извергну от лица Моего и предам его в притчу и повесть всем языком*» [2 Пар. 7, 20], по-русски – «*отвергну от лица Моего и сделаю его притчею и посмешищем у всех народов*». Таким образом, в оригинальном значении фразеологизма под языками подразумеваются не пересуды, а общности людей (народы, народности).

К числу выражений, которые мы не только не можем правильно объяснить, но и неверно употребляем, относится и фразеологизм «*питаться акридами*». В первые века христианства отшельники удалялись в пустыню, где предавались молитвам и, соблюдая завет «*Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их*» (Мф. 6, 26), питались «*подножным кормом*»: диким мёдом и акридами, то есть саранчой, которой и сейчас немало на Ближнем Востоке и которая всегда входила в рацион местного населения независимо от уровня благосостояния. Её сушили впрок, жарили, пекли и ели сырой. В Каире или Дамаске во время нашествия саранчи падали цены на мясо, ибо, зачем покупать баранину, когда есть акриды? В общем, акриды и дикий мёд нельзя назвать плохой едой. Более того, выражаясь современным языком, это можно назвать сбалансированной диетой. Таким образом, авторы житийной литературы, называя акриды и дикий мёд, имели в виду упование на Господа, умение обходиться лишь самым необходимым, но достаточным для жизни. Но поскольку русские кузнециков не едят, наши предки восприняли это иначе и сочли акриды за что-то неприятное и служащее измождению плоти, а выражение «*питаться акридами*» стало равнозначно тому, чтобы жить впроголодь, соблюдая самый строгий пост.

Выражение «голос, как труба иерихонская» восходит к рассказу из библейской Книги Иисуса Навина о том, как евреи, возвращаясь из египетского плена, взяли город Иерихон. Мне доводилось читать такой пересказ данного сказания: «Преемник Моисея Иисус Навин осадил город Иерихон, но взять не мог. Тогда он прибег к хитрости и разрушил крепостные стены мощными звуками одновременно взревели ритуальных серебряных труб. Ныне, говоря, что голос у человека, как труба иерихонская, подчёркивают излишнюю силу, мощь голоса» [3, с. 76]. В этом и других общепринятых толкованиях фразеологизма две ошибки: во-первых, трубы назвать иерихонскими можно весьма условно, так как семь юбилейных труб принадлежали не городу, а осаждавшим; во-вторых, стены рухнули не от звуков труб, а от крика воинства Навинова. В Библии сказано: «и затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом; и обрушилась стена города до самого основания, и народ пошёл в город, каждый со своей стороны, и взяли город» (Ис. Н. 6, 19). Как бывало и прежде, и позднее, заслуги приписали не тому, кто их свершил.

Слегка перефразируя старую шутку, можно сказать: Библию мы не читали, а если читали, то не понимали, а если и понимали, то неправильно.

Неправильному пониманию священных текстов способствовало и обычное головотяпство, издавна присущее не только русскому народу, но и некоторым, так называемым цивилизованным нациям. Подтверждением этому служит то, что множество ошибок вошло в издания Библии и «по техническим причинам», то есть из-за ошибок при наборе печатных книг.

Считается, что особенно часто опечатки попадались в англиканских изданиях Библии, и известно больше двух десятков изданий, содержащих в себе тот или иной приметный ляп. Утверждается даже, что было издание, содержащее шесть тысяч опечаток. А некоторые издания Библии получили в обиходе имена собственные в честь примечательных опечаток.

В 1631 году увидела свет самая знаменитая из таких библий — «The Wicked Bible» (Безнравственная Библия), известная также как «The Adulterous Bible» (Прелюбодейная Библия). Там в тексте седьмой заповеди (Исх. 20, 14; Втор. 5, 18) случилась простейшая опечатка, кардинально менявшая смысл. Из набора выпала частица «не» (*not*) и осталось просто: «Прелюбодей-

ствуй» (*Thou shalt commit adultery вместо Thou shalt not commit adultery*). Библия печаталась по заказу короля Карла I, и ошибка обнаружилась лишь, когда заказ был выполнен. Король приказал уничтожить весь тираж издания (1000 экз.), лишить допустивших опечатку королевских печатников лицензии на печать Библии и взыскать с них штраф в 300 фунтов стерлингов. До наших дней сохранилось 11 экземпляров этого издания.

Подобная опечатка была допущена в ещё одном издании Библии того же 1631 года, известном как «Библия безумцев» (*The Fools Bible*), где вместо «Сказал безумец в сердце своём: „нет Бога“» (Пс. 13, 1) было напечатано «Сказал безумец в сердце своём: „есть Бог“» (*The fool hath said in his heart there is a God вместо The fool hath said in his heart there is no God*). Эта опечатка обошлась печатникам в три тысячи фунтов.

Злосчастная частица «не» подводила средневековых печатников не раз. Теряли её в Псалтири, в Откровении св. Иоанна Богослова. В 1653 году один кембриджский издатель поскользнулся дважды. Вначале в словах «Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют» [1 Кор. 6, 9] потерял вторую частицу «не». Получилось, что неправедные как раз и наследуют Царство Божие. А в другом месте вместо слова «неправедный» напечатал «праведный». В итоге Библия эта получила неофициальное название «The Unrighteous Bible» (Неправедная Библия).

Наряду со случайными опечатками встречаются и ошибки, появляющиеся из-за того, что в нашей стране на протяжении срока в три четверти XX века воспитывалось атеистическое поколение, не имеющее представления о религии и культуре своих предков, а незнание интеллигенцией библейских и других религиозных текстов давно стало притчей во языцех.

Американский писатель Джеймс Джонс в качестве названия для своего не раз экранизированного романа «From Here to Eternity» выбрал известное библейское выражение, по-русски звучащее как «отныне и вовек» (Пс. 112, 2; 113, 26; 130, 3), но у нас его перевели буквально: «Отсюда и в вечность». Эта же ошибка сохранилась и в переводе названий экранизаций, хотя в Интернете иногда заглавие фильма указывается в скобках как «Отныне и вовеки веков», что несколько ближе к оригиналу.

В качестве положительного примера можно бы привести перевод заглавия романа Генрика Сенкевича «Quo vadis?», впервые выполненный

ещё до революции. В названии польского романа использована библейская фраза на латинском языке (Ин. 14, 4; 16, 5), и отечественные переводчики, имеющие классическое образование, справедливо сочли её эквивалентом церковнославянский вариант евангельской фразы – «Камо грядеши?».

В начале 90-х годов прошлого века был издан перевод романа Агаты Кристи «Вилла «Белый конь» (в оригинале просто «The Pale Horse» – *Бледный конь*). В названии романа приведена цитата из Апокалипсиса «*вот конь бледный, и на нём всадник, которому имя смерть*» (Отк. 6, 8). Поскольку библейская фраза соотнесена с сюжетом романа, то и перевод следовало озаглавить: «*Конь бледный*». В одном литературоведческом исследовании разбирался вопрос о названии романа, и этот стих из Библии на церковнославянском языке цитировался так: «*и се конь блед и сидящий на нём, имя ему смерть*». На основании этого автор исследования сделал вывод, что «*перевод следовало озаглавить именно так: “Конь блед”*» [5, с.271].

С этим вряд ли можно согласиться, не только потому, что в приводимой цитате имеется ошибка (*сидящий* вместо *седяй*, как в оригинальном тексте), но и потому, что предлагается использовать выражение на церковнославянском языке. Ведь в оригинале взята фраза из современного английского текста Апокалипсиса, понятного всем англоязычным читателям, поэтому верным соответствием будет понятное русское выражение «*Конь бледный*», а не ничего не говорящий нынешнему читателю церковнославянский «*блед*».

Встречаются и неверные переводы названий Книг Библии, например, *Генезис* вместо *Бытие*,

хотя, как и в большинстве подобных случаев, ошибки было бы легко избежать, просто заглянув в словарь, а не механически транскрибируя знакомое слово.

А при переводе одного из обращений к Господу получается вообще ерунда. Иногда герой англоязычного произведения восклицает «*thank God*», и переводчик вместо правильного «*Слава Богу*» или «*Благодарю Бога*» лихо пишет «*Спасибо Богу*». Это выражение благодарности настолько привычно, что никто и не задумывается над тем, что слово «*спасибо*» является сокращённым пожеланием «*Спаси Бог*» и, следовательно, получается полная несурезица «*Бог, спаси Бога*».

Незнание переводчиками православных (и любых религиозных) реалий приводит к трудностям при переводе даже простых русских пословиц. Например, однажды потребовалось перевести на английский язык фразу Брынцалова «*Последняя у попа жинка*». Переводчица, как она рассказывала, перерыла кучу словарей, консультировалась с другими переводчиками, но так и не сумела понять, о чём речь. Оказывается, большинство творческой интеллигенции не знало, что священник может жениться (венчаться) лишь один раз. Развод исключён, и, даже овдовев, он не вправе жениться вновь. Поэтому на фразу «*в последний раз*» или ещё что-нибудь подобное можно услышать ответ: «*Последняя у попа жинка*». Имеется в виду, что всё остальное, всё что угодно, может быть и не в последний раз.

Рассмотрев вышеназванные неадекватности перевода религиозных текстов, фразеологизмов, терминов, реалий, можно сделать вывод, что не только история перевода, но и история переводческих ошибок восходит к временам появления разных языков.

Список литературы

1. Библия или Книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завѣта въ русскомъ переводѣ. Изд. 9. СанктПетербургъ: Синодальная типографія, 1910.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке. М.: Российское библейское общество, 1993.
3. Назаров Р. В. Несекретные секреты: беседы о родной речи. СПб.: Лицей, 1998.
4. Полная симфония на канонические книги Священного Писания. 4-е изд. СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 2002.
5. Рогов В. О переводе заглавий // Иностранная литература. 1998. № 4.

Сведения об авторе:

Толмачёв Николай Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО, член Союза писателей России. Сфера научных и профессиональных интересов: востоковедение, регионоведение ЮВА и АТР, общая лингвистика, переводоведение, религиоведение. E-mail: arctica@list.ru.

CONCERNING ADEQUACY OF TRANSLATION TEXTS OF RELIGIOUS CHARACTER

N. A. Tolmachev

Moscow State Institute of International Relations (University),
Prospect Vernadskogo, 76, Moscow 119454, Russia

The Abstract: *The article considers some problems of translating into Russian the texts of religious themes and the use of citations in speech, fiction and in journalism. The main attention is paid to the problem of adequate translation of religious texts, the experience, rules and principles of translation, the analysis of errors encountered, inaccuracies and other errors, which together represent samples of inadequate translation. There are also cases of inadequate transfer of proper names, primarily theonyms and anthroponyms, illustrated by the author's examples of incorrect transmission, use or interpretation of biblical names. Examples of biblical phraseology misuse, misunderstanding, misinterpretation are adduced, as well as the causes of such inadequacy, which are sometimes rooted in the wrong centuries-old translations. It is noted that inadequate translation of religious texts sometimes finds expression not only in oral or written speech, but also in art, in painting and sculpture, in particular. It is noted that this problem is not new. Examples of inadequate translation or interpretation are taken from Septuagint and Vulgate, works of fiction, journalism, literary and popular scientific works.*

Key Words: *Septuagint, Vulgate, Bible, anthroponyms, theonyms, proper names, translation, interlingual transmission, biblical phraseology.*

References

1. Biblia ili Knigi Svyshchenogo Pisaniia Vetkhago i Novago Zaveta v russkom perevode [The Bible or the Old and New Testament Scriptures in Russian translation], 9th ed. Sankt Peterburg: Synodalnaya tipografiya, 1910.
2. Biblia. Knigi Sviashchennogo Pisaniia Vetkhogo i Novogo Zaveta na tserkovnoslavianskom iazyke [The Bible or the Old and New Testament Scriptures in Slavonic]. Moscow: Rossiyskoe bibleyskoe obshchestvo, 1993.
3. Nazarov R.V. Nesekretnye sekreti: besedi o rodnoi rechi [Not secret secrets: talks about our native language]. Sankt Peterburg: Litsei, 1998.
4. Polnaia simfoniia na kanonicheskie knigi Sviashchennogo Pisaniia [A complete symphony on canonical books of Scripture]. 4th ed. Sankt Peterburg: Khristianskoe obshchestvo "Bibliia dlia vseh", 2002.
5. Rogov V.O. O perevode zaglavy [On translation of titles] //Inostrannaia literature. 1998. № 4.

About the author:

Nikolay A. Tolmachev – Ph.D., Associate Professor, Chair of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO). Member of the Writers' Union of Russia. Spheres of research and professional interest: oriental studies, APF and SEA regional studies, linguistics and literary translation, religion. E-mail: arctica@list.ru.

★ ★ ★

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРАКТИКА ЕЁ ПРИМЕНЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

И.А. Мартыненко, Е.А. Бородина

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
125993 Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9

В статье отслеживаются причины возросшего за последнее время интереса к когнитивным языковым исследованиям и современные подходы к изучению когнитивной лингвистики. Анализ существующих исследований на стыке когнитивной лингвистики и методики преподавания иностранных языков показал значительную степень разработанности данной темы и позволяет говорить о большом потенциале использования достижений когнитивной лингвистики в практике преподавания иностранного языка, ввиду чего авторы указывают на особую роль когнитивной лингвистики как новой научной парадигмы в практике преподавания английского языка в юридическом вузе. Общие современные тенденции, характерные для данного научного направления, комментируются применительно к преподаванию юридического английского языка. Приведённые примеры разницы сочетаемости языковых единиц в русском и английском языках показывают, в частности, необходимость формирования у студентов навыка концептуального анализа. В статье объясняется, каким образом достижения когнитивной лингвистики могут быть использованы в преподавании иностранного языка, в том числе английского, русскоязычным обучающимся. Предлагаемые когнитивно-лингвистические приёмы и методы преподавания, например, такие как формирование «ментальной картинки» семантического значения языковой единицы в сознании обучающихся, изучение внешней фреймовой структуры слова, концептуальный анализ и формирование навыков интерпретации иноязычных концептов, по мнению авторов, могут значительно повысить эффективность преподавания иностранного языка, в том числе английского, на различных ступенях образования и в различных высших и средних учебных заведениях.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, английский язык, юридический, концепт, преподавание, языковая картина мира.

В настоящее время когнитивная лингвистика является одним из самых активных развивающихся и сравнительно молодых направлений современного языкознания. Его зарождение связано с тенденцией рассматривать сущность и функционирование языка в связи с познавательной активностью человека в мире. Термин «когнитивный» возник в русском языке благодаря заимствованию из английского языка (прил. “cognitive”), однако своей первоначальной этимологией он обязан латыни и связан

с понятиями «познание», «знание», «мышление». Связь языка и когниции была провозглашена основополагающим принципом данного направления. Под термином «когниция» подразумевается процесс познания окружающего мира [12].

Возросший интерес к когнитивной лингвистике обусловлен тем, что данное направление помогает познавать окружающий мир через призму особенностей языковых категорий, а также сочетаемость и употребление единиц языка. Когнитивные исследования языка позволяют

изучить особенности культуры и национальные ценности народа, которые в ходе его исторического развития были систематизированы и нашли своё отражение в языке.

Цель настоящего исследования – проанализировать последние тенденции к изучению когнитивной лингвистики в России и за рубежом и обосновать ценность данного научного направления для методики преподавания юридического английского языка.

Традиционно считается, что когнитивная лингвистика как самостоятельная отрасль научных изысканий зародилась в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Её «расцвет» относят к 1989 году, когда в г. Дуйсбург (Германия) состоялась международная лингвистическая конференция, на которой было объявлено о создании Международной ассоциации когнитивной лингвистики (International Cognitive Linguistics Association) и было принято решение создать серию монографий Cognitive Linguistics Research, в которой впоследствии публиковались работы выдающихся представителей данного направления.

Существует два подхода к изучению истоков когнитивной лингвистики. Многие исследователи рассматривают её возникновение как результат развития «когнитивной науки» – термин, который с середины 70-х гг. используется для обозначения научного направления, нацеленного на изучение процессов репрезентации знаний и обработки информации, приходящей к человеку по разным каналам» [12; 18]. Первоначально когнитивная лингвистика считалась прикладной дисциплиной, имеющей отношение к компьютерному моделированию процессов человеческого мышления и разработке искусственного интеллекта, – системы, обладающей основными поведенческими характеристиками человека: способностью понимать язык, рассуждать, решать задачи и т.д. [19].

Согласно определению Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика является «системообразующей дисциплиной» [14, с. 3]. Она изучает концептуальное содержание языковых единиц, в котором содержатся знания и представления людей о себе и об окружающем их мире, а также исследует, каким образом эти знания отражаются и функционируют на уровне языка [13].

В рамках второго подхода зарождение когнитивной лингвистики рассматривается как этап в развитии языкознания. Своим возникновением когнитивная лингвистика обязана, главным образом, американским лингвистам – Р. Лангакеру,

Дж. Лакоффу, М. Джонсону, Г. Томпсону, которые в своих трудах отдавали предпочтение термину «когнитивная грамматика». Этот термин впервые был использован в 70-х гг. XX века в их работах, основные идеи которых послужили отправным пунктом для развития когнитивной лингвистики. Р. Лангакер рассматривал когнитивные процессы как основную причину появления грамматических структур в языке. Дж. Лакофф, в свою очередь, изучал человеческое восприятие мира, отражение знаний о мире в языке через систему категорий, «представляющей собой определённый способ организации человеческого опыта». Дж. Лакофф занимался исследованием образных средств мышления – метафоры и метонимии – как языковых явлений, отображающих базовый когнитивный процесс. М. Джонсон и Дж. Лакофф первые начали говорить о том, что в формировании понятийной системы человека ключевую роль играет его опыт взаимодействия с окружающим миром. Они выдвинули тезис о том, что мышление неразрывно связано с жизненным опытом человека [20; 21; 22].

В отечественном языкознании данное лингвистическое направление получило развитие в трудах таких выдающихся учёных, как А.А. Потебня, Н.В. Крушевский, С.Д. Кацнельсон, И.И. Мещанинов, А.Р. Лурия. Идеи вышеперечисленных лингвистов были в дальнейшем исследованы Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяном, В.А. Виноградовым, В.И. Герасимовым, А.А. Залевской, В.Б. Касевичем, П.Б. Паршиным, Ю.С. Степановым и др. В становление когнитивной лингвистики в России внесли огромный вклад работы Е.С. Кубряковой и В.З. Демьянкова.

Анализ публикаций по современному языкознанию позволяет сделать вывод, что в современной отечественной когнитивной лингвистике самым популярным направлением является моделирование «концептов». С.А. Аскольдов-Алексеев определил «концепт» как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределённое множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода [2, с. 268].

Понятие концепта в лингвистике служит для «обозначения обобщённой мыслительной единицы, которая отображает явления действительности и является своего рода обобщением различных значений слова в сознании носителя языка» [15, с. 281].

На наш взгляд, анализ текста, в том числе иноязычного, через концепты выступает как уникальный способ познания окружающего мира, так как концепт являет собой индивидуальный образ исторически обусловленной действительности, выраженный языковыми средствами.

Ещё одним ключевым понятием современной когнитивной лингвистики является «языковая картина мира». Под «языковой картиной мира» принято понимать совокупность знаний народа о действительности, зафиксированных на уровне языка. Представление человека об окружающем его мире – предметах и явлениях – отражается в языковых знаках и оказывает существенное влияние на формирование их системного значения. М.В. Пименова рассматривает языковую картину мира как «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [16, с. 130]. Именно эта трактовка позволяет с наибольшей точностью говорить о тесной связи изучения английского языка в юридическом вузе и когнитивной лингвистики ввиду самобытности множества правовых реалий англо-саксонского права и других национальных правовых систем.

В целом же, одной из тенденций современной лингводидактики является изучение того, каким образом достижения когнитивной лингвистики могут быть использованы для повышения эффективности преподавания иностранного языка русскоязычным обучающимся. В последнее время многие отечественные лингвисты указывают на особую роль когнитивной лингвистики как новой научной парадигмы в практике преподавания иностранных языков. Это обусловлено, прежде всего, её уникальным свойством моделировать языковые способности человека. Поскольку когнитивная лингвистика изучает, каким образом язык может способствовать получению, хранению, переработке и передаче информации об окружающем человека мире, можно говорить о том, что она обладает достаточным арсеналом средств, которые могут быть успешно использованы в процессе разработки новых методов и приёмов формирования языковых навыков и компетенций учащихся на уроках иностранного языка.

Об особой роли когнитивной лингвистики в практике преподавания английского языка писала Е.Г. Беляевская [3; 4; 5; 6; 7]. В своей диссертационной работе автор подробно изучает явление «интерференции» родного языка и рассматривает, каким образом использование ког-

нитивного подхода в процессе преподавания может минимизировать влияние родного языка при изучении иностранного языка. Е.Г. Беляевская определяет интерференцию как «перенос знаний системы родного языка на иноязычный языковой материал, взаимовлияние двух или нескольких языковых систем, приводящее к негативным последствиям, а именно к снижению эффективности обучения» [7, с. 364]. В качестве основного источника интерференции лингвист выделяет внутренний бессознательный перевод с родного языка на иностранный, которого можно избежать, если включить информацию о неких образах или неких «картинках» (pictures in your head), образующих семантику языковой единицы, в процесс преподавания иностранного языка. Е.Г. Беляевская обращается к модели семантики слова, которая в когнитивной лингвистике представляет собой двухуровневую конструкцию, и понятию «концептуальной внутренней формы» [4, с. 10]. Концептуальная внутренняя форма языковой единицы может быть представлена в виде схемы, на которой выделяются самые важные её признаки на фоне менее важных признаков. Приём формирования в сознании обучающихся «ментальной картинки» и выделения наиболее важных признаков концептуальной внутренней формы языковой единицы позволит обучающимся подбирать нужное слово, не прибегая к переводу на родной язык.

О преимуществах использования когнитивно-лингвистического подхода для формирования языковых навыков писала Е.А. Буданова [8; 9]. Как и Е.Г. Беляевская, лингвист подчёркивает необходимость выявления когнитивной модели значения, создания «мыслительной картины» в сознании обучающихся. Такой приём помогает определить ключевые признаки, лежащие в основе наименования предмета или явления, тем самым формируя лингвистические компетенции и навыки учащихся, близкие к лексическим и грамматическим навыкам носителей. Особое внимание в работах Е.А. Будановой уделяется теории внешней фреймовой структуры языковой единицы, которая может быть использована на практике для формирования у обучающихся навыков свободно и творчески использовать лексические и грамматические средства изучаемого языка в зависимости от экстралингвистической ситуации. Студенты должны овладеть навыками общения на языке с учётом культурных особенностей страны изучаемого языка. Для достижения этой цели Е.А. Буданова предлагает орга-

низовать учебный процесс в несколько этапов. На первом этапе в процессе чтения и перевода текстов студенты получают информацию, сопоставляют характерные особенности культуры и мышления двух народов, что формирует их “глубинный” уровень понимания и соответствующие языковые компетенции. Второй этап заключается в построении высказывания на определённую тему или воссоздание реальной ситуации общения, в которой студенты должны дать верную оценку действительности и учесть целый ряд экстралингвистических факторов, таких как социальный статус, пол и возраст собеседника, степень официальности и др.

Г.И. Исенбаева рассматривает лингвокогнитивский процесс формирования “понятия”, которое она определяет как «относительно конечную структурированную совокупность качественных и количественных признаков объекта, их систематику в виде результирующей мысленной конструкции (матрицы), определяемой тремя вертикальными и тремя горизонтальными рядами логико-философских категорий, которая находит себя в целостной совокупности суждений, т.е. мыслей, в которых утверждаются её конституирующие признаки» [10, с. 238]. Г.И. Исенбаева пишет о том, что содержание “понятия” слова раскрывается с помощью логической и лингвистической обработки текста научной дефиниции, посредством которой выявляются существенные признаки, выделяющие данную концептуальную структуру среди других. Подобный подход находит своё отражение в изучении английского языка в юридическом вузе как на этапе введения совершенно новых для студентов юридических понятий через лингвистическую обработку дефиниции, так и на старших курсах, когда студенты способны выявить и выделить концептуальную структуру отличительных языковых реалий изучаемого языка.

Термин «концепт» в рамках лингводидактического анализа занимает центральное положение в диссертации И.А. Сысоевой «Обучение студентов-юристов интерпретации англоязычных правовых концептов». Лингвист подчёркивает необходимость формирования у студентов навыков интерпретации иноязычных специальных концептов в ходе обучения иностранному языку [17], что, на наш взгляд, полностью отвечает требованиям образовательных стандартов нового поколения в отношении разработки рабочих программ по иностранному языку.

Вышеприведённый анализ существующих исследований на стыке когнитивной лингвистики и методики преподавания иностранных языков показал значительную степень разработанности темы и свидетельствует о большом потенциале использования достижений когнитивной лингвистики в практике преподавания иностранного языка. Предлагаемые когнитивно-лингвистические приёмы [11] и методы преподавания, такие как формирование «ментальной картинки» семантического значения языковой единицы в сознании обучающихся и когнитивное моделирование, изучение внешней фрейм-овой структуры слова, концептуальный анализ и формирование навыков интерпретации иноязычных концептов могут значительно повысить эффективность преподавания иностранного языка, в том числе английского, на различных ступенях образования и в различных высших и средних учебных заведениях.

На наш взгляд, вышеперечисленные категории целиком и полностью вписываются в процесс обучения юридическому английскому языку. Так, указанные приёмы активно используются в процессе преподавания английского языка в рамках подготовки специалистов по различным юридическим специальностям в Университете имени О.Е. Кутафина, где английский язык преподаётся силами Кафедры английского языка №1 и Кафедры английского языка №2. Обязательная образовательная программа 1-го курса бакалавриата содержит курс английского языка в правоведении. Программа осуществляется на базе учебника «Английский язык для юристов» под ред. Н.Ю. Ильиной и Т.А. Аганиной, созданного коллективом авторов Кафедры английского языка №2 Университета [1].

Юридический английский язык чрезвычайно богат терминами, семантика которых содержит важные научные, исторические и технические сведения. В ходе концептуального анализа английских правовых терминов студенты получают доступ к большому объёму информации, релевантной их профессиональной области. Так, например, уже на первом курсе студенты-юристы, изучая особенности юридической профессии в Великобритании, сталкиваются с новыми для себя терминами, такими как “barrister” и “solicitor”. В русском языке семантическое поле слов «юрист» или «адвокат» довольно широкое и охватывает почти всю сферу правовой защиты, в то время как в английском языке существует ряд лексем для обозначения лиц, вы-

полняющих определённые функции в системе права. “Barrister” – это адвокат более высокого уровня, имеющий право выступать в судах высшей инстанции. “Solicitor” – адвокат, подготавливающий дела для барристера и выступающий в судах только низшей инстанции. В процессе изучения юридического английского языка студенты знакомятся с Конституцией Великобритании и узнают, что в отличие от конституций других стран, она является некодифицированной и не существует в виде отдельного документа, а состоит из нескольких нормативно-правовых актов. Как нам кажется, особое внимание стоит уделять сочетаемости языковых единиц. В русском языке допускаются следующие сочетания: *нарушать закон, правила и нарушать права человека*. По-английски правильно будет сказать: *to break a law, to break a rule, но to violate/abuse human rights*. Сочетание *to break human rights* будет неверным. В данном случае отчётливо прослеживается необходимость формирования у

студентов знания глубинных концептуальных принципов, лежащих в основе системы английского языка. Концептуальный анализ прилагательного *civil* позволит обучающимся в дальнейшем избежать ошибок при его переводе на русский язык и переводить как *гражданский* или *романо-германский* в зависимости от контекста.

Таким образом, в ходе изучения английского языка профессиональное мышление студентов-юристов резко расширяет свои горизонты уже на первом году обучения. Интегрирование когнитивно-лингвистических приёмов в процесс изучения английского языка способствует не только развитию языковых навыков студентов, но и расширению их профессионального кругозора. Студенты учатся адекватно интерпретировать английские правовые концепты, что позволяет углубить их профессиональные знания и развить навыки профессионально ориентированного общения.

Список литературы

1. Английский язык для юристов. Учебник. Отв. ред. Н.Ю. Ильина, Т.А. Аганина. М.: Проспект, 2014. 386 с.
2. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общей редакцией доктора филологических наук, профессора В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267-279.
3. Беляевская Е. Г. Три парадигмы семантических исследований (чем отличается когнитивный подход к лексической семантике от традиционного) // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование: Материалы международной конференции. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С.60 – 72.
4. Беляевская Е.Г. Концептуальные основания семантики языковых единиц (от лексикологии к фразеологии) // Несколькословные единицы номинации в английском языке: от лексикологии к фразеологии. Вестник МГЛУ, вып. 500. М.: Изд-во МГЛУ, 2005. С. 9 – 24.
5. Беляевская Е.Г. Текст как пространственная структура (к проблеме уровней категоризации) // Когнитивные исследования языка. Вып.7. Типы категорий в языке. Сб. науч. трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом. ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 101–109.
6. Беляевская Е.Г., Малиар Т.Н. Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку (концептуальные структуры пространства и времени в английском и русском языках). М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. 179 с.
7. Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные) основания семантической структуры слова: Дисс... д. филол. н. М: МГЛУ, 1991. 401 с.
8. Буданова Е.А. Метод анализа языковой картины мира на когнитивных основаниях. Часть 1. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. 2004. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met39/met39.html>
9. Буданова Е.А. Метод анализа языковой картины мира на когнитивных основаниях. Часть 2. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. 2006. 55 с.
10. Исенбаева, Г.И. Методология порождения вторичного текста: когнитивный аспект: дисс. ...д. филол. н. / Г. И. Исенбаева. Челябинск, 2010. 417 с.
11. Исупова М.М. Национально-культурный фактор и когнитивное моделирование // Вестник МГЛУ. 2007. № 541-2. С. 77-82.
12. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34-47.
13. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: МГУ, 1997. 245 с.
14. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004, № 1. С.6-17.
15. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. //Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., Academia, 1997. С. 280-287.

16. Пименова М.В. и др. Концептосфера внутреннего мира человека // Введение в когнитивную лингвистику / З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик, А. А. Кретов, О.О. Борискина, Е. А. Пименов, М. В. Пименова: Учеб. пособие. Сер. «Концептуальные исследования». Кемерово: ИПК «Графика», 2004. Вып. 4. С. 128–177.
17. Сысоева И.А. Обучение студентов-юристов интерпретации англоязычных правовых концептов: автореф. дис. ... к. пед. н. / Сысоева Ирина Александровна; М., 2009. 18 с.
18. Gibbs R. W. What's cognitive about cognitive linguistics // E. H. Casad (ed.). Cognitive Linguistics in the Redwoods: The Expansion of a New Paradigm in Linguistics. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 27-53.
19. Gries S.T. Corpus linguistics, theoretical linguistics, and cognitive/ psycholinguistics: towards more and more fruitful exchanges // Language and Computers. 2012. Vol. 75. Pp. 41-63.
20. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 272 p.
21. Johnson M. Philosophical implications of cognitive semantics // Cognitive Linguistics. 1992. Vol. 3. No. 4. pp. 345-366.
22. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.

Сведения об авторах:

Мартыненко Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №2 Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: преподавание английского и испанского языков, топонимика. E-mail: irineta@rambler.ru.

Бородина Елизавета Андреевна – ассистент кафедры английского языка №2 Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: преподавание юридическо-го английского языка, лингводидактика. E-mail: elizaveta.borodina@gmail.com.

COGNITIVE LINGUISTICS: GENERAL TRENDS AND PRACTICES OF APPLICATION IN A LAW SCHOOL

Irina A. Martynenko, Elizaveta A. Borodina

Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 125993 Moscow, Russia

The Abstract: *The analysis of existing studies at the scope of cognitive linguistics and the methodology of teaching foreign languages has shown a significant degree of elaboration of this topic and allows the authors of the article to talk about the great potential of using the achievements of cognitive linguistics in the practice of teaching a foreign language. The article tracks the causes of the increased interest in recent cognitive language studies and approaches to the study of cognitive linguistics. The authors point out the special role of cognitive linguistics as a new scientific paradigm in the practice of teaching foreign languages. The general modern tendencies typical for the given scientific direction are commented with reference to the teaching of English in a law school. The examples of the difference in the compatibility of linguistic units in Russian and English show the need for developing students' conceptual analysis skill. The authors explain how the achievements of cognitive linguistics can be used in teaching a foreign language, including English, to Russian-speaking students. The proposed cognitive-linguistic methods, study of the external frame structure of the word, the conceptual analysis and the formation of interpreting skills of foreign concepts, according to the authors, can significantly improve the effectiveness of teaching a foreign language, including English, at various levels of education and in various higher and secondary educational institutions.*

Key Words: *cognitive linguistics, English, legal, concept, teaching, language picture of the world.*

References

1. Angliiskiy iazyk dlia iuristov. Uchebnik. Otv. red. N. Ju. Il'ina, T. A. Aganina. [English for lawyers. Textbook. Ed. by N.Y. Ilina, T.A. Aganina]. M.: Prospekt, 2014. 386 s.

2. Askol'dov S. A. Koncept i slovo // Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologija / Pod obshhei redaktsiei doktora filologicheskikh nauk, professora V.P. Neroznaka. [Concept and the word // Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology / Ed. by professor V.P. Neroznak]. M.: Academia, 1997. S. 267-279.
3. Beliaevskaia E. G. Tri paradigmy semanticheskikh issledovaniy (chem otlichaetsia kognitivny podkhod k leksicheskoi semantike ot traditsionnogo) // Na styke paradigm lingvisticheskogo znaniia v nachale XXI veka: grammatika, semantika, slovoobrazovanie: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. [Three paradigms of semantic research (what distinguishes the cognitive approach to lexical semantics from the traditional one) // At the junction of the paradigms of linguistic knowledge at the beginning of the XXI century: grammar, semantics, word formation: Proceedings of the international conference]. Kalinigrad: Izd-vo KGU, 2003. S.60 – 72.
4. Beliaevskaia E. G. Konceptual'nye osnovaniia semantiki iazykovykh edinits (ot leksikologii k frazeologii) // Neskol'koslovnye edinitsy nominatsii v angliiskom iazyke: ot leksikologii k frazeologii. [Conceptual Foundations of the Semantics of Language Units (from lexicology to phraseology) // Multi-unit nomination in the English language: from lexicology to phraseology]. Vestnik MGLU, vyp. 500. M.: Izd-vo MGLU, 2005. S. 9 – 24.
5. Beliaevskaia E. G. Tekst kak prostranstvennaia struktura (k probleme urovnei kategorizatsii) // Kognitivnye issledovaniia iazyka. Vyp.7. Tipy kategorii v iazyke. Sb. nauch. trudov. [Text as a spatial structure (to the problem of categorization levels) // Cognitive studies of language. Issue 7. Types of categories in the language. Collection of scientific papers]. M.: In-t iazykoznanii RAN; Tambov: Izd. dom. TGU im. G.R. Derzhavina, 2010. S. 101–109.
6. Beliaevskaia E. G., Maliar T. N. Printsipy minimizatsii interferentsii rodnogo iazyka pri obuchenii inostrannomu iazyku (kontseptual'nye struktury prostranstva i vremeni v angliiskom i russkom iazykakh). [The principles of minimizing the interference of the native language in teaching a foreign language (conceptual structures of space and time in English and Russian)]. M.: IPK MGLU «Rema», 2011. 179 s.
7. Beliaevskaia E. G. Semanticheskaja struktura slova v nominativnom i kommunikativnom aspektakh (kognitivnye) osnovaniia semanticheskoi struktury slova: Disc... d. filol. n. [The semantic structure of the word in the nominative and communicative aspects. Cognitive basis of the semantic structure of the word. Thesis]. M: MGLU, 1991. 401 s.
8. Budanova E. A. Metod analiza iazykovoi kartiny mira na kognitivnykh osnovaniiax. Chast' 1. [Method of analysis of the linguistic picture of the world on cognitive grounds. Part 1]. Jaroslavl': JaGPU im. K. D. Ushinskogo. 2004. Elektronnyy resurs. Rezhim dostupa: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met39/met39.html>
9. Budanova E. A. Metod analiza iazykovoi kartiny mira na kognitivnykh osnovaniiax. Chast' 2. [Method of analysis of the linguistic picture of the world on cognitive grounds. Part 2]. Jaroslavl': JaGPU im. K. D. Ushinskogo. 2006. 55 s.
10. Isenbaeva, G. I. Metodologija porozhdeniia vtorichnogo teksta: kognitivny aspekt: diss. ...d. filol. n. [Methodology for generating secondary text: cognitive aspect. Thesis]/ G. I. Isenbaeva. Cheliabinsk, 2010. 417 s.
11. Isupova M. M. Natsional'no-kul'turny faktor i kognitivnoe modelirovanie // Vestnik MGLU. [National-cultural factor and cognitive modeling // Bulletin of MSLU]. 2007. № 541-2. S. 77-82.
12. Kubriakova E. S. Nachal'nye etapy stanovleniia kognitivizma: lingvistika — psihologija — kognitivnaia nauka // Voprosy iazykoznanii. [The initial stages of the formation of cognitivism: linguistics - psychology - cognitive science // Topics in the study of language]. 1994. № 4. S. 34-47.
13. Kubriakova E. S. Kratky slovar' kognitivnykh terminov / E. S. Kubriakova, V. Z. Dem'iankov, Ju. G. Pankrats, L. G. Luzina. [A brief dictionary of cognitive terms / E. S. Kubriakova, V. Z. Demyankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina]. M.: MGU, 1997. 245 s.
14. Kubriakova E. S. Ob ustanovkakh kognitivnoi nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoi lingvistiki // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. [On the installations of cognitive science and actual problems of cognitive linguistics // Topics of cognitive linguistics]. 2004, № 1. S.6-17.
15. Lihachev D. S. Kontseptosfera russkogo iazyka. //Russkaia slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologija. [Conceptosphere of the Russian language. // Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text: Anthology]. M., Academia, 1997. -S. 280-287.
16. Pimenova M. V. i dr. Kontseptosfera vnutrennego mira cheloveka // Vvedenie v kognitivnuiu lingvistiku / [The conceptual sphere of the human inner world // Introduction to cognitive linguistics]. Z. D. Popova, I. A. Sternin, V. I. Karasik, A. A. Kretov, O. O. Boriskina, E. A. Pimenov, M. V. Pimenova: Ucheb. posobie. Ser. «Konceptual'nye issledovaniia». Kemerovo: IPK «Grafika», 2004. Vyp. 4. S. 128–177.
17. Sysoeva I. A. Obuchenie studentov-iuristov interpretatsii angloiazychnykh pravovykh kontseptov: avtoref. dis. ... k. ped. n. / Sysoeva Irina Aleksandrovna [Teaching law students to interpret English legal concepts: Thesis]; M., 2009. 18 s.
18. Gibbs R. W. What's cognitive about cognitive linguistics // E. H. Casad (ed.). Cognitive Linguistics in the Redwoods: The Expansion of a New Paradigm in Linguistics. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 27-53.
19. Gries S.T. Corpus linguistics, theoretical linguistics, and cognitive/ psycholinguistics: towards more and more fruitful exchanges // Language and Computers. 2012. Vol. 75. Pp. 41-63.
20. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 272 r.
21. Johnson M. Philosophical implications of cognitive semantics // Cognitive Linguistics. 1992. Vol. 3. No. 4. pp. 345-366.
22. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.

About the authors:

Irina A. Martynenko – PhD in Philology, Associate Professor of English Department No. 2, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia). Scope of scientific and professional interests: teaching English and Spanish languages, toponymy. E-mail: irineta@rambler.ru.

Elizaveta A. Borodina – Assistant of English Department No. 2, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia). Scope of scientific and professional interests: legal English teaching, linguodidactics. E-mail: elizaveta.borodina@gmail.com.

★ ★ ★

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ МИНИМУМ В ЗЕРКАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ИГРЫ В АНТИФРАЗЫ

Т.Г. Бочина, Ясин Чэнь

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18

В статье исследуется языковой материал интернет-игры в антифразы – загадок, созданных на основе прецедентных единиц путём замены всех компонентов прототипа на противоположные по смыслу слова. Изучение игровых трансформов актуально в связи с тем, что прецедентные единицы, являющиеся прототипами антифраз, тесно связаны с коллективными инвариантными представлениями национальной культуры и являются фоновыми знаниями, служащими для взаимопонимания членов языкового коллектива. Выбор той или иной прецедентной единицы для перефразирования (создания загадки-антифразы) свидетельствует об актуальности избранного прототипа в современной лингвокультуре, поскольку именно известность участникам игры загаданной фразы обеспечивает её принципиальную разгадываемость и коммуникативную состоятельность. Основное внимание в работе уделяется прецедентным единицам, послужившим базой для создания антифраз неоднократно. Выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что прототипы, многократно послужившие для создания загадок-перевертышей, входят в лингвокультурный минимум современного интернет-пользователя. На основе количественного анализа 88 синонимических рядов антифраз выделяется ядро, центр и периферия лингвокультурного минимума. Делается вывод о том, что лингвокультурный минимум должен создаваться в результате сочетания разных методов, дополняющих друг друга, синтезирующих как анализ объективного лингвистического материала, так и его субъективные интерпретации, полученные экспериментальным путём.

Ключевые слова: антифраз, прецедентная единица, лингвокультурный минимум, поле, синонимический ряд.

В современной лингвистической науке одним из активно исследуемых вопросов является употребление прецедентных единиц и их трансформаций в виртуальном пространстве. По мнению А.А. Сычёва, «интернет-коммуникация характеризуется выходом за пределы обыденности и официальной регламентации и оформляется особым игровым образом» [8]. Существует множество развлекательных сайтов, где «человек играющий» реализует свои потребности в речетворческой семиотической деятельности путём аллюзивной переработки разнообразных прецедентных феноменов. Так, стойким интересом на страницах Рунета пользуется интернет-игра в «анти-

фразы»: если в 2011 году в результате поиска на слово «антифразы» в системе Yandex найдено 18 тысяч ответов [2, с. 141], то на 23.10.18 их уже 25 тысяч. Суть игры заключается в том, что «одни участники игры заменяют все компоненты прецедентных единиц на контрастные по смыслу слова, а другие участники отгадывают исходные фразы или тексты» [Там же]: *Новые враги хуже старого одного / Новый враг хуже старых трёх (Старый друг лучше новых двух); Господа, прогоняйте подруг / Джентльмены провожают сеньорит (Дамы, приглашайте кавалеров); Приди к нему, молодушка, он в настроении / Иди к нему, молодуха, он в восторге (Оставь меня, старушка, я в печали); Безделью часы – унынию год / Буд-*

ней – пять, а выходных – два / Бездельно сутки, а играем минутку / Отдыху пространство, работе секунду (Делу время, а потехе час).

Недостаточная изученность, с одной стороны, и широкая распространённость игры в антифразы – с другой, мотивируют актуальность данного исследования. Кроме того, изучение игровых трансформов актуально в связи с тем, что прецедентные единицы, являющиеся прототипами антифраз, тесно связаны с коллективными инвариантными представлениями национальной культуры и являются фоновыми знаниями, служащими для взаимопонимания членов языкового коллектива. Прецедентность, как известно, «подразумевает взаимодействие дискурса с внешней средой: сознанием коммуниканта, конкретной коммуникативной ситуацией и общим лингвокультурным фоном» [4, с. 28].

Нужно отметить, что любая языковая игра представляет собой «вид адогматического речевого поведения, основанный на преднамеренном нарушении языкового канона и обнаруживающий творческий потенциал личности в реализации системно заданных возможностей» [5, с. 239]. В антифразах замена всех компонентов на контрастные слова является не просто искажением формы речевого стереотипа с целью создания языковой игры, а «способом по-новому осмыслить традиционное авторитетное знание» [1, с. 175]. Как отмечает Д. С. Храмченко, «целью высказывания, содержащего шутку, как правило, является не критика описываемого явления, но скрытый призыв к его осмыслению и совершенствованию» [9, с. 71].

В антифразах-«перевёртышах» прецедентная единица развивается, обогащается новой семантикой, продолжает жить и выполнять социальную функцию, сохраняя единый фонд знаний лингвокультурного сообщества. Другими словами, выбор той или иной прецедентной единицы для перефразирования (создания загадки-антифразы) свидетельствует об актуальности избранного прототипа в современной лингвокультуре, ведь именно известность участникам игры загаданной фразы обеспечивает её принципиальную разгадываемость и коммуникативную состоятельность. Особенно наглядно это проявляется в тех случаях, когда пользователи по-разному трансформируют одну и ту же прецедентную единицу, на основе которой создаётся своеобразный синонимический ряд антифраз.

Объектом настоящего исследования являются прецедентные единицы, послужившие про-

тотипами загадок-«перевёртышей» более двух раз, которые, по нашей гипотезе, входят в лингвокультурный минимум современных пользователей интернета.

Обращение к проблеме определения паремиологического минимума в научной среде начинается с 50-х годов прошлого века в ходе создания паремиологического словаря русского языка. Теоретическое обоснование понятия «паремиологический минимум» тесно связано с так называемым «паремиологическим экспериментом» Г.Л. Пермякова, главной целью которого являлось выявление в русском языке «паремиологического фонда» и «паремиологического минимума». По мнению Г.Л. Пермякова, «для того чтобы овладеть каким-либо языком, недостаточно выучить его грамматику и усвоить какой-то запас слов и так называемых идиом или фразеологизмов. Для этого необходимо также запомнить определённый набор пословиц, поговорок, загадок, примет, поверий и других народных изречений (или паремий), хорошо известных носителям данного языка» [7, с. 149], а минимум – «это список самых известных русских народных изречений, наименьший по своему объёму и в то же время достаточный для понимания русских текстов» [7, с. 150].

Следует отметить, что прототипами антифраз выступают не только паремии, но и другие прецедентные выражения, известные многим носителям русского языка, например, названия литературных произведений и цитаты из них, названия кинофильмов и реплики персонажей, названия и тексты музыкальных произведений, загадки, тексты рекламы и т. д.:

а) паремиологические единицы (пословицы, поговорки, фразеологизмы и другие известные изречения): *Дома плохо, и в гостях неважно / Дома плохо, а не дома ещё хуже (В гостях хорошо, а дома лучше); Под полицейским носок тонет / У полицейского ботинки промокают (На воре и шапка горит); Днём облигации – ночью диваны / Вечером – продукт, ночью – нары (Утром деньги – вечером стулья);*

б) названия литературных произведений и цитаты из них: *Матери и родители / Матери и взрослые (Отцы и дети); Твоя тётя не самых несправедливых исключений / Твоя племянница заурядных лживых исключений (Мой дядя самых честных правил); Умный страус нагло достаёт мысли тощие из пещеры / Умный страус храбро достаёт мысли тощие из ямы / Умный страус храбро демонстрирует душу тощую в оврагах*

(Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утёсах);

в) тексты музыкальных произведений: *Один, один, один, синий дуб / 50, 50, 50 чёрных лилий (Миллион миллион миллион алых роз); Приземляйтесь лужами, жёлтые (серые) дни / Приземлись водою, белый день / Низриньтесь дождями, красные дни (Взвейтесь кострами, синие ночи);*

г) названия кинофильмов и реплики персонажей: *Обыденные будни аргентинцев на Гавайях / Предсказуемая обыденность китайцев из Америки (Необыкновенные приключения итальянцев в России); Время расставания утвердить можно / Время прощания сохранить можно / Точку разлуки оставить разрешено (Место встречи изменить нельзя); Расслабьтесь! Америка нас не вспомнит! Восток вам навредит/ Сдавайтесь! Америка нас забудет! Восток вам откажет (Крепитесь! Россия вас не забудет! Запад нам поможет);*

д) названия популярных телепередач: *Немедленно заткнитесь / Прекратите смотреть (Пусть говорят); Ненависть после последнего вздоха (Любовь с первого взгляда); Позор империи (Достояние республики); Маленькое равенство (Большая разница)* и др.

В связи с этим при исследовании антифраз и их прототипов уместнее говорить не о паремиологическом, а о лингвокультурном минимуме, то есть о минимальном наборе прецедентных феноменов, известных носителям языка и необходимых для адекватного понимания русских текстов.

Следует также отметить, что определение лингвокультурного минимума на материале интернет-игры в антифразы позволяет нивелировать основные недочёты паремиологического эксперимента Г.Л. Пермякова, о которых писал Е.Е.Иванов, – его субъективный характер, опору на лингвистическую компетенцию исследователя, а также территориальную ограниченность и несбалансированность состава информантов [6. с. 49-50]. Действительно, благодаря всемирной сети игра в антифразы имеет массовый характер и огромное число участников, неограниченных территориально, различных по возрасту, полу, социальному статусу, образованию и т.п. К тому же минимизирован субъективный фактор, поскольку анализу подвергается объективный лингвистический материал, а не результаты опроса информантов.

Цель работы заключается в выявлении прецедентных единиц, неоднократно трансформиро-

ванных разными пользователями для создания антифраз, что в последующем может явиться базой для определения лингвокультурного минимума современного интернет-пользователя.

В нашей картотеке антифраз, содержащей 3048 загадок, имеется 88 синонимических рядов, когда один и тот же прецедентный прототип по-разному трансформирован разными пользователями. Полагаем, что все они входят в лингвокультурный минимум авторов загадок-антифраз, хотя и не исчерпывают его полностью. Основываясь на количестве синонимических антифраз, лингвокультурный минимум можно представить в виде поля. Известно, что одной из особенностей современных научных дисциплин является «яркая тенденция к системному и синтезирующему подходу в исследовании и интерпретации соответствующих объектов» [3. с. 57], с этой точки зрения моделирование «семантического поля» как методика исследования получило большую сферу применения в лингвистике.

Согласно теории семантического поля, в нём выделяются ядро, центр, периферия. В результате анализа синонимических антифраз можно представить своеобразное поле лингвокультурного минимума современного пользователя следующим образом (см. Таблица 1).

Таблица 1.

Полевая структура	Количество трансформаций	Количество прецедентных единиц
Ядро	5 и более	13
Центр	3-4	27
Периферия	2	48

В ядро поля входят наиболее известные прецедентные единицы, использованные для трансформации пять и более раз (см. Таблица 2):

Таблица 2

Прецедентные прототипы	Количество трансформаций
1. Без труда не вытащишь и рыбку из пруда	11
2. Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей	9
3. На воре шапка горит	8
4. Дарёному коню в зубы не смотрят 5. Тише едешь – дальше будешь	7
6. Баба с возу – кобыле легче 7. Взвейтесь кострами, синие ночи 8. Гусь свинье не товарищ 9. И один в поле воин 10. Мал золотник, да дорог 11. Не всё то золото, что блестит 12. Работа не волк, в лес не убежит 13. Семь бед, один ответ	5

Как видим, ядро лингвокультурного минимума составляют паремиологические единицы (12 прототипов), которые «тесно связаны с культурой и менталитетом народа, отражают мировоззрение, нравственные, бытовые и религиозные устои, а также традиции» [10, с. 8].

К центру поля относим прецедентные единицы, послужившие прототипами трёх-четырёх синонимических антифраз. Четырёхчленные синонимические ряды породили паремии *Аппетит приходит во время еды; Делу время, а потехе час; Друг познаётся в беде; Своя рубашка ближе к телу* и эпитоним *Счастливые часов не наблюдают*. 22 прецедентных феномена были использованы для создания трёх разных антифраз: *Беда не приходит одна; Белеет парус одинокий; Большому кораблю – большое плавание; Волков бояться – в лес не ходить; Вороне где-то бог послал кусочек сыра; Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утёсах; Жили у бабуси два весёлых гуся; Кошкин дом; Красная шапочка; Краткость – сестра таланта; Лучшие свой кусок, чем чужой пирог; Мальчик хочет в Тамбов; Место встречи изменить нельзя; Мой дядя самых честных правил; Не всё коту масленица; Не суй нос в чужие дела; Прощай, немытая Россия; Пьяному море по колено; Семь раз отмерь – один раз отрежь; Снежная королева; Собачье сердце; Я пришёл к тебе с приветом*.

Если ядро поля лингвокультурного минимума составляют паремиологические единицы, то в центре поля находятся прототипы разных видов прецедентных единиц, пользующихся известностью среди русскоговорящих: паремиологические единицы (15 прототипов): *Лучше раз отрезать, чем сто раз отмерить / Лучшие иметь синицу в руках, чем утку под кроватью / Лучшие колымить в Гондурасе, чем гондурасить на Колыме (Лучше свой кусок, чем чужой пирог)*; названия кинофильмов (5 прототипов): *Время расставания утвердить можно / Время прощания сохранить можно / Точку разлуки оставить разрешено (Место встречи изменить нельзя)*; ключевые строчки из стихотворения (5 прототипов): *Твоя тётя не самых несправедливых исключений / Твоя племянница заурядных лживых исключений / Твоя племянница заурядных подлых беззаконий (Мой дядя самых честных правил)*; цитаты из песен (2 прототипа): *Девочка не хочет в Тверь / Девчонке неохота из Твери / Девочка не хочет в Ялту (Мальчик хочет в Тамбов)*; и другие.

На периферии поля находятся прецедентные прототипы, послужившие прототипами анти-

фраз 2 раза (48 единиц), которые представляют прецедентные феномены следующих типов:

- названия кинофильмов и реплики персонажей (19 прототипов): *Господин назначил меня любимой женой; Дамы, приглашайте кавалеров; Двадцать тысяч лье под водой; Зимняя вишня; Какая же гадость эта ваша заливная рыба; Карнавальная ночь; Кот в сапогах; Крепитесь! Россия вас не забудет! Запад нам поможет; Москва слезам не доверяет; Мы лишние на этом празднике жизни; Невероятные приключения итальянцев в России; Оставь меня, старушка, я в печали; Отцы и дети; Ребята, давайте жить дружно; Украл, выпил, в тюрьму; Утомлённые солнцем; Формула любви; Царевна-лягушка; Шампанское по утрам пьют или аристократы, или дегенераты;*

- названия литературных произведений и цитаты из них (12 прототипов): *Вишнёвый сад; Голый король; Командовать парадом буду я; Красота – это страшная сила; Кто ищет, тот всегда найдёт; Мороз и солнце, день чудесный; Не учите меня жить, лучше помогите материально; Призрак бродит по Европе; Рукописи не горят; Тихий Дон; Унесённые ветром; Утром деньги – вечером стулья;*

- паремиологические единицы (12 прототипов): *В гостях хорошо, а дома лучше; Готовь сани летом, а телегу зимой; Женщину украшает молчание; Зри в корень; Не красна изба углами, а красна пирогами; Правда глаза колет; Старый друг лучше новых двух; У семи нянек дитя без глаза; Устами младенца глаголет истина; Что посеешь, то пожнёшь; Яблоко от яблони недалеко падает; 45 – баба ягодка опять;*

- тексты музыкальных произведений (3 прототипа): *От улыбки хмурый день светлей; По Дону гуляет казак молодой; Миллион миллион миллион алых роз;*

- названия передач или телесериалов (2 прототипа): *Пусть говорят; Четыре танкиста и собака.*

Вне всякого сомнения, представленный материал не является исчерпывающим и окончательным, и в лингвокультурный минимум нашего современника входят и другие прецедентные единицы. Бесспорно также и то, что подобный минимум должен создаваться в результате сочетания разных методов, дополняющих друг друга, синтезирующих как результаты анализа объективного лингвистического материала, так и его субъективные интерпретации. К тому же на разных этапах развития языкового сообщества состав минимума изменяется.

Список литературы

1. Бочина Т.Г., Русская паремия в зеркале интернет-игры // Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия "Филология. Социальные коммуникации". 2012. Т. 25 (64), № 2 (1). С. 174-179.
2. Бочина Т.Г., Семантическое пространство интернет-игры в антифразы // Учёные записки Казанского университета. 2011. Т. 153, кн. 6. С. 140-149.
3. Воробьёв В.В., Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во РУДН, 1997. 331с.
4. Габеев А.А., Прецедентные феномены как точки бифуркации художественного дискурса / А.А. Габеев // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 8. С. 27-38.
5. Гридина Т.А., Принципы языковой игры и ассоциативный контекст слова в художественном тексте // Семантика языковых единиц: Доклады VI Междунар. Конференции: 1998. Т. 2. 1998. С. 239-241.
6. Иванов Е.Е., Паремнологический минимум и основной паремнологический фонд // Паремнология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремнологии. Пословица в дискурсе и тексте. Пословица и языковая картина мира / Под ред. О.В. Ломакиной. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 48-66.
7. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремнологии. М. : Наука, 1988. 236 с.
8. Сычёв А.А., Юмор в интернет-коммуникации: социокультурный аспект [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ict.edu.ru/ft/004098/sychev.pdf> (Дата обращения: 25. 09. 2018).
9. Храмченко Д.С., Ирония и юмор как дискурсивные механизмы прагматического воздействия (на материале англоязычных деловых публикаций СМИ)// Филологические науки в МГИМО. 2017. № 4, 2017. С. 70-75.
10. Шайхуллин Т.А., Зарипова А.М., Актуальные вопросы паремнологии в русском языкознании // Современный мусульманский мир. Международный научный журнал Российского исламского института. 2017. №. 2. С. 8.

Сведения об авторах:

Бочина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой русского языка как иностранного КФУ (Россия, Казань). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология, паремнология, методика русского языка как иностранного. E-mail: Tatyana.Bochina@kpfu.ru.

Чэнь Ясин – аспирант, ассистент кафедры русского языка как иностранного КФУ (Россия, Казань). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвокультурология, паремнология. E-mail: tchen.yasin@yandex.ru.

LINGUO-CULTURAL MINIMUM IN THE MIRROR OF THE “ANTI-PHRASES” INTERNET GAME

T.G. Bochina, Yaxing Chen

Kazan (Volga region) Federal University,
420008, Russia, Kazan, 18 Kremlyovskaya str

The Abstract: *The article examines the language material of the “Anti-phrases” Internet game, where anti-phrases are riddles, created on the basis of precedent units by replacing all components of the prototype with words, opposite in meaning. The study of gaming transforms is relevant due to the fact that the precedent units, being prototypes of anti-phrases, are closely related to the collective invariant representations of the national culture and are background knowledge that serves for mutual understanding of members of the speech community. The choice of one or another precedent unit for paraphrasing (creating an anti-phrase riddle) indicates the relevance of the chosen prototype in modern linguoculture, since it is precisely the popularity of the phrase with the participants of the game that provides for its fundamental decipherability and communicative validity. The focus of the work is on the precedent units that served as the basis for the creation of anti-phrases repeatedly. The hypothesis is advanced and substantiated that the prototypes that have repeatedly served to create inverted riddles are included in the linguocultural minimum of the modern Internet user. Based on a quantitative analysis of 88 synonymic anti-phrase series, the core, center, and periphery of the linguocultural minimum are distinguished. It is concluded that the linguocultural minimum should be created as a result of combining different methods, complementing each other and synthesizing both the analysis of the objective linguistic material and its subjective interpretations, obtained experimentally.*

Key Words: *anti-phrase, precedent unit, linguocultural minimum, field, synonymic series.*

References

1. Bochina, T.G. Russkaia paremika v zerkale internet-igry [Russian paremia in the mirror online game] // Uchenye zapiski Tavr-icheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Social'nye kommunikatsii" [Philology. Social communications]. 2012. T. 25 (64), № 2 (1). pp. 174-179.
2. Bochina, T.G. Semanticheskoe prostranstvo internet-igry v antifrazy [The semantic space of online antiphrases game] // Uchebnye zapiski Kazan. un-ta. Ser. Gumanitar. Nauki [Scientific notes of Kazan University]. T. 153. Book. 6, pp. 140-149.
3. Vorob'ev, V.V. Lingvokul'turologiya: teoriia i metody [Cultural linguistics: theory and methods]. M.: Izd-vo RUDN, 1997. 331p.
4. Gabets, A.A. Precedentnye fenomeny kak tochi bifurkatsii hudozhestvennogo diskursa [Precedent phenomena as points of bifurcation of artistic discourse] / A.A. Gabets // Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological Sciences at MGIMO]. № 8. 2016. pp. 27-38.
5. Gridina, T.A. Printsipy iazykovoï igry i asociativny kontekst slova v hudozhestvennom tekste [Principles of language play and associative context of a word in a literary text] // Semantika iazykovykh edinit: Doklady VI Mezhdunar. Konferentsii [The semantics of linguistic units: reports of the VI Intern. Conferences]: T. 2. 1998. pp. 239-241.
6. Ivanov, E.E. Paremiologicheskii minimum i osnovnoi paremiologicheskii fond [Paremiological minimum and basic paremiological Fund] // Paremiologiya v diskurse: Obshchie i prikladnye voprosy paremiologii. Poslovitsa v diskurse i tekste. Poslovitsa i iazykovaia kartina mira [Paremiology in discourse: General and applied issues of paremiology. Proverb in discourse and text. Proverb and language picture of the world] / Pod red. O.V. Lomakinoi. M.: LENAND, 2015. pp. 48-66.
7. Permiakov, G. L. Osnovy strukturnoi paremiologii [Fundamentals of structural paremiology]. M.: Nauka, 1988. 236p.
8. Sychev, A.A. Yumor v internet-kommunikatsii: sociokul'turny aspekt [Humor in Internet communication: sociocultural aspect]. Available at: <http://www.ict.edu.ru/ft/004098/sychev.pdf> (accessed 25 September 2018).
9. KHramchenko, D.S. Ironiya i iumor kak diskursivnye mekhanizmy pragmaticheskogo vozdeistviia (na materiale angloiazychnykh delovykh publikatsii SMI) [Irony and humor as discursive mechanisms of pragmatic influence (on the material of English-language business publications of mass media)] // Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological Sciences at MGIMO]. 2017. № 4, pp. 70-75.
10. Shaikhullin T.A., Zaripova A. M. Aktual'nye voprosy paremiologii v russkom iazykoznanii [Topical issues of paremiology in Russian linguistics] // Sovremenny musul'manskii mir. Mezhdunarodny nauchnyj zhurnal Rossiiskogo islamskogo instituta [The modern Muslim world. International scientific journal of the Russian Islamic Institute]. 2017. №. 2. pp. 8.

About the authors:

Bochina T.G. – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, E-mail: Tatyana.Bochina@kpfu.ru.

Yaxing Chen – Postgraduate student, assistant of the department of Russian as a foreign language of KFU (Russia, Kazan). Scientific and professional interests: cultural linguistics, paremiology. E-mail: tchen.yasin@yandex.ru.

★ ★ ★

СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В ДЕПЕШАХ МАРГАРЕТ ФУЛЛЕР ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО РИМА

М.П. Кизима

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Маргарет Фуллер (1810–1850) – американский романтик-трансценденталист – была первым иностранным корреспондентом США в Европе; ей довелось освещать для газеты «Нью-Йорк Трибюн» события 1848–49 годов. Исследователям особенно интересны депеши Фуллер из Рима, поскольку она была непосредственным свидетелем и участником Римской революции; эти депеши являются объектом рассмотрения в данной работе.

Перед Фуллер как публицистом стояла сложная задача соединить журналистский репортаж и осмысление исторического значения того, что происходило на её глазах. Анализ показывает, что для достижения этой цели она использовала опыт художественной литературы и изобразительных искусств. Фуллер не только сравнивала события и их участников с художественными образами, но анализировала произведения и методы авторов с тем, чтобы выработать свою собственную повествовательную стратегию и передать её принципы своим читателям как собеседникам и соучастникам в постижении смысла переживаемого исторического момента. Публицистика Фуллер была плодотворным синтезом художественных форм, документов и репортажа; этот синтез позволил ей донести до читателей масштаб и значимость европейских событий, выразить свою собственную позицию, выступив на стороне революционеров, в которых она видела продолжателей дела, начатого Американской революцией.

Ключевые слова: Маргарет Фуллер, иностранный корреспондент, депеши в «Нью-Йорк Трибюн», американский романтизм, революции в Европе, Римская революция 1848–49 годов, публицистика, синтез документального и художественного.

Маргарет Фуллер (Margaret Fuller, 1810–1850) – американский романтик-трансценденталист, поэт и прозаик – была выдающимся публицистом, автором первого в США феминистского философского трактата «Женщина в девятнадцатом столетии» (*Woman in the Nineteenth Century*, 1845) и первым иностранным корреспондентом США в Европе. Её европейские депеши (1846–1850), регулярно публиковавшиеся в газете «Нью-Йорк Трибюн», являются важным литературным и историческим документом. В 1991 году американские учёные Л. Рейнольдс и С. Беласко Смит подготовили их научное издание [2], открыв тем

самым широкий доступ к незаменимому первоисточнику и дав новый импульс для дальнейшего изучения европейских страниц творчества Фуллер. В этом направлении сделано немало, можно отметить, например, вышедший в 2007 году сборник статей под редакцией Ч. Кэппера и К. Джиорчелли [3]. Вместе с тем, некоторые аспекты наследия Фуллер исследованы всё ещё недостаточно и требуют более детального анализа. Маргарет работала в Европе в годы революционных событий, ей довелось освещать их для своих американских читателей; особое значение для исследователей имеют её депеши из Рима, где она стала непосредственным свидетелем и

участником революции. Автор данной статьи ранее уже обращалась к изучению деятельности Фуллер в качестве иностранного корреспондента [1]; здесь хотелось бы остановиться подробнее на синтезе документального и художественного в журналистских депешах Фуллер из Италии, проанализировать, как такой синтез помог ей осуществить её творческие замыслы.

Методологически статья построена на сочетании принципов «внимательного чтения» текстов депеш как первоисточников и историко-культурного анализа.

Перед Фуллер как публицистом стояла сложная задача соединить журналистский репортаж и осмысление исторического значения того, что происходило на её глазах: она должна была попытаться постичь историю не только как прошлое, но и как непосредственно в данный момент творимое настоящее.

Для достижения этой цели Маргарет во многом использовала опыт исторических жанров изобразительных искусств и художественной литературы, ведь романтики внесли в их разработку огромный вклад. Рисуя широкое полотно событий, Фуллер описывает массовые сцены, создаёт образ народа; она наполняет депеши драматизмом, – лепит мощные героические фигуры, сталкивает позиции лидеров, включая в текст депеш документы, открытые письма, манифесты. Мы видим, с одной стороны, художественные образы и художественную трактовку материала, а с другой, – репортаж, прямое цитирование документов, газетных сообщений, обращений и писем общественных деятелей.

Писатели и поэты становятся своеобразными спутниками и собеседниками Фуллер, она постоянно соотносит свои собственные впечатления с образами любимых авторов: вспоминает Шелли, Гёте, Диккенса, Вальтера Скотта и многих других, пишет о своих встречах с Алессандро Мандзони, – герои его романа «Обручённые» (1827) сопровождают её в поездках по Италии, а река Адда, описанная в романе, показалась Маргарет старой знакомой, словно она сама была «уроженкой тех мест» [2, с. 145].¹ «Подобно тому, как шотландские озёра кажутся владениями Вальтера Скотта, в сознании иностранца Милан и его окрестности принадлежат Мандзони», – отмечает Фуллер [2, с. 145].

Цитаты из художественных произведений, литературные аллюзии, события литературной жизни органично входят в текст журналистских депеш Фуллер. Тот факт, что «Тартюф» Мольера был переведён на итальянский язык, поставлен и шёл с большим успехом, Фуллер рассматривает как знак революционных перемен и антицерковных настроений. Она подчёркивает, что в Европе идёт борьба «между принципом Демократии и старыми властями, утратившими свою легитимность» [2, с. 277–278], что борьба эта будет долгой и кровавой, но выражает уверенность в том, что в итоге по всей Европе, даже в Великобритании, восторжествует республиканская форма правления, и свои размышления подкрепляет словами из стихотворения «Свет из тьмы воссияет» английского поэта Уильяма Купера: «таинственные пути Господни» (“God works in a mysterious way”) [2, с. 278]².

В европейских революциях 1848–49 годов активнейшее участие принимали литераторы; Фуллер цитирует революционные выступления поэтов, ставших деятелями революций: Беранже, Мицкевича, Мадзини. Она отмечает, что Мицкевича приветствовали в Риме и Флоренции как «польского Данте» [2, с. 223], о приезде в Рим Джузеппе Мадзини после семнадцати лет ссылки она пишет, перефразируя строки Уильяма Вордсворта: Мадзини возвращается, «чтобы увидеть то, что он предвидел» (“to see what he foresaw”) [2, с. 225]³.

В Италии Фуллер вновь открывает для себя темы, столь важные для романтиков, – народное начало культуры, национальное своеобразие, дух страны, национальный характер. Она сталкивается с ними в своей повседневной жизни, общаясь в Италии и с итальянцами, и со своими соотечественниками, и с людьми других культур, путешествующими по Европе и приехавшими в вечный город Рим. Перед ней встаёт глубоко личный и одновременно центральный для всей американской культуры и американского самосознания вопрос о взаимоотношениях Старого и Нового Света, американцев и европейцев. Этот жизненный опыт потребовал от Фуллер как публициста теоретического осмысления.

Любопытно, что своё первое послание из Рима в мае 1847 года Маргарет открывает словами о том, что ей не хочется писать об Италии [2, с. 131]. Это удивительное начало вскоре про-

¹ Здесь и далее перевод на русский язык выполнен мной – М.К.

² Уильям Купер (William Cowper, 1731–1800), “Light Shining Out of Darkness”.

³ Уильям Вордсворт (William Wordsworth, 1770–1850), “The Character of the Happy Warrior”.

ясняется: оно призвано поднять весьма важный и для читателя и для автора вопрос о том, как человек может познать чужую страну, если он просто приезжий иностранец, и как выразить это знание, если допустить, что оно возможно.

Познать Италию, по мнению Фуллер, совершенно невозможно, а для того, чтобы сказать об Италии нечто такое, что передавало бы хоть как-то её дух, нужно долго жить в этой стране, в местах далёких от нашествия туристов, «отдаться духу места», «проникнуться чувством», – что невозможно для большинства американцев, сохраняющих в себе слишком много английского [2, с. 132]. Путешествующие англичане, полагает Маргарет, – «самые невидящие среди всех живых существ» [2, с. 132]. Англичане хороши, отмечает Фуллер, когда они у себя дома, их достоинства – уважение к правде, чести, практический ум, настойчивость, но в Италии англичане выглядят не так хорошо, «не подходят к её ландшафту», их манеры, их достоинства и деловитость неуместны в Сикстинской капелле [2, с. 132].

Что же может помочь современному человеку видеть? Одной из опор, по мнению Фуллер, является изобразительное искусство, обращённое непосредственно к зрению и чувственному восприятию в целом. В своих депешах она много рассуждает об искусстве, анализирует художественные произведения и методы авторов с тем, чтобы выработать свою собственную повествовательную стратегию и изложить её принципы своим читателям как соучастникам в постижении смысла переживаемого исторического момента.

О том, насколько важны были эти размышления, свидетельствует тот факт, что они составляют по объёму значительную часть текста депеш, написанных в самый разгар революционных событий, и тесно переплетаются с репортажем и анализом происходящего. Редактор «Нью-Йорк Трибюн» Хорас Грили дал депешам Фуллер при публикации в газете подзаголовки; вот некоторые из них: «Искусство, политика и надежда Рима» [2, с. 131]; «Короли, республиканцы и американские художники» [2, с. 260] – депеша от 20-го марта 1849 года, когда революционный конфликт достиг своего апогея.

Фуллер была хорошо знакома с европейским искусством, поскольку всегда глубоко интересовалась историей культуры, но в Европе она впервые получила возможность своими глазами увидеть произведения великих мастеров. Маргарет отмечает, что в Италии многое открыла для себя вновь: «Портреты Тициана смотрят на меня

со стен, такие новые и незнакомые. Это портреты людей, какими я их не знала» [2, с. 134]; живопись Тициана сумела «развить мою способность смотреть до неведомой мне прежде степени» [2, с. 135].

Наблюдения над собственным эстетическим опытом ведут Фуллер к раздумьям о всеобщем и национальном в сфере искусства. Её поразила поздний Тернер: он ушёл от «привычного для английского джентльмена взгляда на природу, который предполагает немного чувства и очень развитый вкус» [2, с. 114], пишет Фуллер, он увидел первозданное в Природе и старается изобразить эти первоначальные формы. Тернер стремится к этой «цели, столь противоположной практичной и поверхностной склонности английского ума» [2, с. 114], но в рисунках Пиранези, в картинах Рембрандта, полагает она, мы видим этот великий язык представленным более верно.

С практичными английскими туристами Фуллер несколько примиряет посещение студии известного скульптора Лоуренса Макдональда (Lawrence Macdonald, 1799–1878), открывшего в Риме в 1823 году Британскую академию искусств. Там она увидела его скульптурные портреты английских ораторов, государственных деятелей, прекрасных дам. Скульптуры убедили её в том, что эти люди заслуживали быть увековеченными в мраморе. К сожалению, отмечает Фуллер, «во плоти и крови они смотрятся куда хуже: демонстрируют обычную холодность своего темперамента, обычное следование ничтожным условностям», необходим какой-то великий случай, чтобы взволновать их и сделать такими же свободными и достойными, какими их изобразил скульптор [2, с. 132].

Фуллер поднимает, как видим, основной вопрос эстетики – вопрос об отношениях искусства и жизни. Как и другие романтики, она полагает, что искусству дано проникать в сокровенные глубины жизни и через видимое выражать невидимое, утверждать ценность искусства как формы знания. Рассказывая о задуманном молодым американским художником Томасом Хиксом грандиозном многофигурном полотне, Фуллер пишет, что, если ему удастся осуществить свой замысел, то это будет «великим благом для тех, кто любит Искусство, кто любит Истину» [2, с. 265]; на полотнах американских художников она надеется увидеть не просто копии великолепной американской природы, но и «выражение её божественного духа» [2, с. 266].

В этом контексте Фуллер ставит вопрос о молодой американской национальной культуре: найдёт ли Америка своё достойное выражение, сможет ли кто-либо из молодых американцев сделать то, что сделал Макдональд – раскрыть внутренние возможности своих соотечественников и запечатлеть их.

Фуллер проявляет большой интерес к американским художникам в Италии, её волнуют их творческие перспективы. Она возлагает большие надежды на скульптуру, считает её естественной для американцев, поскольку твёрдость материала и чёткость форм отвечают их позитивной природе в большей мере, чем живопись и поэзия; именно в скульптуре американцы, полагает она, смогут запечатлеть свой опыт, и статуи украсят общественные здания.

Однако оказывается, что не всё так благополучно в отношениях между искусством и жизнью: Фуллер обнаруживает, что расовые предрассудки американцев проникают в их искусство. Например, скульптор Джозеф Мозье (Joseph Mozier, 1812–1870), в чьих работах Маргарет прежде отмечала умение передавать портретное сходство, создал идеализированный бюст Покахонтас и получил множество заказов на копии с него. Портрет, отмечает Фуллер, соединил в себе детскость, нежность и достоинство принцессы, выразив представление о её характере, но в нём не было никаких следов её индейского происхождения. Затем Фуллер обращает внимание на групповую композицию скульптора Горацио Гриноу (Horatio Greenough, 1805–1852), которая, по её мнению, отвечает по духу романам Фенимора Купера и будет, тем самым, «очень поучительной» для американцев [2, с. 268], ей хотелось бы, чтобы Гриноу изваял в мраморе настоящего благородного индейца – при этом не великого вождя, а обычного жителя лесов. Маргарет, как видим, хотела, чтобы демократический идеал человеческого равенства и братства независимо от цвета кожи торжествовал в искусстве, помогая установить его и в жизни.

Размышления Фуллер о задачах американских художников и скульпторов в депешах теснейшим образом переплетаются с анализом состояния американского общества и ситуации в охваченной революциями Европе, ведь американское искусство, в её понимании, должно способствовать продвижению великих общечеловеческих идеалов свободы, утверждавшихся Американской революцией. О том, сколь взаимосвязаны эти нити, можно судить по тому, как

Фуллер подходит к теме создания памятника Вашингтону. Одной из достопримечательностей Рима является, как известно, конная статуя Марка Аврелия, императора-философа, почитавшегося отцами-основателями США; Фуллер считает, что необходимо создать аналогичную конную статую Вашингтона и это должно быть государственным заказом и национальной задачей: «Дома, после всех хвалебных речей на празднованиях 4 июля становись равнодушен к характеру Вашингтона. Но видя борьбу других народов и недостатки их лидеров, сердце вновь оживает к пониманию его достоинств» [2, с. 269]. Вашингтон, отмечает Фуллер, сочетал в себе качества лидера, необходимые в тот исторический момент, со скромностью и честностью. Маргарет описывает проект скульптора Томаса Кроуфорда (Thomas Crawford, 1814–1857): он изобразил Вашингтона в его обычной одежде и крылатую фигуру Славы, награждающую Вашингтона лавровым венком, который тот отклоняет жестом, словно говорит, что ему не нужны награды, только само дело. Фуллер замысел понравился, но она не отказалась и от идеи создания конной статуи, подобной статуи Марка Аврелия, считала, что свои проекты могли бы предложить и получить заказы и Гриноу, и Кроуфорд, и Хирам Пауэрс (Hiram Powers, 1805–1873): «У нас в стране достаточно денег, и чем больше хорошего люди смогут увидеть бесплатно на улицах днём, тем лучше» [2, с. 270].

Отметим здесь демократизм Фуллер, желание сделать высокое искусство доступным для всех граждан страны и понимание необходимости просвещения людей, воспитания у них способности смотреть и видеть. Ведь даже путешествие в Европу само по себе, как она отмечает, многим американцам не помогает: «Американец, побывав за границей, становится ещё невежественней, поскольку опирается на свои сырые впечатления и частые ошибки» [2, с. 258]. «Без скромного рассмотрения, терпеливого изучения и наблюдения он тратит свои деньги и возвращается домой, приобретя, возможно, новое пальто, но ум его не обогащается, а обманывается. Необходимо говорить на языке этих стран, знать лично некоторых из их обитателей, чтобы сформировать достоверные впечатления», – подчёркивает Фуллер [2, с. 258].

Отношение многих американцев к Римской революции ещё больше убеждало её в этом. Фуллер всей душой болела за Римскую Республику, агитировала американцев оказать Республике

моральную поддержку. Вначале у Фуллер были надежды, она писала: «Пожалуйста, направьте сюда хорошего посла – человека, имеющего опыт жизни за рубежом, чтобы он мог действовать с пониманием; и, если это возможно, человека, имеющего познания и взгляды, выходящие за пределы партийного противоборства в Соединённых Штатах; человека принципиального, но понимающего разнообразие форм. И направьте человека, который мог бы оценить по достоинству возможность жить и работать в Риме». Она даже восклицала, что «в ином веке сама могла бы попроситься назначить её послом», «но время женщины ещё не пришло» [2, с. 245].

Маргарет болезненно воспринимала тот факт, что США не оказали Римской Республике моральной поддержки; «Рим, как и мы когда-то, сверг правительство, ставшее невыносимым, с помощью выборов сформировал другое, стоит на тех же принципах, что и мы», – восклицала она [2, с. 277].

Поэтому она с восторгом пишет о том, что среди американцев в Риме всё же нашлись те, кто проявил должную солидарность. Особенно отрадно ей, что таким человеком стал художник, – Томас Кроуфорд, американский скульптор ирландского происхождения, на которого она возлагала такие большие надежды в связи с задачей создания памятника Вашингтону. (Надежды Маргарет, надо сказать, оправдались, пусть ей и не довелось этого увидеть: Кроуфорд стал автором конной статуи Вашингтона (1857) в Ричмонде, штат Виргиния, и статуи Свободы (1860), водружённой на куполе Капитолия в столице страны – Вашингтоне.) Ещё в начале революционных событий Кроуфорд присоединился к римской Национальной гвардии. Фуллер пишет, что это «настоящая жертва со стороны художника тратить время на военную тренировку, но это поступок достойный скульптора, создавшего прекрасный образ Орфея» [2, с. 159]. В лице Кроуфорда она находит художника, являющего пример силы духа и глубины понимания, верного романтическому принципу жизнестроительства.

Но таких людей было мало, большинство американцев в Италии, как пишет Фуллер, продолжали думать об итальянцах так же, как о рабах у себя на родине: «раз люди унижены плохими институтами, они и не достойны лучших» [2, с. 159], – борьба за демократию в Италии была, как мы можем убедиться, прочно связана в сознании Фуллер с задачами борьбы против рабства в США.

В Риме провозглашена Республика, сцену провозглашения Фуллер описывает мощными мазками: знамёна, площадь перед дворцом сената, на которой один из депутатов, поднявшись по ступеням, читает собравшимся Декрет о конституционной ассамблее Рима (Фуллер приводит текст этого декрета в своей депеше). Каждое провозглашённое положение отмечено паузой глашатая, звоном большого колокола Капитолия, пушечным залпом и возгласами толпы: «Да здравствует Республика! Да здравствует Италия!». Саму Фуллер происходящее воодушевляет, приводит в восторг, и она ищет среди соотечественников аналогичного отклика, но американца, стоявшего рядом с ней, не тронуло это великое зрелище. Фуллер с горечью пишет: «Получив всё, что ему дано по рождению благодаря торжеству Демократии, он был совершенно равнодушен к манифестации на священном холме Рима» [2, с. 257–258].

Есть у этой сцены и другой печальный аспект – равнодушным американцем оказался художник: «Проведя зиму в Риме, изучая искусство, он остался бесчувствен к художественной красоте сцены перед ним – бесчувствен к этой новой жизни того самого духа, из которого произошли все те формы, на которые он взирает в галереях» [2, с. 258]. Фигуры двух художников – Кроуфорда и его антипода – как два полюса депеши Маргарет: далеко не всегда искусство способно научить смотреть и видеть, и порой даже сам художник остаётся слеп.

Вопрос об отношениях искусства и жизни, об ограниченности человеческого взгляда и понимания – один из центральных в римских депешах Фуллер. Развивая тему зависимости человеческого восприятия от традиций национальной культуры, от личных качеств человека, его просвещённости и иных обстоятельств, Фуллер, тем самым, стремилась удержать своих американских читателей от опрометчивых выводов, подготовить их к пониманию происходивших в Европе событий, к сопереживанию и сочувствию – этим великим проявлениям человечности.

В мае 1849 года политическое противостояние достигло предела, французские войска осадили революционный Рим. Фуллер работала в республиканском госпитале, видела страдания и смерть, сама рисковала жизнью. В эти дни, парадоксальным образом, вопрос об отношениях искусства и жизни встал остро и в совершенно особой плоскости. «Да! Французы, претендующие на то, чтобы быть авангардом цивилизации,

обстреливают Рим, – пишет Фуллер. – Они покусились на уничтожение богатейшего наследия, оставленного человеку Прошлым. Более того, они, кажется, делают это особенно варварским образом. Думали, что они будут всячески избегать обстреливать госпитали для раненых, – их поместили чёрными флагами, – и места самых драгоценных памятников, но несколько снарядов упали на главный госпиталь, и явно, что Капитолий находится под особым пристрелом» [2, с. 298].

На этом катастрофическом разломе истории, когда мир цивилизации, как оборотень, стал миром варваров, Фуллер самой пришлось сделать нелёгкий выбор между искусством и жизнью. Во время французской осады встал вопрос о том, что дальнейшее сопротивление защитников Республики может привести к гибели памятников искусства, Фуллер сделала свой выбор решительно в пользу Республики: «Мы все очень опечалены, потому что мысль о варварских обстрелах и уличных боях в Риме особенно ужасает. Помимо кровопролития и страданий, неизбеж-

ных в таких случаях, могут погибнуть великие произведения Искусства, человечество может лишиться своего самого прекрасного наследия. Однако я бы защищала Рим до последнего. Он не должен предать ту высокую надежду, которая его озарила. Он не должен вернуться к прежнему раболепию и коррупции. И никто этого не хочет. Вмешательство французов подвигло к сопротивлению даже самых слабых» [2, с. 276].

Подводя итоги, можно сказать, что публицистика Фуллер была плодотворным синтезом художественных форм, размышлений об искусстве, документов, репортажа; этот синтез позволил ей донести до читателей сложность, масштаб и значимость европейских событий, выразить свою собственную позицию, выступив на стороне революционеров, в которых она видела продолжателей дела, начатого Американской революцией. Изучение европейских депеш Фуллер и её наследия в целом помогает лучше понять историю американской литературы, вклад американских романтиков в развитие публицистики и общественного сознания.

Список литературы

1. Кизима М.П. Маргарет Фуллер – иностранный корреспондент в Европе // Американский ежегодник 2016 / Отв. ред. проф. В. В. Согрин. М.: Издательство «Весь Мир», 2017, с. 121–128.
2. Fuller, Margaret. “These Sad but Glorious Days”: Dispatches from Europe, 1846 – 1850 / Ed. By Larry J. Reynolds and Susan Belasco Smith. New Haven and London: Yale University Press, 1991. XIV, 338 p.
3. Margaret Fuller: Transatlantic Crossings in a Revolutionary Age / Ed. by Charles Capper and Cristina Giorcelli. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2007. 288 p.

Сведения об авторе:

Кизима Марина Прокофьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: история и культура США, история литератур народов Европы и Америки, история русской литературы, русско-американские и русско-английские культурные связи, культурология, художественный перевод. E-mail: m.kizima@inno.mgimo.ru.

SYNTHESIS OF DOCUMENTARY AND ARTISTIC APPROACHES IN MARGARET FULLER’S DISPATCHES FROM THE REVOLUTIONARY ROME

Marina P. Kizima

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *Margaret Fuller (1810–1850) – an American Romantic writer – as a foreign correspondent of the U. S. A. in Europe covered the revolutionary events of 1848–49 for the New York Tribune. Her*

dispatches from Rome are especially interesting for researchers, as Fuller was both a witness and a participant of the revolution in Rome; these dispatches are the object of analysis here.

Fuller combined a journalistic report with an attempt to grasp the historic significance of the events. The analysis shows that, to achieve this goal, she used the experience of the historical genres of literature and fine arts. Fuller compared the events in Rome and their participants with the images created by writers and artists, analyzed the methods of the authors in order to develop her own narrative strategies and explain them to the readers as her partners on the way to understanding the meaning of the historic moment the world was living through. Fuller's publicistic works were a synthesis of artistic forms, documents and journalistic reports; this synthesis enabled her to show the scale and significance of the events in Europe, express her own position and support the revolutionaries who, she believed, continued the cause of the American Revolution.

Key Words: *Margaret Fuller, foreign correspondent, dispatches to the New York Tribune, American Romanticism, European revolutions, Revolution in Rome 1848–49, publicistic works, synthesis of documents and art.*

References

1. Kizima M. P. Margaret Fuller – inostranny korrespondent v Evrope. [Margaret Fuller – foreign correspondent in Europe]. *Amerikansky ezhegodnik 2016 / Otv. red. prof. V. V. Sogrin. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir»* [American Yearbook 2016 / Editor-in-Chief Professor V. V. Sogrin]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2017, pp. 121–128 (in Russian).
2. Fuller, Margaret. "These Sad but Glorious Days": Dispatches from Europe, 1846 – 1850 / Ed. By Larry J. Reynolds and Susan Belasco Smith. New Haven and London: Yale University Press, 1991. XIV, 338 p.
3. Margaret Fuller: Transatlantic Crossings in a Revolutionary Age / Ed. by Charles Capper and Cristina Giorcelli. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2007. 288 p.

About the author:

Marina P. Kizima – Doctor of Letters, Professor of the Department of World Literature and Culture, MGIMO–University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: history and culture of the U. S. A., history of European and American literatures, history of Russian literature, Russian–American and Russian–British cultural ties, cultural studies, literary translation. E-mail: m.kizima@inno.mgimo.ru.

★ ★ ★

ПСЕВДОПРИМЕТЫ: ВЕРИТЬ ИЛИ НЕТ?

Н.Н. Фаттахова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Россия, Казань, Кремлевская 18

Приметы рассматриваются как один из древних способов кодирования бытового поведения, беспрекословное соблюдение которых гарантировало архетипическому человеку стабильность и благополучие в повседневной жизни. Бытовые приметы фиксируют кодификацию будничной жизни, оформляя в виде устойчивых, хорошо структурированных моделей, дошедших до наших дней практически без изменений.

Цель работы – исследовать так называемые «псевдоприметы», которые лежат в основе телевизионного сериала «Слепая» (638 серий), специфику их функционирования во временном континууме. Представленная парадигма новых примет эксплицирует новые свойства и признаки древнего жанра на основе системных и несистемных связей, возникающих на пересечении основных семантических координат, выстраивается особый модельный тип примет, свидетельствующий о попытке мифологизации сознания современного человека, поскольку телевидение, являясь эффективным средством внушения, размывает грани между реальностью и вымышленным миром. Результаты исследования, проводимого в течение 30 лет, свидетельствуют о том, что если метеорологические и сельскохозяйственные приметы постепенно переходят в пассивный запас русского языка, то бытовые приметы активно используются в разных группах населения. В числе аргументов в пользу данного вывода можно отметить и появление значительного количества научных исследований, ориентированных на описание суеверий и на поиск ответа на вопросы: почему возникли суеверия, для чего они нужны, почему мы в них верим. Материал статьи позволил сформулировать объяснение оснований для прогнозирования наиболее вероятных причин столь широкого распространения бытовых примет.

Ключевые слова: бытовые приметы, кодификация будничной жизни, структура примет, семантико-синтаксические отношения.

Введение

Содержание словосочетания «народная примета» до сих пор чётко не определено, оно используется для обозначения разного рода устойчивых конструкций, построенных на наблюдении за взаимодействием человека с окружающей действительностью. При этом почти все публикации, связанные с описанием паремиологического фонда русского языка, включающего наряду с пословицами, поговорками и приметы, содержат указание на то, что приметы относятся к произведениям народного творчества особого рода. В XIX веке основное внимание исследователей было уде-

лено вопросам происхождения малых жанров фольклора, отражению в них «первобытного мирозерцания», характеристике символической сущности подобных конструкций. Н.В. Крушевский, размышляя о природе возникновения заговоров, примет, предсказаний о погоде, поверий, писал: «ум человеческий всегда склонен смешивать наблюдение с выводом. ... Повсюду в природе первобытный человек видит явления, он делает вывод, что это суть действия, смешивает вывод с наблюдением и убеждён, что он видит повсюду действия» [5, с. 6]. А.Н. Афанасьев считает, что «примета всегда указывает на какое-нибудь соотношение, большею частью уже непонятное для народа, между явлениями

физического и нравственного, из которых одно служит предвестием другого, непосредственно за ним следующего, долженствующего сбыться в скором времени» [1, с. 240]. А.А. Потебня считает, что «примета в своём древнейшем виде есть развитие отдельного слова, видоизменение сравнения», и указывает на причинно-следственную связь двух явлений: «примета предполагает, что лежащие в её основании члены сравнения тесно ассоциировались между собою и расположились так, что в действительности дан только первый, вызывающий своим присутствием ожидание второго» [10, с. 176].

В конце XX века обострился интерес к изучению народной приметы и были достигнуты значительные результаты в определении статуса народных примет на пересечении разных дисциплин, в частности фольклористики и лингвистики, как на материале одного языка, так и в сопоставительном аспекте. Реализованные в русле лингвофольклористики исследования позволяют детализировать специфику примет как фольклорного текста, рассмотреть структурно-семантические особенности, выявить значимые концепты и ключевые слова, определить прагматико-предсказательную природу, детально описать семантико-синтаксическую и пропозиционально-модусную структуру примет, изучить их в сопоставительном аспекте. Исследования последних лет значительно расширили наши представления о структуре, семантике, синтаксисе и прагматике народных примет русского языка. Народная примета определяется как клишированное высказывание, реализующее прогностическую функцию [9, с. 256]. В.К. Харченко считает, что примета – это «проверенное многократными наблюдениями или традиционно принятое и передаваемое из поколения в поколение предсказание событий» [14, с. 78]. Нам представляется, что приметы можно определить как «устойчивые конструкции, в которых запечатлён коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определённого этноса, и построенный на основе данного опыта прогноз-предсказание» [12, с. 40]. Кроме того, сопоставительное изучение примет в разнотипных языках привело к убеждению в том, что структура народных примет универсальна, поскольку она построена на формуле «Если А, то следует ожидать В», внешне напоминающей логическую импликацию, однако в основе любой приметы лежит ожидание, кото-

рое не требует обоснования, мотивации. «На ожиданиях, а не на логических оценках, связях, зависимостях зиждется всё раннее воспитание членов общества. Ожидание возникает в сознании раньше, чем формируется способность критически, то есть «логически» мыслить» [16, с. 70-71]. Семантика ожидания во всех сопоставляемых нами языках (русском, английском, немецком, татарском, турецком и китайском) отражается в условно-временных конструкциях, имеющих конкретные языковые воплощения. Стратегия идентификации народных примет, их отграничение от сходных конструкций во всех языках опирается на системообразующие признаки: лексические, семантико-синтаксические и функциональные. На этом общем фоне к настоящему моменту сформировались некоторые критерии разграничения различных групп народных примет, к которым традиционно относят метеорологические, сельскохозяйственные, бытовые, профессиональные, а также суеверия. Очевидно, суеверные приметы – самая ранняя группа примет, в основе которых лежит убеждённость в том, что слово – это не условное обозначение некоторого предмета, а его часть. Такое представление было характерно для дологического мышления первобытного человека, который считал, что рассказа о прошлом достаточно, чтобы объяснить настоящее; сходные явления могут не просто сближаться, но отождествляться; следование во времени может пониматься как причинно-следственная связь, а имя вещи – как её сущность [6, с. 42]. В настоящее время осуществляются исследования в области анализа современных суеверных примет, их соотношения с религией. Учёные указывают, что вера в приметы многократно возрастает, если человек сталкивается с риском, опасностью, непредвиденной ситуацией, в частности, Габриэля Лепори рассматривает проблемы зависимости принятия экономических решений от явлений, наблюдаемых на небе [17, с. 3].

Приведённый обзор исследовательских работ позволяет утверждать, что проблема структурно-семантического и прагматического анализа народных примет является весьма актуальной, однако вопрос их функционально-коммуникативной реализации практически не прояснён, при том, что обращение к дискурсу, прежде всего кинематографическому, даёт возможность выявить причины активизации суеверий в современном обществе.

Основная часть

Сущностные характеристики приметы

Основной признак народной приметы состоит в том, что между двумя событиями нет логической связи, с таким пониманием перекликаются и высказывания писателей, например, Л. Толстой пишет: *«Крестьяне говорят, что поздней весной дует холодный ветер, потому что почка дуба развёртывается, и действительно, всякую весну дует холодный ветер, когда развёртывается дуб. Но хотя причина дующего при развёртывании дуба холодного ветра мне неизвестна, я не могу согласиться с крестьянами в том, что причина холодного ветра есть развёртывание почки дуба потому только, что сила ветра находится вне влияния почки. Я вижу только совпадение тех условий, которые бывают во всяком жизненном явлении...»* [11, с. 465]. Однако, как показывают исследования учёных, в основе большинства примет лежат определённые объективные факты, основанные на причинно-следственных связях. Например, И. Панкеев, рассматривая примету *Соль просыпаться – к соре*, указывает на то, что соль долгое время на Руси была дорогой, поэтому относились к ней как к очень ценному продукту, следовательно, просыпать соль – значит навлечь на себя гнев [8, с. 62]. Биологи объяснили справедливость приметы: *Где ольха, там сена вороха*, астрономы подтверждают примету: *На Тихона солнце идёт тише*, сибирские генетики экспериментально проверили справедливость приметы: *Если больше рождается мальчиков, дело идёт к войне*. Энтомологи, орнитологи, фенологи профессионально объясняют приметы, в которых говорится о насекомых, птицах, погодных условиях [14, с.76].

Материалы и методы

Так что такое примета и почему в настоящее время возрождается этот древний жанр фольклора? Поиски ответа на поставленный таким образом вопрос требуют выхода за рамки понимания приметы только как элемента фольклорного жанра и анализа не только внешней структуры приметы, но и внутренней, кроме того, требуют применения адекватных методов исследования, к которым можно отнести оппозитивный, ассоциативный, прототипический и ситуационный подходы с их ключевыми понятиями. Очевидно, первоначально приметы были основаны на долгосрочных наблюдениях за погодой, это была просто констатация факта, которая затем получала практическое значение:

стремление определить погоду на предстоящий день было продиктовано необходимостью планирования деятельности на следующий день, поскольку оно влияло на урожай, а следовательно, на условия выживания первобытного человека: *Если зимой тепло – летом холодно* [4, с. 310], *Если зимою вьюги – летом ненастье* [4, с. 310], *Холодная зима – благодать – к урожаю* [4, с. 310]. Приметы возникали на основе наблюдений за природными явлениями, животным и растительным миром: *Если зимой тепло – летом холодно* [4, с. 566]; *Журавль прилетел – тепло принёс* [4, с. 129]; *Ранний прилёт жаворонков – к тёплой весне* [4, с. 129]. Наивная метеорология тесно связана с сельскохозяйственными приметами, которые позволяли определить благоприятное время для осуществления сельскохозяйственных работ, регламентировали поведение человека в условиях прямой зависимости первобытного человека от природы в условиях непредсказуемости и неопределённости получения урожая: *Много снегу – много хлеба* [3, с. 310]; *Коли в мае дождь, будет и рожь* [3, с. 327]; *Звёздная ночь с 15 на 16 января – к урожаю льна* [4, с. 40]. Метеорологические и сельскохозяйственные приметы передавались из поколения в поколение, они регламентировали деятельность не только крестьянина, но представителей других профессий: моряков, охотников и других, так как умение ориентироваться по природным знакам помогало не только быть успешным в профессии, но и сохранить свою жизнь и имущество. Параллельно развивались и бытовые приметы, представляющие собой своеобразный кодекс бытового поведения, который нормирует и регламентирует поведение человека в различных ситуациях.

Семантика предсказания, реализованная в разных группах примет, на поверхностном уровне выражается в условно-временной конструкции, которая находит своё отражение в сложно-подчинённых, сложносочинённых, бессоюзных и простых предложениях. Условно-временная семантика может выражаться эксплицитно (на лексическом и семантико-синтаксическом уровнях) и имплицитно. Основное различие между разными группами народных примет находится в плоскости дополнительных семантических значений (обобщённости, аналогичности) и прагматических установок. Поскольку нас интересуют бытовые приметы, в основе которых лежат поведенческие коды, складывавшиеся исторически и существующие в виде «неписанных и

писанных законов» [6, с. 297], определённое место в дальнейших исследованиях может занять изучение проблемы соотношения структуры и семантики, реализованных в суевериях. «Неписанные законы основаны на убеждённости, что *так все делают, так ведётся издавна, так все делают, и я должен делать*. Народные приметы кодифицируют будничную жизнь и поведение человека, формируя универсальные правила, которые могут быть приложены к широкому кругу повседневных явлений» [13, с. 122].

Результаты

Приметы в кинематографическом дискурсе

Приметы, лежащие в основе сериала «Слепая», актуализируются бабой Ниной, поскольку в традиции основными носительницами и хранительницами архаической информации являются женщины (старухи) [15, с. 157]. Баба Нина источник всех бед, происходящих с современным человеком, видит в не знании, в не соблюдении, в нарушении приметы (*есть такая примета, беда не просто к тебе пришла, разве не знал, что есть такая примета, ты сам виноват* и т.д.). Любой предмет, любая вещь, окружающая современного человека, может быть прочитана как знаковая, санкционированная устной традицией. К словам бабы Нины можно относиться с недоверием, особенно если жизненный опыт противоречит суеверной примете, можно доверять, полагаясь на бабу Нину как носительницу скрытых от непосвящённых знаний. Современному человеку, чтобы верить, «несущественно проверять истинность правила на опыте: он ему не нужен, во всяком случае, необязателен. Более того, опыт может не совпадать с правилом, даже противоречить ему, но не опровергнет правило» [15, с. 174]. Псевдоприметы внешне сохраняют все признаки народных примет, зафиксированных в словарях, месяцесловах, сборниках: они имеют структуру: *Нельзя...иначе* (запрет/разрешение... предостережение), при этом строятся на универсальных семиотических оппозициях: пространственных, временных, гендерных, возрастных, колористических и других, сохраняющих традиционное толкование. Наиболее частотны оппозиции свой–чужой, левый–правый, внутренний–внешний, полный–пустой и др. Семантика предсказания – универсальная для всех разновидностей примет – в бытовых приметах координируется с установкой на запрет/разрешение, с подчёркиванием изначальной свя-

зи их с семантикой аналогии, сходства явлений, поставленных в зависимость друг от друга. На этом принципе построены и приметы, лежащие в основе телевизионного сериала, когда подобное провоцирует появление подобного, как правило, негативного явления: *Нельзя недопитый чай в чашке оставлять, иначе жизнь будет неполной; Если в комнате стоит пустой чемодан, начинает человек о пустом суетиться; Если сахарница в доме всегда полная, то и жизнь будет полной, если пустая, то и жизнь пустая; Чужим именем называться плохая примета, можно с чужим именем чужую судьбу получить*.

В таких приметах фиксируется переход от предполагаемой денотативной ситуации до её вторичного осмысления с учётом имеющихся у транслятора исходных знаний. При этом в отличие от примет, зафиксированных в словарях, кинематографические варианты их употребления предполагают перевод семантики предположения в утверждение объективности той или иной ситуации. Наряду с модусом знания, предсказания, который носит облигаторный характер, кинематографический дискурс раскрывает и семантику веры/неверия в приметы.

В кинематографических приметах одной из наиболее частотных (200 примеров) является оппозиция *свой–чужой*, которая соответствует понятию норма – не норма. Данная оппозиция фиксируется и в сборниках, и в словарях, однако она не является многочисленной (10 примеров), поскольку основной центр в традиционных приметах – это свой дом, семья, ограниченный круг общения, без взаимоотношений с чужими: *О дне и часе родов чужим нельзя говорить* [8, с. 11], *Забрать какую-либо вещь в чужом доме – к скорому возвращению туда* [8, с. 42]; *Чужих кур не считай – сглазишь* [8, с. 77]; *Не бери чужой носовой платок – с ним и чужие слёзы к тебе перейдут* [8, с. 99]; *Если кто-то чужой по твоим следам идёт, то он забирает у тебя, впереди идущего, силу* [8, с. 113].

Кинематографические приметы активно используют данную оппозицию, при выделении которой имеется в виду акцентирование внимания на том, что она не является равнозначной, её можно разделить на составляющие компоненты, степень выраженности которых определяется количественно. Правая часть оппозиции значительно превалирует над левой (182/ 18), что свидетельствует о большем влиянии *чужого*¹ на раз-

¹ Чужой – 1. Не свой, не собственный, принадлежащий другим; 2. Не родной, не из своей семьи, посторонний [7, с. 889].

² Свой – принадлежащий себе, имеющий отношение к себе [7, с. 704].

личные жизненные ситуации. Запрет в приметах, зафиксированных в словарях, формирует алгоритм поведения человека в наиболее значимых жизненных ситуациях. Кинематографический дискурс расширяет спектр такого рода ситуаций, в центре которых отношения *свой – чужой*, при этом чужим может быть не только *незнакомый, посторонний, другой, незваный*, но и человек *близкий*, связанный родственными отношениями (мать, отец, брат, сестра и другие). *Свой* – только сам человек, значение «Родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью» [7, с. 704] исключается из понятия *свой*. Таким образом, сужается пространство своего и расширяется пространство чужого в жизни человека. Запрет существует на действия: *Нельзя, чтобы чужая женщина еду солила, иначе чужая место в доме займёт вместо жены; Нельзя подарка, что любимый дарит, другим дарить, так любовь потерять можно*; на предметы: *Нельзя пользоваться чужими шпательками, так можно чужие проблемы в свою жизнь принести*; на хранение чужих вещей: *Нельзя женщине вещи постороннего мужчины (брата) дома хранить – разлад с мужем будет*; на присутствие чужого человека в доме: *Если поздно вечером чужого человека в дом пустить, покоя не будет; Не пускать незваных гостей, иначе будут похороны*; на чужие имена: *Нельзя чужим именем представляться – это плохая примета, будешь несчастна*.

Признание оппозиции *свой–чужой* прототипной в кинематографическом дискурсе основывается на представлении её типичности для современной действительности и на результате взаимодействия некоторых факторов, свидетельствующих о том, что бытовые приметы, или суеверия, становятся всё более популярными. Приметы используются для снятия ответственности с человека за его поступки и шире – его жизнь. Вина человека состоит в том, что он не знает приметы, потерял древние знания, не видит логической связи между вещами и событиями, а не в его поступках, его отношении к жизни и с людьми (*вижу, почему тебе не везёт, почему это случилось с тобой – ты не знаешь приметы, ты не соблюдаешь приметы. Исправь – и всё в жизни наладится*). При этом появляются и новые предметы: *телефон, телевизор, наручные часы, машина* – знаки эпохи: *Нельзя свои вещи в чужих машинах оставлять – к беде это; Не подбিরайте чужих телефонов – это может навлечь беду; Если с тобой в кадр попадёт чужой мужчина, любовь случится*.

Решая вопрос о том, как соединить известное с неизвестным, нужно опираться на предшествующий опыт, однако такой опыт, по мнению бабы Нины, отсутствует у большинства людей. В этом случае примета заменяется определённым суждением, имеющим поучительное значение, требующее соблюдения правил поведения в обществе: *Нельзя надевать чужое кольцо – судьбу повторить; Нельзя чужими гребешками волосы причёсывать – это плохая примета, в личной жизни никогда порядка не будет; Нельзя свои дни рождения в чужом доме отмечать, а чужие в своём; Чужую мелочь собирать и с собой носить, плохая примета, будут ссоры и разногласия*; такие приметы являются очевидными, не требующими доказательств, скорее доказательство даёт сама жизнь: *Нельзя вешать свои и чужие вещи на одну вешалку – это приведёт к большим ссорам; Нельзя вещи любовницы дома хранить – к раздору во всей семье, а не только между мужем и женой*.

В кинематографическом дискурсе приметы «...являются не изолированными, как это имеет место в сборниках, но высказываются в отношении того или другого житейского случая» [2, с. 13], который эксплицирует уже случившееся негативное последствие незнания приметы, традиционно имеющей обобщённое значение без указания на конкретное следствие: *Нельзя свои вещи чужим давать – к несчастью; Нельзя никому давать свой шарф – плохая примета; Нельзя оставлять в доме картины от прежних хозяев, плохая примета; Никому нельзя свои украшения давать, особенно кольца, этим можно страшные беды накликают*. Как правило, следствие маркируется лексемами *счастье/несчастье*, беда или словосочетаниями *плохая (дурная) примета / хорошая (счастливая) примета* и т.п. Кинематографический дискурс индивидуализирует приметы, привязывая их к определённому субъекту, и эксплицирует следствие, выстраивая его перед условием, при этом следствие может получить полиаспектное прочтение: *Нельзя брать и хранить у себя чужие украшения против воли хозяйки, иначе отдадите свою любовь, хотите этого или нет; Нельзя, чтобы мужской шарф лежал в чужом доме, иначе хозяйка будет иметь власть над мужчиной*. Если рассмотреть соотношение названий серий и примет, на основе которых они сформировались, можно сказать, что приметы вербализуют имплицитные значения, они демонстрируют привязку к определённой ситуации, поскольку жизнь человека, его деятельность

проходят в пространстве предметного мира, в котором человека везде подстерегает опасность: *Нельзя, чтобы другая женщина выбирала украшения жене, иначе она не сможет завести детей; Нельзя, чтобы женщине кто-то колготки покупал, под чужое влияние попасть может; Надевать на себя чужую одежду – плохая примета, так можно всю жизнь запутать; Если ребенок по ошибке постороннего мужчину папой назвал, то этот человек может стать ему папой; Если кому-то позволить завязывать шнурки, узлы на шапке, то в чужие руки перейдут ваше здоровье и удача.*

Заключение

Таким образом, так называемые «псевдо-приметы», построенные по модели исконных примет, демонстрируют основные причины обращения к ним в разного рода дискурсах, связанных с современным человеком. В кинематографическом дискурсе приметы используются прежде всего в качестве исходного элемента для

организации сериала и привлечения внимания зрителя. Чтобы сериал мог заинтересовать, он должен строиться, с одной стороны, на стереотипных ситуациях, а с другой, обобщая, должен индивидуализировать картину мира конкретного зрителя. Приметы создают иллюзию того, что в случайных событиях можно выявить систему, что частные, индивидуальные события могут быть осмыслены как обобщённые ситуации с характерными составляющими, на фоне которых возникает эффект плацебо: уверенность в том, что соблюдение каких-либо условий поможет избежать, предупредить, отсрочить наступление негативных следствий определённых действий человека. Создаётся иллюзия того, что приметы, с одной стороны, помогают всё контролировать, а с другой стороны – помогают снизить психологическое напряжение, снимают с человека ответственность за принятие решений, особенно когда рационального поведения бывает недостаточно.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М.: Советская Россия, 1986. 368 с.
2. Богородицкий В.А. Психология поэтического творчества. Казань: типо-литография Императорского Ун-та, 1900. 27с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. Том 3. СПб.: ТОО «Диамант», 1996. 480 с.
4. Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах и поговорках. СПб., 1901-1905. Т.4. 700 с.
5. Крушевский Н.В. Заговоры как вид русской народной поэзии // Варшавские университетские известия. Варшава, 1876. № 3. С. 3-69.
6. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 432 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 994 с.
8. Панкеев И. Тайны русских суеверий. М.: Яуза, 1997. 200 с.
9. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
10. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков: тип. «Мирный труд», 1913. 225 с.
11. Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Огиз, 1945. 686 с.
12. Фаттахова Н.Н., Кулькова М.А. Народные приметы в разноструктурных языках: монография. М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. 252 с.
13. Фаттахова Н.Н. Семантика альтернативной мотивации в народных приметах // Филология и культура. Philology and culture. 2015, № 2. С. 122-127.
14. Харченко В.К. Язык народной приметы // Русский язык в школе. М., 1992. № 1. С. 78-82.
15. Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 154-178.
16. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.
17. Lepori Gabriele, Dark Omens in the Sky: Do Superstitious Beliefs Affect Investment Decisions? Дата обновления 08.06.2009 URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1428792 (дата обращения 01.11.1017).

Сведения об авторе:

Фаттахова Наиля Нурийхановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского (Приволжского) федерального университета. Сфера научных и профессиональных интересов: синтаксис современного русского языка, русская и сопоставительная паремиология, методика преподавания русского языка как родного, иностранного и неродного. Email: n-fattahova@mail.ru.

PSEUDO-OMENS: BELIEVE THEM OR NOT?

Nailya N. Fattakhova

Kazan (Volga region) Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation.

The Abstract: *Omens are considered to be one of the ancient ways of coding everyday behavior, unquestioning observance of which guaranteed the archetypal person stability and well being in everyday life. Household omens fix the codification of everyday life, making them in the form of stable, well-structured models that have survived almost unchanged.*

The aim of the work is to investigate the so-called "pseudo-omens", which are the basis of the television series "Blind" (638 series), the specifics of their functioning in the time continuum. The presented paradigm of new omens explicates new properties and features of the ancient genre on the basis of system and non-system connections arising at the intersection of the main semantic coordinates. The author builds a special model type of omens, indicating an attempt to mythologize the consciousness of a modern man, because television as an effective means of suggestion blurs the line between reality and the fictional world. The results of more than 30 years study show that while meteorological and agricultural omens gradually turn into a passive reserve of the Russian language, household omens are actively used in different groups of the population. Among the arguments in favor of this conclusion, we can note the emergence of a significant number of scientific studies focused on the description of superstitions and the search for an answer to the following questions: why superstitions were created, why they are still used, why we believe in them. The material of the article allowed to formulate an explanation of the grounds for predicting the most likely causes of such a wide spread of household omens.

Key Words: *household omens, codification of everyday life, structure of omens, semantic and syntactic relations.*

References

1. Afanas'ev A.N. Narod-hudozhnik: Mif. Fol'klor. Literatura [People-artist: a Myth. Folklore. Literature]. M.: Sovetskaya Rossiya, 1986. 368 s.
2. Bogoroditsky V.A. Psihologiya poeticheskogo tvorchestva [Psychology of poetic creativity]. Kazan': tipo-litografiya Imperatorskogo Un-ta, 1900. 27s.
3. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda [Progres of the Russian People]. Tom 3. SPb: TOO "Diamant", 1996. 480 s.
4. Ermolov A.S. Narodnaia sel'skokhoziaistvennaia mudrost' v posloviakh i pogovorkakh [Folk agricultural wisdom in proverbs and sayings.]. Spb., 1901-1905. T.4. 700 s.
5. Krushevskiy N.V. Zagovory kak vid russkoi narodnoi poezii [Conspiracies as a type of Russian folk poetry] // Varshavskie universitetskie izvestiia. Varshava, 1876. № 3. S. 3-69.
6. Mechkovskaia N.B. Semiotika: Iazyk. Priroda. Kul'tura [Semiotics: Language. Nature. Culture]: kurs lektsiy: Ucheb. posobie. M.: Izdatel'skii centr «Akademii», 2004. 432 s.
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovy slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4-e izd., dopolnennoe. M.: Azbukovnik, 1999. 994 s.
8. Pankeev I. Tainy russkikh sueverii [Secrets of the Russian superstitions]. M.: Yauza, 1997. 200 s.
9. Permyakov G.L. Osnovy strukturnoi paremiologii [Fundamentals of structural paremiology.]. M.: Nauka, 1988. 236 s.
10. Potebnia A.A. . Mysl' i iazyk [Thought and language.]. Har'kov: tip. «Mirny trud», 1913. 225 s.
11. Tolstoi L.N. Voina i mir [War and peace]. M.: Ogiz, 1945. 686 s.
12. Fattakhova N.N., Kul'kova M.A. Narodnye primety v raznostrukturnykh iazykakh [Folk omens in structurally different languages]: monografiia. M.: FLINTA : Nauka, 2013. 252 s.
13. Fattakhova N.N. Semantika al'ternativnoi motivatsii v narodnykh primetakh [Semantics of alternative motivation in folk superstitions] // Filologiya i kul'tura. Philology and culture. 2015, № 2. S. 122-127.
14. KHarchenko V.K. Iazyk narodnoi primety [The Language of folk omens] // Russkii iazyk v shkole. M., 1992. № 1. S. 78-82.
15. Civi'an T.V. Mifologicheskoe programmirovaniye povsednevnoi zhizni [Mythological programming of everyday life] // Etnicheskie stereotipy povedeniia. L.: Nauka, 1985. S. 154-178.
16. Cheremisina M.I., Kolosova T.A. Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniia [Essays on the theory of complex sentences]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 197 s.

17. Lepori Gabriele, Dark Omens in the Sky: Do Superstitious Beliefs Affect Investment Decisions? Data obnoveniia 08.06.2009
URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1428792 (data obrashcheniia 01.11.1017).

About the author:

Nailya N. Fattakhova – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Philology, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Russia). Spheres of research and professional interest: syntax of modern Russian, Russian and comparative paremiology, methods of teaching Russian as a native, foreign and non-native.
E-mail: n-fattahova@mail.ru.

★ ★ ★

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРСИДСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ ЧЁРНОГО И БЕЛОГО ЦВЕТОВ И ИХ РУССКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

М. Хадеми Могаддам, М. Резаи

Университет Тарбиат Модарес,
Иран, Тегеран, пр. Джалал Але-Ахмад

Как в русском, так и в персидском языке можно встретить устойчивые сочетания, которые имеют тождественный или похожий смысл и употребляются в одних и тех же сферах. В процессе преподавания русского языка как иностранного усвоение системы фразеологизмов должно начинаться с ознакомления имеющихся в двух языках соответствий, возникающих на основе общности картины мира.

В статье объектом исследования становятся фразеологизмы с компонентом чёрного и белого цветов в персидском и русском языках с точки зрения их семантики, употребления и выявления имеющихся в двух языках сходств и различий, так как семантика цвета является важной составляющей культуры, значимой для конструирования национальной картины мира.

Сопоставительный анализ данных оборотов свидетельствует о том, что между персидским и русским языками есть черты сходства и различия. Исходя из нашего анализа, фразеологизмы с компонентом чёрного и белого цветов в персидском языке и их русские эквиваленты можно разделить на 3 типа, различающихся разной степенью сходства: 1) полные эквиваленты: обороты в персидском языке, которые имеют тождественное строение, образную основу и семантику в русском языке; 2) частичные эквиваленты: обороты в персидском языке, различающиеся компонентами, структурой в русском языке, но передающие один и тот же смысл; 3) безэквивалентные конструкции: единицы, существующие только в персидском языке, связанные с мировосприятием иранского народа.

Ключевые слова: фразеологизм, белый цвет, чёрный цвет, русский язык, персидский язык.

В русском языке имеются образные устойчивые сочетания слов. Благодаря употреблению фразеологических оборотов речь становится образной, яркой и выразительной.

С использованием этих устойчивых сочетаний можно ёмко передать смысл высказывания. Например, о человеке, который бездельничает, говорят, что он «бьёт баклуши» [6, с.11].

Фразеологические обороты семантически неделимы. Их компоненты нельзя заменять или дополнять другими словами. Например: «вставлять палки (не «спицы» или «дубинки») в колеса» [8, с.103].

Фразеологизмы могут наилучшим образом показывать взаимосвязь между языком, мыслью и культурой. Поэтому фразеологизмы можно считать образными выражениями, связывающими язык и культуру. Таким образом, язык и культура являются неразделимыми [7, с.152].

Фразеология распространена во всех языковых полях. Феноменологическая литература представляет её как подполе лексикологии, посвящённое изучению словосочетаний.

Фразеологизмы возникают и находят употребление в повседневной жизни. Эти красивые краткие фразы передаются из поколения в поко-

ление и знакомят людей с мечтами, горестями, радостями, любовью, ненавистью, верой, честностью и даже суевериями их предков [5, с.282].

Фразеологические словари русского языка содержат множество пословиц, высказываний, выражений [9, с.356]. Критериями различения свободных словосочетаний и фразеологических единиц являются следующие факторы: 1) во фразеологическом обороте замена слов невозможна, но в свободном словосочетании можно заменить любое слово другим словом; 2) во фразеологическом обороте по смыслу каждое слово зависит от другого, а в свободном словосочетании слова сохраняют свою смысловую самостоятельность; 3) фразеологические единицы не создаются в речи и требуют запоминания, а свободные словосочетания создаются в речи и не требуют запоминания. Сложность проблемы может быть в значительной степени обусловлена отсутствием чётких границ между свободными словосочетаниями и фразеологическими единицами.

Фразеология – это научный подход к языку, который развился в двадцатом веке. Основателем фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины считается швейцарский учёный Шарль Балли, который впервые выделяет фразеологию как самостоятельную дисциплину в своей работе «*Traité de stylistique française*» (1909). Ш. Балли одним из первых определил цели и задачи стилистики как особой лингвистической дисциплины. Им была дана первая классификация фразеологизмов. Балли показал, что задачей стилистики является исследование и распределение языковых средств по сферам (или средам) общения и изучение эмоционально окрашенной речи.

В конце 50-х годов XX века В.В. Виноградов выделяет фразеологию в отдельную лингвистическую дисциплину. «Фразеологизмы представляют собой устойчивые сочетания слов, которые характеризуются слитностью, нечленимостью значения, принудительностью связей между словами и цельностью воспроизведения в речи» [2, с.109].

В.В. Виноградов классифицирует и разделяет фразеологизмы на три группы:

1) фразеологические сращения, которыми «называются такие семантически неделимые фразеологические обороты, в которых целостное значение совершенно несоотносительно с отдельными значениями составляющих их слов. Значение такого рода фразеологических оборотов является таким же немотивированным и со-

вершенно условным, как и семантика слов с непроизводной основой: *бить баклуши* и т.д.;

2) фразеологические единства – это такие фразеологические единицы, которые как и фразеологические сращения, являются семантически неделимыми и целостными, однако в них в отличие от фразеологических сращений целостная семантика является мотивированной отдельными значениями составляющих их слов: *держат камень за пазухой* и т.д.;

3) фразеологические сочетания – устойчивые сочетания слов, в которых существуют слова как со свободным, так и со связанным употреблением. Например: «*закадычный друг*» [1, с. 23].

Сравнивая разные языки, можно говорить о цветовой картине мира народа, то есть о комплексе ментальных изображений, специфических для определённой нации, и о таком восприятии цвета, которое характерно только для неё [3, с.112].

Основанием для проведения данного исследования послужил тот факт, что изучение фразеологизмов даёт нам более подробную информацию о людях, живущих в разных культурных средах. Кроме того, до этого времени фразеологизмы с компонентом цвета в персидском языке и их эквиваленты в русском не подвергались рассмотрению [4, с.18].

Мы исследуем фразеологические сращения, фразеологические единства и словосочетания русского языка в сопоставлении с персидскими фразеологизмами. Но можно сказать, что в большинстве случаев эквивалентами персидских фразеологизмов с компонентом белого и чёрного цветов являются фразеологические сочетания в русском языке.

В ходе анализа персидских и русских фразеологизмов и работы с фразеологическими словарями персидского и русского языков были выделены следующие три типа оборотов, характеризующихся разной степенью сходства:

1) полные эквиваленты: фразеологические обороты в персидском языке, имеющие тождественное строение и семантику в русском языке;

2) частичные эквиваленты: обороты в персидском языке, отличающиеся компонентами, структурой или сочетаемостью по сравнению с русскими, но передающие тот же смысл, что и в персидском;

3) безэквивалентные конструкции: единицы, существующие только в персидском языке,

связанные с мировосприятием иранского народа.

Первая группа состоит из персидских фразеологизмов, имеющих строение и семантику, тождественную русским фразеологическим единицам. В качестве примера можно привести *talāye siyāh* – *чёрное золото*: перифраза, заменяющая в персидском языке слово «*naft*», в русском языке – «нефть»; *Talāye sefid* – *белое золото*: перифраза, заменяющая слово «*ранбе*», в русском языке – «хлопок».

Фразеологизм *same sefid* (букв. «белый яд») имеет полный эквивалент в русском языке – *белая смерть*. По семантике в сопоставляемых языках он не различается: как в русском, так и в персидском языке, когда говорят «белая смерть», подразумевают «соль» или «сахар».

Parchame sefid neshān dadan – (букв. «показать белый флаг») тождественен русскому фразеологизму «выбросить белый флаг», т.е. «предложить перемирие», «сдаться».

Liste siyāh – (букв. «чёрный лист») в персидском языке обозначает перечень нежелательных лиц или предметов, в русском языке имеет полный эквивалент – *чёрный список*.

Bazare siyāh в персидском языке – товары, которые по какой-либо причине отсутствуют на оптовом или розничном рынках. В русском языке существует его полный эквивалент *чёрный рынок*.

Gozashteye siyāh (букв. «чёрное прошлое») в персидском языке означает дурную репутацию. В русском языке полным эквивалентом данного фразеологизма является *тёмное прошлое*.

Jom'e siyāh – (Чёрная пятница) пятница после Дня благодарения в США. С неё начинается традиционный рождественский сезон распродаж. Этот заимствованный термин одинаково употребляется как в персидском, так и в русском языке.

Некоторые фразеологические единицы образованы словосочетаниями со сравнительными союзами: *sefid mesle barf* – *белый как снег*; *sefid mesle gach* (о бледном лице) – *белый как мел*; *siyāh mesle shab* – *чёрный как ночь*.

Теперь рассмотрим фразеологические сочетания второй группы (частичные эквиваленты):

Фразеологизм *yek poole siyāh ham nemiarzad* (букв. «и чёрной монеты не стоит») имеет частичный эквивалент в русском языке – *и гроша ломаного не стоит*. Оба фразеологизма означают «не иметь никакой ценности».

Фразеологизму *Kodam goore siyāh raft* (букв. «в какую чёрную могилу он ушёл?») в русском

языке соответствует эквивалент *как в воду канул*. Оба значит «бесследно исчезнуть, скрыться из виду».

Фразеологизм *sefidbakht* (букв. «девушка с белым счастьем», «девушка с белой судьбой») в персидском языке обозначают «счастливую женщину, удачно вышедшую замуж (которую уважает муж)». В русском языке в этом значении употребляется *за хорошим мужем жена молодеет*.

Для фразеологизма *cheshmsefid* (букв. «человек с белыми глазами»), который обозначает в персидском языке «бесстыдный, обманчивый человек», в русском языке существует эквивалент *ни стыда, ни совести*.

Sefid shodane cheshme kasi (букв. «что-то глаза становятся белыми») в персидском языке значит «долго всматриваться куда-либо, ожидая с нетерпением появления кого-либо». В русском языке данное значение выражается *проглядеть все глаза*.

Фразеологизм *sefid rā siyāh kardan* (букв. «белое делать чёрным») в персидском языке имеет значение «исказить, извратить факты». В русском языке передают это значение фразеологизмом *перевернуть с ног на голову*.

В персидском языке фразеологизм *siahsookhte* (букв. «чёрно-жжёный») характеризует человека с чрезвычайно тёмным цветом кожи. В русском языке обычно употребляется *солнцем сожжённый*.

Siyāh kardan (букв. «делать чёрным») в персидском языке употребляется в двух значениях: 1) «обманывать», его эквивалентом в русском языке является *водить за нос*; 2) «испортить жизнь кому-либо», эквивалент данного фразеологизма в русском языке – *отравлять чью-то жизнь*.

Dast be siyāh-o sefid nazadan (букв. «не прикасаться ни к чёрному, ни к белому») в персидском языке означает «ничего не делать, бездействовать». В русском языке в этой ситуации употребляется фразеологическая единица *палец о палец не ударить*.

Poole sefid baraye rooze siyāh (букв. «белые деньги на чёрный день») в персидском языке обозначают «откладывать деньги на нужные времена». В русском языке употребляется фразеологизм *береги денежку на чёрный день*.

В персидском языке фразеологизм *bālātar az siyāhi rangi nist* (букв. «нет цвета выше чёрного») употребляется по отношению к человеку, который не боится столкнуться с предстоящими трудностями. Эквивалентом данного фразеоло-

гизма в русском языке можно считать *где наша не пропадала* и *ниже земли не упадёшь*.

С персидским фразеологизмом *dige siyāh jāme siyāh mikonad* (букв. «чёрный котёл делает платье чёрным») в русском языке соотносится *грязью играть – лишь руки марать* и *с кем поведёшься, от того и наберёшься*. Но надо отметить, что последний в персидском языке может быть использован как в негативном, так и в положительном значениях.

В персидском языке фразеологизм *omre roozhāye siyāh kootah ast* (букв. «трудные дни не продолжаются долго») значит, что трудные времена продолжаются недолго. В русском языке данное значение передаётся фразеологизмом *проливной дождь долго не идёт*.

Персидский фразеологизм *sag siyāh-o sefid nadārad* (букв. «чёрная собака не отличается от белой») значит «нет различия между двумя лицами или предметами». В русском языке в этой ситуации употребляются *два сапога пара* или *хрен редьки не слаще*.

К третьей группе относятся единицы, существующие только в персидском языке. Например:

Saghe siyāh (букв. «чёрный вкус») – в персидском языке символ незадачливости.

Sefid dast (букв. «белая рука») – в персидском языке значит «щедрый человек».

Sefidkar (букв. «белая работа») в персидском языке употребляется, когда говорят о добром и милосердном человеке.

В русском языке аналоги приведённых словосочетаний отсутствуют.

Результаты данного исследования показывают, что среди персидских фразеологизмов с компонентами цветов часто употребляются фразеологические единицы с компонентами чёрного и белого цветов.

Сопоставление фразеологизмов с компонентом белого и чёрного цветов в персидском и русском языках свидетельствует о том, что большинство указанных фразеологизмов имеет культурную природу и их появление обусловлено такими факторами, как географическая среда, отношения мужчины и женщины и т.д. Отношения между мужчинами и женщинами ярко отражаются во фразеологизмах, употребляющихся в персидском языке. Так, в частности, слово *bakht* (в значении «счастье, «судьба»») в персидском языке встречается во фразеологизмах как с компонентом белого, так и чёрного цветов. Данные фразеологизмы, как правило, употребляются по отношению к женщинам и обозначают удачный или неудачный брак. Между тем, они редко употребляются в применении к мужчинам, и это может рассматриваться как свидетельство господствующего положения мужчины в иранском обществе. Среди факторов, обуславливающих появление тех или иных фразеологизмов, можно назвать географическое положение, природные особенности, обычаи и традиции населения страны.

Список литературы

1. Виноградов, В.В. Русский язык; Учебное пособие. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 601 с.
2. Головин, Б.Н. Введение в языкознание. М., 1977. 312 с.
3. Котышова М.А. Фразеологические единицы с компонентом-кolorативом «белый» в русском и чешском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. ч. 3. с. 112-113.
4. Маркова Е.М. Лингвокультурная асимметрия цветовых обозначений в славянских (русском и чешском) языках // Русский язык как инославянский. Белград: Славистичко дружество, 2013. Вып. V. Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении. с. 17-24.
5. Маркова Е.М. Фразеологизмы с компонентом-кolorативом в славянских языках в аспекте отражения их лингвокультурной специфики // Фразеология в многоязычном обществе: сборник трудов Международной Фразеологической конференции «Eurphrag»: в 2-х т. Казань: изд-во «ХЭТЕР», 2013. Т. 1. с. 281-288.
6. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. 208 с.
7. Смирнова М.А. Художественный образ в графической композиции // Научно-методологические и социальные аспекты психологии и педагогики: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. с. 151-153.
8. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. А.Н. Тихонова; сост. А. Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. М.: Флинта; Наука, 2004. 832 с.
9. Шанский Н.М., Иванов В.В., Современный русский язык. ч.1. М., 1981. 256 с.

Сведения об авторах:

Хадеми Могоддам Мохсен – кандидат филологических наук, выпускник аспирантуры университета Тарбият Модарес. Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика русского языка, лингвокультурология, политический, экономический и научный перевод. E-mail: mohsenkhademi.63@gmail.com.

Резаи Маджид – аспирант русского языка университета Тарбият Модарес. Сфера научных и профессиональных интересов: литература русского языка, лингвокультурология, экономический и научный перевод. E-mail: majid_rezaei@mail.ru.

COMPARATIVE ANALYSIS OF PERSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COMPONENT OF BLACK AND WHITE COLORS AND THEIR RUSSIAN EQUIVALENTS

M. Khademi Moghaddam, M. Rezaei

University of Tarbiat Modares,
Iran, Tehran, Jalal Ale Ahmad Ave.

The Abstract: *In the Russian and Persian languages we can find stable combinations that have the same or similar meaning used in the same sphere. Such syntagmatically linked phrases must be compared when teaching Russian as a foreign language, since mastering the system of phraseological units should begin by introducing the correspondences that arise in different languages and cultures on the basis of the generality in the picture of the world.*

In this article we examine semantics and the use of phraseological units with a component of black and white colors in the Persian and Russian languages that are an important part of the culture, significant for the construction of the national picture of the world.

A comparative analysis of the data suggests that there are similarities and differences between the Persian and Russian languages. Based on our analysis, we can divide phraseological units into 3 types, differing in degrees of similarity: 1) total equivalents: phraseological units having identical structure, figurative basis and semantics both in Persian and Russian; 2) partial equivalents: phraseological units with the same meaning both in Persian and Russian but with relatively different components and structure; 3) non-equivalent constructions: units that exist only in Persian and related to the worldview of the Iranian people.

Key Words: *phraseology, white color, black color, the Russian language, the Persian language.*

References

1. Vinogradov V.V., Russky iazyk [The Russian language], Moscow, 1972. 601p. (in Russian).
2. Golovin, B.N. Vvedenie v iazykoznanie [Introduction into linguistics]. M., 1977. 312p.
3. Kotyshova M.A. Frazеologicheskie edinit'sy s komponentom-kolorativom "bely" v russkom i cheshskom iazykakh [Phraseological units with white colour component in Russian and Check] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory and practice]. Tambov: Gramota, 2016. № 9(63): v 3-kh ch. ch. 3. p.112-113.
4. Markova E.M. Lingvokul'turnaia asimmetriia tsvetovykh oboznachenii v slavianskikh (russkom i cheshskom) iazykakh [Linguocultural asymmetry in colour designation in Slavic (Russian and Check) languages] // Russkii iazyk kak inoslavianskii [Russian as a foreign language]. Belgrad: Slavistichko drushtvo Srbije, 2013. Vyp. V. Sovremennoe izuchenie russkogo iazyka i russkoi kul'tury v inoslavianskom okruzenii. p.17-24.
5. Markova E.M. Frazеologizmy s komponentom-kolorativom v slavianskikh iazykakh v aspekte otrazheniia ikh lingvokul'turnoi spetsifiki [Phraseologisms with colour-component in Slavic languages in reflection their linguocultural specifics] // Frazеologiiia v mnogoiazychnom obshchestve: sbornik trudov Mezhdunarodnoi Frazеologicheskoi konferentsii «Europhraz» [Phraseology in multilingual society: collection of the articles "Europhraz", Conference on Phraseology: v 2-kh t. Kazan': izd-vo «KhETER», 2013. p.281-288.

6. Maslova V.A. Vvedenie v lingvokul'turologiiu [Introduction in linguocultural studies]. M.: Nasledie, 1997. 208 p.
7. Smirnova M.A. Khudozhestvennyi obraz v graficheskoi kompozitsii [Artistic image in a graphic composition] // Nauchno-metodologicheskie i sotsial'nye aspekty psikhologii i pedagogiki [Scientific methodological and social aspects of psychology and pedagogy]: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 2016.p. 151-153.
8. Frazelogicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka [Phraseological dictionary of contemporary Russian] / pod red. A. N. Tikhonova; sost. A.N. Tikhonov, A.G. Lomov, A. V. Korol'kova. M.: Flinta; Nauka, 2004. 832 p.
9. Shanskii N.M., Ivanov V.V., Sovremennyi russkii iazyk [Contemporary Russian]. ch.1. M., 1981. 256 p.

About the authors:

Khademi Moghaddam M. – PhD (Philology), Tarbiat Modares University. Scope of scientific and professional interests: grammar of the Russian language, linguoculturology, political, economic and scientific translation.
E-mail: mohsenkhademi.63@gmail.com.

Rezaei M. – postgraduate student of the Russian language at Tarbiat Modares University. Scope of scientific and professional interests: literature of the Russian language, linguoculturology, economic and scientific translation.
E-mail: majid_rezaei@mail.ru.

✱ ✱ ✱

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ТАДЖИКСКОМ СОЦИУМЕ

Х.О. Хушкадамова

Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации.

123001, Москва, ул. Большая Садовая, 14;

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова,

125009, Москва, ул. Моховая, д. 11 стр. 1.

Цель публикации – анализ социолингвистической ситуации в Республике Таджикистан, которая переживает трудный путь возрождения языкового и культурного кода. Используются такие методы сбора данных, как непосредственное наблюдение, интервьюирование, социологические методы: традиционный анализ и контент-анализ документов, лингвистический метод контекстного анализа текста и т.д. Сделан вывод о том, что таджикский язык подвергается трансформации, обусловленной объективными и субъективными культурно-историческими причинами. В частности, с одной стороны, ускоряющиеся темпы жизни способствуют появлению новой лексики, которую необходимо оперативно и при этом компетентно интегрировать в современный словарный запас нации. С другой стороны, важно сохранить литературно-историческую основу родного языка предков: классический персидский язык и богатство разговорной речи, которые порой недостаточно грамотно употребляются в современных средствах массовой коммуникации. Процесс языковой адаптации должен опираться на взаимодействие официальных структур и гражданского общества таким образом, чтобы все нововведения были обоснованы, понятны и удобны для использования всеми слоями общества.

Ключевые слова: таджикский язык, идентичность, история, государственный язык, литературный таджикский язык, культурное пространство, языковая политика.

История вопроса. Давление на языковое сознание в советский период привело к тому, что в Республике Таджикистан формально сложился билингвизм. Реалии были таковы, что таджикский язык стал восприниматься как непрестижный: национальный руководящий аппарат не знал своего родного языка и не стремился ввести его в делопроизводство, науку и культуру. В результате сложилась парадоксальная ситуация: на селе функционировал преимущественно разговорный язык (диалектов в таджикском языке более пятидесяти), а в городах – русский язык. Литературный таджикский язык остался нереализованным и самими его носителями, и представителями других национальностей, проживающих на территории республики.

Согласно статье 2 Конституции РТ, «государственным языком Таджикистана является таджикский язык» [6, с.167]. Однако его основу составляет классическая персидско-таджикская литература, и в этой связи, наряду с таджикским, богатую историю имеют как персидский (государственный язык Ирана), так и дари (один из государственных языков Афганистана). Все три языка восходят к новоперсидскому – классическому персидскому языку. Носители всех трёх языков:

- легко общаются друг с другом;
- считают себя *ҳамзабон* (тадж.), т.е. «говорящими на одном языке»;
- имеют одинаковый доступ к классической литературе, например, к творчеству осно-

воположника таджикско-персидской литературы Абуабдулло Рудаки, классиков Абулкасыма Фирдоуси, Хафиза, Саади и многих других.

В 1924 году в результате национально-территориального размежевания народов СССР образуется Таджикская АССР, в 1929 году – Таджикская ССР. Таджикский язык получает статус национального языка. В процессе бурных обсуждений с участием группы литераторов из Бухары и Самарканда во главе с основоположником современной таджикской литературы Садриддином Айни вокруг таджикского языка последовательно разрабатываются основные принципы формирования современной литературной речи.

В 1929 году арабская графика была заменена латиницей. Начиная с 1940 года по настоящее время используется алфавит на основе кириллицы с частичными изменениями, в том числе введением шести букв, обозначающих шесть звуков, свойственных специфике таджикской фонетики: [ғ], [й], [қ], [ӯ], [х], [ҷ].

В период «перестройки» в советском обществе возникла тенденция к установлению доминирующего положения национального языка на территории Таджикистана. Так, 22 июля 1989 года был принят закон «О языке». Сегодня СМИ определяют его как «один из самых шумевших законов в истории республики» [18]. Он расколол общество на две части: одни его ждали и приняли с радостью, другие же опасались его принятия. Согласно данному закону, таджикский язык (фарси) приобрёл статус государственного языка. За русским языком сохранилась позиция «языка межнационального общения». По мнению группы таджикских учёных-языковедов «...перестроечные процессы позволили патристически настроенной части таджикской интеллигенции говорить о необходимости принятия Закона о языке, который впоследствии предотвратил процесс вымирания и исчезновения таджикского языка» [26]. В этот период в обществе особую актуальность приобрели вопросы национальной идентичности, в том числе языка и истории таджикского народа. День принятия документа, 22 июля, до 2009 года отмечался как День таджикского языка.

Таджикское общество, начиная с 90-х гг., претерпевает существенные трансформации во всех областях: исчезла строгая государственная регламентация общества, национальный язык

как основополагающий сегмент культуры приобрёл полное раскрепощение. Эти процессы ярко проявляются, например, в работе средств массовой коммуникации, в частности, в увеличении доли диалектических элементов в публичной речи. Отменена цензура, получили новое развитие средства электронной коммуникации, расширился доступ людей к информации. У различных структур появилась возможность выпуска собственной печатной продукции. Активизируется роль устной и разговорной речи. Подобные факторы ощутимо влияют на современное состояние таджикского языка. При этом со всей очевидностью проявляется низкий уровень культуры речи журналистов печатных изданий, радио и телевидения. Отклонения от лексических и орфографических норм литературного таджикского языка, элементарные грамматические ошибки на страницах СМИ, засорение языка терминами и словесными оборотами иностранного происхождения в эфире радио и телевидения автоматически экстраполируются на общую языковую среду. Газетному слову по-прежнему, как и в советские времена, верят, и не вполне грамотное оперирование понятиями и терминами отрицательно влияет на культуру речи зрителей, слушателей и читателей.

Анализ языковой политики. В начале 1990-х гг. прошлого века в Институте языка и литературы АН Таджикистана была создана комиссия по орфографии таджикского языка. Проект орфографии таджикского языка (1990-1991 гг.) стал первой научной разработкой этой комиссии. Документ «*Имлои забони тоҷикӣ*» («Орфография таджикского языка») был утверждён Правительством Таджикистана 3 сентября 1998 года. По мнению видного таджикского учёного, автора ряда публикаций о современной языковой ситуации в таджикском социуме С. Назарзоды [16], были определены исторические и традиционные составляющие языкового базиса и официально утверждено сложившееся на современном этапе специфическое произношение букв, которое свойственно таджикскому языку.

Контекстный анализ документа, проведённый автором статьи, подтверждает это. Буква «ӯ» была названа «*вови маҷҳул*» [7, с. 9]¹, то есть её правописание должно соответствовать правописанию в персидском языке. Произошли изменения в количественной характеристике таджикского алфавита. В соответствии с ними

¹ «Вови маҷҳул» – лингв. «вов неизвестный» (звук «ӯ» таджикского языка, который был неизвестен арабам) //URL: <https://tadju.academic.ru/16647/> (дата обращения – 14.03.2018г.)

в современном таджикском алфавите 35 букв, тогда как прежде их было 39. Согласно «Орфографии таджикского языка», буквы *-ы*, *-и* были заменены соответствующими таджикскому языку звукам. Обратимся к примерам: Быковский → *Биковский*, Щорс → *Шорс*. Следует отметить, что эти буквы были введены в таджикский алфавит только в 1954 году.

В разделе «Правописание некоторых согласных» приведён ряд правил. Так, из пункта 10 исследуемого нами «*Имлои забони тоҷикӣ*» следует, что в заимствованных словах вместо *-и* [7, с. 11]:

- перед гласными в начале слова и после согласного в середине пишется буква *-с*: *семент* (цемент), *сирк* (цирк), *сиклон* (циклон), *лексия* (лекция), *консерт* (концерт);

- между двумя гласными пишется *-тс-*: *дотсент* (доцент), *конститутсия* (конституция).

Мягкий знак *-ь*, *аломати ҷудой* (в прежнем таджикском алфавите буква называлась «разделительный знак»), согласно новой орфографии, был отменён. Традиционно его употребление в таджикском языке имело две формы:

1. Как разделительный знак в таджикских словах типа *бисъёр* (много), *тағйир* (изменение) и т.п. Этой форме было характерно написание *-ь* перед буквами *-ё*, *-ю*, *-я*, *-и*. По новой таджикской орфографии упомянутые слова пишутся следующим образом: *бисър* и *тағйир*.

2. В заимствованных из русского языка словах знак *-ь* употреблялся согласно русской орфографии. В соответствии с современной таджикской орфографией, *фельетон* пишется как «*фелетон*», в названиях месяцев также опускается мягкий знак: *сентябр*, *декабр*. По этому поводу в документ была внесена следующая поправка: если звуковой состав заимствованного слова не соответствует таджикским правилам правописания, тогда несоответствующая или лишняя буква заменяется таджикской или подбегается усечению [7, с. 12].

Специфические для таджикского языка буквы, которые ранее давались в конце алфавита, теперь помещаются после соответствующих русских букв [7, с. 7]. Так, *г* следует после *з*, *й* – после *и*, *қ* – после *к*, *ӯ* – после *у*, *ҳ* – после *х*, и *ҷ*, соответственно, после *ч*. К слову, это нововведение облегчает работу со словарём.

Порядок использования таджикских гласных также был изменён. Ударный *-ӣ* (*и-и заданок*), согласно документу, приводится в конце ударного

слога во всех словах: *моҳӣ* (рыба), *обӣ* (водный), *хучандӣ* (худжанец). Это правило касается и слов, заимствованных из других языков: *таксӣ*, *туфлӣ*, *Тбилисӣ*, *Батумӣ* и т.д. [7, с. 9].

В 2008 году был разработан проект нового Закона Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан». В соответствии со статьей 3 Закона «государственным языком Республики Таджикистан является таджикский язык. Каждый гражданин Республики Таджикистан обязан знать государственный язык. Республика Таджикистан обеспечивает применение, защиту и развитие государственного языка» [12].

Статья 4 Закона гласит: все нации и народности, проживающие на территории Республики Таджикистан, вправе свободно пользоваться своим родным языком, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом. Ежегодно в день его принятия, 5 октября, в стране отмечается День таджикского языка. 31 октября 2009 года был утверждён Комитет по языку и терминологии при Правительстве Республики Таджикистан, функции и цели которого – реализация политики государства в области государственного и других языков в рамках Закона «О государственном языке Республики Таджикистан».

4 октября 2011 года Правительство Республики Таджикистан утвердило Правила орфографии таджикского языка (*Қоидаҳои имлои забони тоҷикӣ*). В этой редакции определение буквы *ӯ* (у-долгий) как «*вови маҷҳул*» отсутствует. Здесь уместно привести пояснения рано ушедшего из жизни экс-главы Комитета по языку и терминологии при Правительстве Таджикистана, одного из инициаторов реформы таджикского языка Додихудо Саймиддинова, озвученные ещё в 2010 году в процессе подготовки новой редакции Правил орфографии на одной из пресс-конференций в таджикской столице. В таджикском языке нет слов, начинающихся с буквы *ӯ*. Однако в лексике современного таджикского языка (в кириллическом варианте) их порядка 28, и эти слова исторически заимствованы из узбекского [8]. Как следствие, исходя из этих реалий, орфография слов с инициальной буквой *ӯ* не может быть изменена в соответствии с новыми правилами. Примеры: *ӯғай* (неродной), *ӯмоч* (похлёбка).

В этой же части Правил приводится примечание, что в конце следующих слов с учётом исторической нормы языка пишется *У*: *бону* (госпожа), *сударыня*, *зону* (колени), *неку* (доброта),

пахлу (бок, сторона), *олу* (слива), *орзу* (мечта), *дору* (лекарство), *оҳу* (газель, косуля), *аду* (враг) и т.д. [11, с. 2]. В определённой мере форма написания некоторых слов из этого ряда изменилась согласно исторической орфографии. Например, *пахлу*, *орзу*, *аду*, *зону* и т.д. раньше в основном писались с фонемой *Ÿ*. Так, ещё в Словаре таджикского языка («*Фарҳанги забони тоҷикӣ*»), изданном в 1969 году, приводятся две модели написания первой лексической единицы: *пахлу*//*пахлӯ* [21]. Однако примеры даны из персидско-таджикской литературы и, следовательно, в пользу употребления буквы *У*. В словарях, изданных уже в суверенной Республике Таджикистан, в частности, в Таджикско-русском словаре 2006 года издания («*Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ*») [24], все упомянутые лексические единицы, за исключением *аду*, даны исходя из их исторического правописания.

В пункте «Правописание гласных» даются правила употребления буквы «и» в конце слов, в частности:

А) в заимствованных именах собственных: *Леонардо да Винчи*, *Ганди*, *Паганини*, *Ибарури*, *Сочи*, *Тбилиси*, *Миссисипи* и т.д.;

Б) в заимствованных именах нарицательных: *такси*, *туфли* [11, с. 23].

Таким образом, были внесены определённые поправки в правила орфографии таджикского языка, в числе которых – восстановление прежней формы написания и произношения упомянутых заимствованных из русского языка лексических единиц. Следует отметить, что до утверждения правил орфографии таджикского языка возникли серьёзные научные споры по тем или иным аспектам предполагаемой реформы языка, и при редакции документа определённые предложения были учтены. Тем не менее, после выхода Правил орфографии таджикского языка («*Қоидаҳои имлои забони тоҷикӣ*») в 2011 году отдельные изменения орфографических правил вызвали бурную реакцию. В частности, употребление буквы *ӯ* дало повод к серьёзному обсуждению в СМИ Таджикистана и в социальных сетях. Достаточно привести два примера из социальных сетей, чтобы понять суть проблемы.

1. А.Тағоев [20] констатирует, что термины *пахлу*, *орзу*, *наку*, *гесу*, *неру*, *аду* и т.д. раньше в основном писались с фонемой *Ÿ* (у-длинный). А в словах *олу*, *оҳу*, *бозу*, *бону*, *зону*, *дору*, *неку*, *олу*, *аду* и т.п. не употреблялась эта буква. Согласно правилам новой орфографии, все эти

термины пишутся с буквой *У* (у-короткий). По его мнению, слова *абру* (бровь), *орзу* (мечта) из этой группы в классическом персидском языке и поэзии иногда употребляются в форме *абруӣ*, *орзуӣ*. «В таком случае, какую букву у нужно использовать? – задаётся вопросом пользователь социальной сети Фейсбук. – Хотя исторически эти термины не пишутся с буквой *й* в конце». На наш взгляд, это утверждение автора поста не имеет оснований. Словарь таджикского языка («*Фарҳанги забони тоҷикӣ*») [21, с. 921] даёт ответ на этот вопрос: *орзу* (*ӣ*) – *آرزو* *абруӣ*//*абру* – *ابرو*. То есть, в современном персидском буква -й на конце не пишется и не произносится.

В продолжении своей мысли пользователь Фейсбука опирается на пункт 5 второй части Правил орфографии таджикского языка, который посвящён правописанию гласных: «Буква *ӯ* традиционно пишется перед буквой *й*» [11, с. 3]. Это утверждение является спорным, так как слов, где -*ӯ* пишется перед другими буквами в таджикском языке, намного больше. Правила должны были разъяснить эти моменты в правописании.

2. Относительно употребления буквы -*ӯ* дискуссия разделила её участников: одна часть считает, что необходимо изъять эту букву из алфавита, вторая часть придерживается противоположного мнения. История вопроса уходит своими корнями в различия разговорной речи жителей центральных, южных районов Таджикистана и севера страны. На юге, в отличие от северян, эту букву произносят как [y]. Один из инициаторов этого спора в социальной сети [25] решение проблемы видит в выводе фонемы -*ӯ* из алфавита. Об остроте вопроса свидетельствует то, что в обсуждении темы приняли участие 59 человек, и всего 8% из них выступили в поддержку идеи о выведении указанной буквы из употребления. 92% участников высказались против. При этом в комментариях приводятся веские аргументы в пользу сохранения звука -*ӯ* в современном таджикском языке. Так, поэтесса Марямбонуи Фарғонӣ [13] в своём «посте» приводит предложение: «*Чунин гӯлро дида будӣ?*» («Ты видел такого глупца?») – и просит инициатора дискуссии прояснить его позицию относительно изъятия -*ӯ* из этой фразы. Объективным фактом является то, что замена буквы -*ӯ* звуком [y] приводит к смысловому изменению значения слова. *Гӯл* – глупец, *гул* – цветок [5, с. 8; 6, с. 7].

Комитет по языку и терминологии при Правительстве Республики Таджикистан в 2013 году

издал Орфографический словарь таджикского языка («*Фарҳанги имлои забони тоҷикӣ*») [22], в котором даны исправленные формы ряда терминов на основе их исторической орфографии и Правил орфографии таджикского языка. Так, в предисловии отмечается, что употребление буквы -у в конце слова не нарушает исторические нормы в соответствии с персидско-таджикскими словарями. Такой подход считается научно обоснованным [22, с.5]. Орфографический словарь таджикского языка закрывает многие другие вопросы по орфографии таджикского языка.

В 2012 году правительством страны утверждена Программа развития государственного языка Республики Таджикистан на 2012 – 2016 годы. В обществе широко проводятся другие мероприятия по популяризации государственного языка. Так, ежегодно 22 сентября в стране отмечается *Рӯзи Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ* – День Абуабдулло Рудаки (934–1020гг.). Традиционно, авторы лучших литературных произведений по итогам года становятся обладателями премии имени Рудаки (*Ҷоизаи Рӯдакӣ*), которая была учреждена ещё в 1963 году. 2008 год был посвящён Государственному языку и назван “Годом таджикского языка”.

Нарушения норм языка и поведения. Политическая свобода по-разному влияет на социум. Когда в отношении к обществу, к окружающим людям, к долгу личности перед народом и государством преобладают потребительские мотивы, то нарушения норм родного языка в определённой мере являются отзвуком нарушения общественной морали. В социальных сетях часто приводятся факты, иллюстрирующие такую жизненную позицию. Так, один из активных пользователей Фейсбука, заместитель редактора одной из областных газет [15] на своей странице размещает публикацию с диском киностудии под названием «*Ҳайвонай*» («Животное») – сборник клипов известных современных певцов. По его мнению, предприниматели таким образом оскорбляют не только родной язык, но и известных исполнителей современных песен и их поклонников. На наш взгляд, название диска свидетельствует о низком уровне культуры так называемых “новых таджиков”, которые в погоне за прибыльной сенсацией, готовы на любые действия. Автор публикации обращается к своим подписчикам и просит высказаться по этому поводу. Из 18 комментариев 40% участников об-

суждения считают, что Комитет по языку и терминологии должен контролировать подобные факты. 55% – приводят другие примеры нарушения норм современного таджикского языка. Электронная газета «*Pressatj*» [17] оперативно реагирует на этот пост, перепечатывает обложку диска, и 17 человек выражают своё презрение к компании, выпускающей упомянутый диск и приравнивающей певцов к животным.

Комитет по языку и терминологии стремится взять под контроль процесс, выявляет нарушителей правил таджикского языка. Только в 2016 году со стороны судебных органов за несоблюдение положений Закона Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» согласно статье 89 Кодекса административного правонарушения РТ возбуждено 27 дел по административному правонарушению. Проверка центров обслуживания населения в районах таджикской столицы показала, что многие из них не соблюдают требования Закона, в связи с чем были оформлены 32 протокола предупреждений [10].

В таджикском социуме в плане сохранения и развития государственного языка в настоящее время сложилась не самая благоприятная ситуация. С одной стороны, создана достаточная нормативно-правовая база для развития современного таджикского языка. С другой стороны, лингвистические нормы нарушаются, как говорится, сплошь и рядом: государственными служащими, журналистами, представителями политических и финансовых элит, студентами и, можно сказать, всеми социальными группами. Причину этого учёные объясняют следующим образом:

1) Кандидат филологических наук, доцент, заместитель председателя Комитета по языку и терминологии при Правительстве Республики Таджикистан Саодатшо Матробиен проблему видит в том, что сотрудники периодической печати, в том числе редакторы и главные редакторы, не всегда соблюдают требование пункта 6 статьи 3 Закона Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан», который гласит, что в процессе использования государственного языка соблюдение правил орфографии литературного языка является обязательным².

2) Исторические термины остаются историческими. Если народ их заново примет, зна-

² Автором проведено интервью с Матробиён С.Г. Душанбе, 5.07.2016 г.

чит, они не утратили актуальности и в современном обществе. Например, ранее вышедшие из обихода, а сегодня вновь вернувшиеся в речевой оборот слова «*кох*» (дворец), «*дирам*» (денежная единица), «*сомонӣ*» (национальная валюта), «*фурузонак*» (лампа), которые благодаря обретению страной независимости вновь начали широко употребляться. Когда-то Рудаки использовал слово «*озарахиш*» в значении «энергия». Сегодня заимствованное из арабского «*барқ*» стало полноценной заменой старинному понятию. Но если «*озарахиш*» вернёт себе прежние позиции в литературном лексиконе, то это будет только приветствоваться в обществе. Язык принадлежит обществу, и вполне вероятно, что термин будет широко использоваться, в том числе и в разговорной речи. «Язык принадлежит обществу, и оно вправе решать, какие слова могут отражать его ментальность», – рассуждает преподаватель ТГНУ Саъдӣ Махдӣ [14].

3) Главная беда, по мнению известного таджикского учёного Бахриддина Камолиддинова, заключается в том, что многие журналисты, не зная значения определённых лексических единиц из персидского языка, используют их в средствах массовой коммуникации.³ То есть в обществе остро стоит вопрос образования, в том числе знания родного языка и классического персидского – языка предков.

4) Учёный, поэт, главный редактор таджикского литературного журнала «Садои Шарк» («Голос Востока») Рустами Ваххоб поддерживает заметные сегодня в социуме тенденции сравнения и сближения таджикского языка с языками народов Афганистана и Ирана. По его мнению, такой подход, бесспорно, способствует обогащению и чистоте таджикского языка, конечно, если он будет рациональным и эффективным [2, с. 116].

Таджикский язык в СМИ. В какой-то степени нынешняя ситуация с положением государственного языка в таджикском обществе способствовала мобилизации таджикской интеллигенции, представители которой живут ныне в разных странах мира. Носители национальной культуры стремятся проявлять инициативу и принимать участие в процессах, связанных с развитием таджикского языка. Они занимаются переводом известных иностранных произведений на таджикский язык, попу-

ляризуют наиболее яркие образцы персидско-таджикской литературы и т.д. В социальных сетях созданы общедоступные группы, например, «Забонкада» («Дом языка»), «Забони форситочикӣ»⁴ («Персидско-таджикский язык», 5678 участников), «Дуруст бинависем» («Пишем правильно», 4848 участников)⁵ и т.д. Обсуждения в этих группах специфически носят образовательный характер. Вот предполагаемые темы дискуссий: «правильная орфография в связке с произношением»; «значение терминов»; «перевод слов с русского (в основном и английского на таджикский язык)»; «терминология – актуальная тема» и т.д. Вопросы орфографии, арабо-персидской и кириллической письменности и значения языка предков часто затрагиваются в процессе обсуждения. В дискуссиях участвуют представители самых разных социальных групп – деятели науки, культуры, работники производства, студенты, трудовые мигранты. Есть среди них и школьники. Пользователи сети по-разному относятся к замещению существующей графики арабицей, однако в одном у них общая позиция: необходимо повсеместно организовать изучение языка предков, освоение персидской каллиграфии. Следует отметить, что в этом направлении наблюдаются определённые сдвиги. Ряд слов имеют две формы употребления в языке социума. В переводных и толковых словарях интерпретация того или иного слова даётся сразу на трёх родственных языках – таджикском, персидском и дари. Однако, как отмечается в предисловии к Толковому словарю таджикского языка («*Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ*»), изданный в 2008 году, из словарей на родственных языках Ирана и Афганистана выбраны только слова и словосочетания, понятные всем персоязычным народам [23, с. 9]. Так, АМАК 1. *عمك бародари نادар*, 2. *аму* гуфт. разг. [23, с. 58] приводится в переводе как 1. брат отца (дядя по линии отца), 2. разг. уважительное обращение к мужчинам старшего возраста. «Амак» – родственный термин, который широко используется в таджикском языке. «Аму» – больше в родственных языках, но понятен и таджикам.

Медленно появляются ростки взаимодействия структур власти и гражданского общества в виде дискуссий в социальных сетях. Председатель Комитета по языку и терминологии при Президенте Таджикистана Г. Шарофзода [3] счи-

³ Из интервью с Камолидиновым Б. Встреча состоялась 03.06.2015 г. в Таджикском национальном университете.

⁴ URL: <https://www.facebook.com/groups/zabankada/>

⁵ Дуруст бинависем. Общедоступная группа // URL: https://www.facebook.com/groups/750326131656793/?ref=group_header

тает, что чем больше будет таких групп, тем легче будет решать имеющиеся проблемы. Материалы сообщества «Дуруст бинависем» постоянно публикуются в издании комитета – газете «Ганчи забон» («Сокровище языка»), на сайте частного информационного агентства «Озодагон».

Анализ постов группы показал, что к единому мнению по тому или иному вопросу пользователи «Фейсбука» приходят после тщательного отбора разных вариантов перевода тех или иных лексических единиц. Акцент при этом делается на то, чтобы слово и его перевод были понятны и удобны в речевом обороте. Администратор «Дуруст бинависем» приводит историю образования того или иного термина и необходимые обоснования его употребления. Выявлены два подхода к этому процессу: первый – поиск и нахождение терминов из таджикских диалектов и говоров. Второй – опора на язык предков. Так, например, слово «светофор» на таджикский переводится как «*сечарог*», а в ИРИ⁶ и ИРА⁷ оно пишется (на арабской вязи) и произносится как «*чароги раҳнамой*». И, главное, принятие решений – прерогатива большинства участников обсуждений. Словом, эта и другие упомянутые группы в социальной сети вносят определённый вклад в развитие современного таджикского языка.

Вопросы таджикского языка регулярно становятся объектом освещения всех видов СМИ – электронных и печатных, широко поднимаются на телевидении и радио Таджикистана. С целью изучения состояния таджикского языка в обществе нами был проведён мониторинг ситуации состояния и развития таджикского государственного языка в условиях трансформации и контент-аналитическое исследование публикаций электронных СМИ РТ. Объектом исследования были выбраны электронные версии печатных изданий и интернет-сайты информационных агентств:

1. НИАТ «Ховар»⁸;
2. Медиа-группа ASIA-Plus⁹;
3. Частное информационное агентство «Озодагон»¹⁰;
4. Ежедневная государственная газета «Чумхурият»¹¹.

Анализировались публикации одного дня – 5 октября 2017 г. – Дня государственного языка. В этот день традиционно проводятся разные встречи с поэтами и писателями, научные конференции и т.д. Массовые коммуникации широко освещают эти форумы культурологической направленности, а также поднимают вопросы состояния и развития таджикского языка и культуры. Автором выявлены и исследованы 14 публикаций разного жанра в упомянутых электронных средствах массовой коммуникации. Из них большинство материалов имеют информационный характер. А 3,8% корреспонденций затрагивают проблематику:

- совершенствования правил орфографии таджикского языка [4];
- предотвращения неоправданного числа заимствований [19];
- создания условий для изучения таджикского языка как иностранного [9];
- знания преимуществ таджикского языка [1].

Проблемы заложены в самих названиях публикаций. Как следует из анализа текстов, упомянутые вопросы поднимаются и на уровне органов власти, и на уровне гражданского общества.

Заключение.

Анализ языковой ситуации в таджикском социуме, а именно – состояния, функционирования и перспектив развития государственного языка – показывает, что языковая политика государства направлена на реализацию положений Закона Республики Таджикистан «О государственном языке», что предполагает официальное издание новой редакции свода правил орфографии, популяризацию положений Закона, организацию научно-популярных передач по таджикскому языку на радио и телевидении и т.д. В самом таджикском обществе, по наблюдению автора статьи, заметно расширяется позиция государственного языка во всех сферах жизни. Таджикский язык становится языком публичного дискурса, политики, вооружённых сил и т.д. У представителей других этносов-таджикстанцев и приезжих специалистов,

⁶ Исламская республика Иран

⁷ Исламская республика Афганистан

⁸ <http://khovar.tj>

⁹ <http://news.tj>

¹⁰ <http://www.ozodagon.com>

¹¹ <http://www.jumhuriyat.tj>

рабочих появляется мотивация к освоению титульного языка.

В целом, создана соответствующая атмосфера культурного и политического характера по вопросу таджикского языка, что предоставляет возможность исследователям и любителям таджикского (а также персидского и дари) из разных стран принять участие в обсуждениях тематики, связанной с будущим государственного языка и перспективами сближения родственных языков. Благодаря таджикским учёным-языковедам, которые постоянно исследуют язык средств массовой информации, год за годом заметно улучшается культура общения и процесс подачи материалов журналистами, работниками радио и телевидения. Особого внимания заслуживает участие представителей разных социальных групп в обсуждении вопросов родного языка.

Суммируя данный анализ, также следует отметить, что пока в вопросах развития и совершенствования таджикского языка существует заметная дистанция между правовыми нормами и практикой. Заметны колебания языковых норм за счёт проникновения в языковое пространство различных заимствований из иностранных языков, говоров и диалектов, сленга и за счёт пополнения языка неологизмами. Чтобы эти две стороны одного процесса – процесса развития и обогащения языка – сочетались наиболее созидательным образом, необходимо налаживать более тесное взаимодействие власти и гражданского общества. Только тогда лингвистические новации приобретут более оптимальный характер.

Сегодня таджикский язык изучается в вузах России в формате первого (основного) и второго (дополнительного) восточного языка. Изучение языков стран СНГ, взаимное погружение новых постсоветских государств и России в культуру друг друга – это, безусловно, тропа, ведущая к сближению народов, некогда имевших одно культурно-историческое пространство. Для таджикского языка это своего рода инструмен-

тарий, помогающий его популяризации, продвижению национальной культуры за пределы Таджикистана. И, наконец, преподавание таджикского языка и других языков стран СНГ в условиях глобализационных процессов и их влияния на страны Центральной Азии требует освоения социокультурных составляющих родины изучаемого языка: этнической специфики, народных и религиозных традиций, понимания образа жизни людей, говорящих на этом языке, чтобы глубже погрузиться в изучаемую культуру, толерантно относиться к другим народам.

И здесь важна поддержка, в том числе и страны-носителя изучаемого языка в плане выпуска учебников, словарей, методической литературы. Этот вопрос составил одну из целей Программы развития государственного языка Республики Таджикистан на 2012–2016 годы. Однако намерения остались нереализованными. Пока не созданы условия для выпуска учебников по таджикскому языку как иностранному. Первый и последний учебник после 90-х годов был издан при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества стран СНГ в 2009 году [6]. Данный анализ языковой ситуации в Таджикистане показывает, какими темпами идут трансформационные процессы в языке и культуре таджикского народа. То есть сама социокультурная ситуация, складывающаяся в стране, обосновывает необходимость выпуска учебников по таджикскому языку как иностранному или второму восточному языку, переводных словарей нового поколения и т.д. Сегодня, как следует из данного анализа, особенно актуально создать в вузах, «...школах и центрах по изучению таджикского языка других стран... благоприятные условия, обеспечить их учебными пособиями, художественной литературой и средствами массовой информации на таджикском языке»¹². Тогда все нововведения в сфере таджикского языка станут эффективным подспорьем для преподавателей, студентов и слушателей курсов по изучению таджикского языка.

Список литературы

1. Баходур Б. Вали Самад: забони тоҷикӣ тавонманд аст. [Вали Самад: таджикский язык силён] // Чумхурият – 2015. – 5 октября (№: 508).
2. Ваххоб Р. Дуруст бинависем [Пишем правильно]. Душанбе, 2016. 132с.
3. Гавҳар Шарофзода: Кас аз дасту забони худ маёзор. [Гавҳар Шарофзода: Никто не должен обижать свой язык] // URL: <http://khovar.tj/2017/02/gav-ar-sharofzoda-kas-az-dastu-zaboni-hud-mayozor/> (дата обращения: 5.03.2018).

¹² Программа развития государственного языка Республики Таджикистана 2012 – 2016гг. Утверждена решением Правительства Республики Таджикистан 30 июня 2012 г., С.6.

4. Ёрдамчи Президентии Ҷумҳурии Тоҷикистон пешниҳод намуд, ки «Қоидаҳои имлои забони тоҷикӣ» бори дигар мавриди баррасии олимони ва донишмандон қарор бигирад [Помощник Президента Республики Таджикистан предложил, чтобы «Правила орфографии таджикского языка» были повторно рассмотрены учеными и специалистами]. // URL: <http://khovar.tj/2017/10/su-bati-telefonii-peshvoi-millat-emomal-ra-mon-bo-prezidenti-um-urii-azo-iston-nursulton-nazarboev-dushanbe-05-10-2017-amit-hovar-imr-z-asosguzori-sul-u-va-dati-mill-peshvoi-millat-prezidenti-um-uri/> (дата обращения: 5.10.2017)
5. Зикрияев Ф., Зоҳидов А. Таджикский язык. Учеб. пособие. Под общ. ред. Джамшедова П. Душанбе, 2008. 144 с.
6. Иванов В.Б., Семенова Е.В., Хушқадамова Ҳ.О. Учебник таджикского языка для стран СНГ: в 2 частях. Под ред. М.С. Мейера. Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки. М.: Ключ-С, 2009. Ч. I. 232 с.
7. Имлои забони тоҷикӣ. [Орфография таджикского языка] Душанбе, Ирфон: 1999. 36 с.
8. Имлои тоҷикӣ ислоҳ мешавад [Таджикская орфография реформируется] // Миллат. 2000. 24 июня.
9. Как выучить государственный язык. // URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20171005/kak-viuchit-gosudarstvennii-yazik> (дата обращения: 5.10.2017.)
10. Кумитаи забон ва истилохот: қисми зиёди марказҳои хизматрасонӣ ба талаботи Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи забони давлатии ҶТ» ҷавобгӯ нестанд. [Комитет по языку и терминологии: большинство центров обслуживания не отвечают требованиям Закона Республики Таджикистан «О государственном языке РТ»] // URL: <http://khovar.tj/2016/12/kumitai-zabonva-istilo-ot-ismi-ziyodi-markaz-oi-hizmatrason-ba-talaboti-onuni-um-urii-to-ikiston-dar-borai-zaboni-davlatii-t-avobg-nestand/> (дата обращения: 5.03.2018.).
11. Қоидаҳои имлои забони тоҷикӣ. [Правила орфографии таджикского языка]. Душанбе, 2012. 32 с.
12. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи забони давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон» [Закон Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан»] // URL: <http://www.kumitaizabon.tj/tg/content/konuni-chumkhurii-tochikiston-dar-borai-zaboni-davlatii-chumkhurii-tochikiston> (дата обращения: 4.12.2017).
13. Марямбонуи Фарғонӣ. Комментарий к посту в сообществе «Дуруст бинависем» [«Пишем правильно»] // URL: https://www.facebook.com/groups/750326131656793/?ref=group_header (дата обращения: 30.04.2018)
14. Маҳдӣ С. Баҳси забонӣ дар шабакаи иҷтимоии Фейсбук [Дискуссия вокруг языка в социальной сети Фейсбук] // URL: <http://journalism.tnu.tj/index.php/bojgon/181-ba-si-zabon-dar-shabakai-i-timoi-fejsbuk> (дата обращения: 8.01.2018).
15. Маъмурзода Н. Таҳқир, бесаводӣ ё завқи паст. [Унижение, неграмотность или плохой вкус.] // Хатлон–2016–18 августа.
16. Назарзода. С. Имло ва забони адабӣ [Орфография и литературный язык] // Ҷумҳурият–2014–4 октября 2014.
17. Ниёзова Ш. «Ҳайвонаӣ» Ё ҷаро «Қомо» сарояндаҳоро ба ҳайвон баробар қард? [«Животные», или почему «Қомо» приравнял артистов к животным?] 4.08.2016. // URL: http://tajikistantimes.com/literature_and_talant/ayvonay-yo-charo-komo-saroyanda-oro-ba-ayvon-barobar-kard/ (дата обращения: 4.05.2018).
18. Первый закон о языке: как это было. // URL: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20160722/pervyi-zakon-o-yazyke-kak-eto-bylo> (дата обращения: 30.04.2018).
19. Пешвои миллат Эмомали Раҳмон зиёиёро даъват қард, ки забони тоҷикиро аз сели вожаҳои иқтибосӣ ҳифз намојанд. [Лидер нации Эмомали Рахмон обратился к интеллигенции с призывом беречь таджикский язык от заимствованных слов.] // URL: <http://khovar.tj/2017/10/peshvoi-millat-emomal-ra-mon-mu-a-i-oni-zabonshinos-va-ziyoyonro-davat-namudand-ki-zaboni-to-ikiro-az-seli-vozha-oi-i-tibos-ifz-namoyand> (дата обращения: 30.12.2017).
20. Тағоев А. Чанд суҳан дар бораи қоидаҳои нав. [Несколько слов о новых правилах] // URL: <http://zarowadk.ru/zaboni-tojiki/chand-suhan-dar-borai-qoidahoi-nav.html> (дата обращения: 2.03.2018).
21. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Словарь таджикского языка, X– начало XX века (в двух томах). Под ред. Шукурова М.Ш. и др. М.: Советская энциклопедия, 1969. I т. 952 с.
22. Фарҳанги имлои забони тоҷикӣ [Орфографический словарь таджикского языка]. Отв. ред. Саймиддинов Д. Душанбе, Шарки озод, 2013. 320с.
23. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ [Толковый словарь таджикского языка]: в 2ч. Под ред. Назарзода С. и др. Душанбе, 2008. Ч. I. 949с.
24. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ [Таджикско-русский словарь]: Издание второе, дополненное и исправленное. Под ред. Д. Саймиддинова и др. Душанбе, 2006. 784с.
25. Холиқзода У. Қоидаи имло. Дуруст бинависем [Правила правописания. Пишем правильно]: https://www.facebook.com/groups/750326131656793/?ref=group_header (дата обращения: 01.05.2018).
26. Шокиров Т. и др. Таджикский язык – от вымирания к возрождению URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1059003060> (дата обращения: 4.12.2017)

Сведения об авторе:

Хушқадамова Халимаҳон Отамбековна – доктор социологических наук, профессор кафедры языков и культуры стран СНГ и России Военного Университета Минобороны РФ, профессор кафедры иранской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: социолингвистика, лингвистика и межкультурная коммуникация, гендерная проблематика, журналистика. E-mail: columnist07@mail.ru.

LANGUAGE SITUATION IN TAJIK SOCIETY

H.O. Khushkadamova

Federal Public State Military Educational Institution of the Higher Education "Military University"
of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

14, Bolshaya Sadovaya str., Moscow, 123001, Russia;

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

11, Mokhovaya str., building 1, Moscow, 125009, Russia

The Abstract: *The purpose of the publication is to analyze the sociolinguistic situation in the Republic of Tajikistan, which goes through a difficult historical stage of the linguistic and cultural code revival. The following data collection methods were used: the direct observation, interviewing, sociological methods such as traditional analysis and content analysis of documents, linguistic method of contextual text analysis, etc. The conclusion was made that the Tajik language undergoes transformation due to objective and subjective cultural and historical reasons. On the one hand, the accelerating pace of life contributes to the emergence of new lexicon to be quickly and competently integrated into the modern vocabulary of the nation. On the other hand, it is important to keep the literary and historical basis of the native language, the language of the ancestors: the classical Persian language and the richness of spoken language, which is not always used competently in modern means of mass communications. The process of linguistic adaptation must be based on the interaction of official structures and civil society, so that all innovations would be reasonable, understandable and convenient for use by all levels of society.*

Key Words: *Tajik language, identity, history, national language, Tajik literary language, cultural space, language policy.*

References

1. Bahodur B., Samad V: Zaboni tojiki tavonmand ast [Samad V. Tajik language is strong]. Jumhuriyat, 2015, no. 508, 5th October (in Tajik).
2. Vahhob R., Durust binavise [Let's write correctly]. Dushanbe, 2016. 132 p.
3. Sharofzoda G., Kas az dastu zaboni hud maezor [Sharafzoda G., No one should offend his language]. Available at: <http://khovar.tj/2017/02/gav-ar-sharofzoda-kas-az-dastu-zaboni-hud-mayozor> (accessed 5 March 2018).
4. Erdamchii Presidenti Jumhrii Tojikiston peshnihod namud ki koidahoi imloi zaboni tojiki bori digar barrassii olimon va donishmandon qaror bigirad. [A special assistant to the President of Tajikistan proposed to discuss the new rules of Tajik language with scientists]. Available at <http://khovar.tj/2017/10/su-bati-telefonii-peshvoi-millat-emomal-ra-mon-bo-prezidenti-um-urii-azo-iston-nursulton-nazarboev-dushanbe-05-10-2017-amit-hovar-imr-z-asosguzori-sul-u-va-dati-mill-peshvoi-millat-prezidenti-um-uri> (accessed 5 October 2017).
5. Zikriyaaev F., Zohidov A., Tadzhijskiy iazik. Uchebnoe posobie. [Tajik language. Learning guide]. Under the general editorship of Jamshedov P. Dushanbe, 2008. 144 p.
6. Ivanov V.B., Semenova E.V., Khushkadamova H. O., Uchebnik tadjhijskogo iazyka dlya stran SNG: v 2 chastyakh. [Textbook of the Tajik language for the CIS countries: in 2 parts]. Under the editorship of Meyer M.S. The Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Kluch-C, 2009. P. I. 232 p.
7. Imloi zaboni tochiki. [The spelling of the Tajik language]. Dushanbe, Irfon, 1999. 36 p.
8. Imloi tojiki isloh meshavad [The spelling of the Tajik language will be corrected]. Millat, 2000, 24 June. (in Tajik).
9. Kak viuchit gosudarstvenny iazik [How to learn the official language]. Available at <https://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20171005/kak-viuchit-gosudarstvenni-yazik> (accessed 5 October 2017).
10. Kumitai zapon va istiloohot: Qismi ziedi markazhoi hizmatrasoni ba talaboti Konuni Dzhumhurinn Tojikiston «Dar borai zaboni davlatii JT» javobgu nestand. [The language and terminology committee: The majority of service centers don't correspond to the rules of law of Tajikistan Republic "About the official language of the country"]. Available at <http://khovar.tj/2016/12/kumitai-zapon-va-istilo-ot-ismi-ziyodi-markaz-oi-hizmatrason-ba-talaboti-onuni-um-urii-to-ikiston-dar-borai-zaboni-davlatii-t-avobg-nestand> (accessed 5 March 2018).
11. Koidahoi imloi zaboni tochiki. [Rules of spelling of the Tajik language]. Dushanbe, 2012, 32 p.
12. Qonuni Jumhuri Tojikiston «Dar borai zaboni davlatii Jumhuri Tojikiston». [The law of Tajikistan republic "About the official language of Tajikistan Republic"]. Available at <http://www.kumitazapon.tj/tg/content/konuni-chumkhurii-tochikiston-dar-borai-zaboni-davlatii-chumkhurii-tochikiston> (accessed 4 December 2017).

13. Fargoni M. The comments to the post in the community Durust binavisem. [Write correctly]. Available at https://www.facebook.com/groups/750326131656793/?ref=group_header (accessed 30 April 2018).
14. Mahdi S. Bahsi zaboni dar shabakai ijtimoi Facebook. [The discussion on the language at Facebook social page]. Available at <http://journalism.tnu.tj/index.php/bojgon/181-ba-si-zabon-dar-shabakai-i-timoi-fejsbuk> (accessed 8 January 2018).
15. Mamurzoda N. Tahqir, besavosi e zavki past. [Humiliation, illiteracy and bad taste]. Khatlon, 2016 18th August.
16. Nazarzoda S., Imlo va zaboni adabi. [The spelling and the literary language]. Jumhuriyat, 2014. No. 194, 4th October (in Tajik).
17. Niezova Sh., "Haivonay" e charo "Komo" saroyandahoro ba hayvon barobar kard? ["Animals" or why do "Komo" equate artists with animals?]. 4.08.2016. Available at http://tajikistantimes.com/literature_and_talant/ayvonay-yo-charo-komo-saroyandahoro-ba-ayvon-barobar-kard (accessed 4 May 2018).
18. Perviy zakon o yazike: kak keto bilo. [The first law on the language. How it was]. Available at <https://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20160722/pervyi-zakon-o-yazyke-kak-eto-bylo> (accessed 4 April 2018).
19. Peshvoi millat Emomali Rahmon ziyoiyonro davat kard, ki zaboni tojikiro az seli vozahoi iqtibosi hifz namoyand. [The leader of the nation Emomali Rahmon invited the scientists in order to discuss how to defend the Tajik language from words of different languages]. Available at <http://khover.tj/2017/10/peshvoi-millat-emomal-ra-mon-mu-a-i-oni-zabonshinos-vaziyoiyonro-davat-namudand-ki-zaboni-to-ikiro-az-seli-vozha-oi-i-tibos-ifz-namoyand> (accessed 5 October 2017).
20. Tagoev A. Chand suhan dar borai koidahoi nav. [Some words about the new rules]. Available at <http://zarowadk.ru/zaboni-tojiki/chand-suhan-dar-borai-qoidahoi-nav.html> (accessed 2 March 2018.)
21. Farhangi zaboni Tojiki. Tajik language vocabulary X-the beginning XX century (in 2 volumes). Responsible Editor Shukurov M and etc. Moscow, Soviet Encyclopaedia, 1969 Vol. 952 p.
22. Farhangi imloi zaboni tochiki. [Spelling dictionary of the Tajik language]. Responsible editor: Saimiddinov D., Dushanbe, Sharki Ozod: 2013. 320 p.
23. Farhangi tafsirii zaboni tochiki. [Definition dictionary of the Tajik language in 2 parts]. Under the editorship of Nazarzods S and etc. Part I, 949 p.
24. Farhangi tojiki ba rusi [Tajik-Russian dictionary]. The second edition, an emended and revised. Under the editorship of Saimiddinov D. Dushanbe, 2006. 784 p.
25. Kholikzoda U. Koidai imlo. Durust binavisem [Spelling rules. Write correctly]. Available at https://www.facebook.com/groups/750326131656793/?ref=group_header (accessed 1 May 2018)
26. Shokirov T., and others. Tadzhikskiy iazik – ot vimiraniia k vozrozhdeniu. [Tajik language – from extinction to rebirth]. Available at <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1059003060> (accessed 4 December 2017).

About the author:

Khalimakhon O. Khushkadamova – Dr. Sci. (Sociology), Professor of the Department of Languages and Culture of the CIS and Russia, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Russia, Moscow), The Spheres of research and professional interest: sociolinguistics, linguistics and intercultural communication, gender problems, journalism. E-mail: columnist07@mail.ru.

* * *

О ХРЕСТОМАТИИ ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

И.А. Цыбова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Хрестоматия по общему языкознанию (составитель И.А. Цыбова)¹ предназначена для студентов-магистрантов, аспирантов и преподавателей языковых кафедр с целью приобщения их к чтению лингвистической литературы. В отличие от хрестоматий профессоров В.А. Звегинцева и Ф.М. Березина, эта книга (598 с.) включает отрывки из работ современных отечественных лингвистов: академика АН СССР и РАН члена Парижского лингвистического общества профессора honoris causa Вильнюсского университета, главного научного сотрудника института языкознания РАН Ю.С. Степанова, члена-корреспондента АН СССР и РАН, почётного члена АН Армении, главного научного сотрудника института языкознания РАН Н.Д. Арутюновой, ведущего научного сотрудника института языкознания РАН Е.С. Кубряковой, проректора РГГУ В.И. Заботкиной, профессоров В.М. Лейчика, В.З. Демьянкова, И.Г. Торсуевой, Н.Н. Болдырева, С.В. Гринева-Гриневица, Е.Г. Беляевской, В.Ф. Новодрановой, Н.В. Уфимцевой, Э.А. Сорокиной, В.А. Иовенко, Н.В. Иванова и польского языковеда профессора Я.Ф. Носовича. Хрестоматия состоит из 6 частей: основные положения современной лингвистики, прагматика, когнитивная лингвистика, психолингвистика, терминоведение, переводоведение. Поскольку хрестоматия не охватывает все аспекты современной лингвистики и не все видные отечественные языковеды в должной степени в ней представлены, это открывает перспективы для создания новых хрестоматий.

Ключевые слова: хрестоматия по общему языкознанию, современные отечественные лингвисты, основные положения современной лингвистики, прагматика, когнитивная лингвистика, психолингвистика, терминоведение, переводоведение.

В издательстве «МГИМО – Университет» в 2018 году вышла Хрестоматия по общему языкознанию (составитель профессор И.А. Цыбова, 598с.), предназначенная для самостоятельной работы студентов-магистрантов направления «Лингвистика», аспирантов и соискателей лингвистического профиля, а также преподавателей языковых кафедр. Целью пособия является их приобщение к чтению лингвистической литературы.

Пособие включает в себя избранные страницы из произведений видных советских и современных российских языковедов. Этим хре-

стоматия отличается от предыдущих изданий подобного рода (см. хрестоматии В.А. Звегинцева по работам зарубежных авторов XIX-XX вв. [15] и Ф.М. Березина по трудам отечественных языковедов [6]).

Хрестоматия состоит из 6 частей: основные положения современной лингвистики, прагматика, когнитивная лингвистика, психолингвистика, терминоведение, переводоведение.

Первый раздел открывается фрагментами работ академика АН СССР и РАН Ю.С. Степанова [22; 23; 24], в значительной степени определяющими основные проблемы со-

¹ Хрестоматия по общему языкознанию. Составитель: доктор филологических наук, профессор И.А. Цыбова. М.: изд-во «МГИМО-Университет», 2018. 599 с.

временной лингвистики: семантическая, синтаксическая, прагматическая парадигмы; новый взгляд на сосюрсовские постулаты о тождествах-различиях; синхронии-диахронии; произвольности-непроизвольности знака; проблемы языка и общества; семантика. Среди отобранных членом-корреспондентом АН СССР и РАН Н.Д. Арутюновой отрывков из её трудов [4; 2] следует отметить детальное рассмотрение языковой метафоры и смысловой структуры предложения. И.Г. Торсуева исследует интонацию как часть общей теории языка [25]. Она различает понятия микро- и макроконтраста [26], изучает сверхтекст [27]. С.В. Гринев и Э.А. Сорокина рассматривают современные методы лингвистических исследований [10]. И.С. Улуханов изучает такой актуальный вопрос теории и практики как лакуны в системе языка [28].

Вопросы прагматики рассматриваются в работах Н.Д. Арутюновой [1; 3] и В.И. Заботкиной [14].

Наиболее широко в хрестоматии представлено такое современное направление исследований как когнитивная лингвистика. Е.С. Кубрякова уточняет определение когнитивной науки [18]. В.З. Демьянков и Е.С. Кубрякова определяют понятие когнитивной лингвистики, представляя её как когнитивную революцию [12]. Большое внимание уделяется таким фундаментальным понятиям, как концепт и концептуализация, категория и категоризация, инференция, семейное или фамильное сходство [19]. В.З. Демьянков рассказывает о возможностях и проблемах использования искусственного интеллекта для представления знания. В другой статье тот же автор выделяет особенности когнитивной семантики [11]. В.И. Заботкина рассматривает вопрос о когнитивной неологии [13]. Вопросам становления когнитивного метода посвящена

статья Е.Г. Беляевской [5]. Н.Н. Болдырев доказывает, что язык выполняет три главных функции: когнитивную, коммуникативную и интерпретирующую [7].

Н.В. Уфимцева рассматривает вопросы развития речи и мышления в онтогенезе и филогенезе. Одной из важнейших проблем психолингвистики является проблема языкового сознания. Становлению языкового сознания посвящена другая статья Н.В. Уфимцевой [29].

Весьма широко и детально представлено в хрестоматии и терминоведение. О предмете, методах и структуре терминоведения рассказывает В.М. Лейчик. В другой публикации того же автора рассматривается переход к когнитивному терминоведению [20]. Об антропологической терминоведению, возникшей на основе исторического терминоведения, повествует статья С.В. Гриневича (Гринев), Я.-Ф.Носовича и Э.А. Сорокиной [9]. О прошлом, настоящем и будущем терминоведения и различных его направлениях рассказывается в статье С.В. Гринева-Гриневича [8]. Классификация знаний и пути их получения в специальных областях прослеживаются начиная с античности на материале формирования медицинской терминологии в статье В.Ф. Новодрановой. В другой статье того же автора рассказывается о способах выражения концептов и антиконцептов в медицинской терминологии [21].

В разделе «Переводоведение» В.А. Иовенко представляет историю становления науки о переводе [17]. В статье Н.В. Иванова рассматривается такой важнейший аспект теории и практики перевода, как интерпретация [16].

Разумеется, хрестоматия не охватывает все аспекты современной лингвистики, и не все видные отечественные языковеды в должной степени в ней представлены. Это открывает перспективы для создания новых хрестоматий.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Прагматика// ЛЭС, М.: «Советская энциклопедия», 1990. с. 389-390.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы /Н.Д. Арутюнова. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003. 383 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека (изд. 2-е, исправленное) М: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
5. Беляевская Е.Г. Семантика в трёх парадигмах лингвистического знания// Парадигмы научного знания в современной лингвистике Сб. науч. трудов. / Кубрякова Е. С., Лузина Л.Г. Сер. Теория и история языкознания 2 Институт языкознания РАН, Отдел теоретического и прикладного языкознания, Институт научной информации по общественным наукам РАН, М., 2006. 161 с.
6. Березин Ф.М. История русского языкознания. Учебное пособие для филологических специальностей. М.: Высшая школа, 1979. 223 с.

7. Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. / Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. Москва–Тамбов, 2010. с. 45-59.
8. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение – прошлое, настоящее и будущее // Терминоведение: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 304 с.
9. Гриневиц С.В., Носович Я.Ф., Сорокина Э.А. Язык как средство познания и эволюции человека (к 10-летней годовщине появления антрополингвистики). Вестник МГОУ, 2014. № 5. с.12-24.
10. Гринев С.В., Сорокина Э.А. О современных методах лингвистических исследований // Вестник МГОУ, сер. Лингвистика. Вып.1. М., 2010. с. 21-24.
11. Демьянков В.З. Искусственный интеллект // Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ). С.37-42. Когнитивная семантика // КСКТ. С.73-74.
12. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика // КСКТ, М., 1996. С.53-55. Когнитивная революция, когнитивный поворот // КСКТ. С. 69-73.
13. Заботкина В.И. К вопросу о когнитивной неологии // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 337-349.
14. Заботкина В.И. Прагматика нового слова // Слово и смысл: РГГУ, 2012. С. 109-125.
15. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, в 2-х ч. Часть I, 1964. 466 с., часть II, 1965. 331 с.
16. Иванов Н.В. Антиномии интерпретации: начала анализа // Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода. № 4. 2015.
17. Иовенко В.А. К становлению науки о переводе // Национально-культурное мировидение в переводческом измерении. М.: МГИМО, 2013. 218 с.
18. Кубрякова Е.С. Когнитивная наука/когнитивные науки. Когнитивная обработка языковых данных // КСКТ. М.: Изд-во МГУ, 1996. с. 58-66.
19. Кубрякова Е.С. Концепт. Концептуализация. // КСКТ. с. 90-94. Категоризация. Категория // КСКТ, с.42-47. Когнитивизм // КСКТ, с. 47-49. Категории и концепты. Роль языка в познании мира // Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения./ Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. Инференция // КСКТ. С. 33-35. Семейное или фамильное сходство // КСКТ. с. 170-172.
20. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет. Методы. Структура. Изд. 5-е испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком УРСС». 2009, 2012. Новое в проблематике терминоведения (начало XXI столетия) // Языковая культура речевого общения, 2013, № 1.
21. Новодранова В.Ф. Классификация знаний и каналы их получения в специальных областях научной деятельности (на материале формирования медицинской терминологии) // Сборник статей в честь юбилея О.В. Александровой. Концепты и антиконцепты и их репрезентация языковыми средствами // Сб. науч. трудов. Вып.1. Москва –Тамбов, 2009. с. 140-145.
22. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. Изд.2-е /отв.ред. В.П. Нерознак. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 335 с.
23. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
24. Степанов Ю.С. Семантика // Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. с. 438-440.
25. Торсуева И.Г. Теория интонации как часть общей теории языка // Вопросы языкознания. 1984, № 1. С.116-126.
26. Торсуева И.Г. Контекст // ЛЭС. М.: «Советская энциклопедия», 1990. с. 238-239.
27. Торсуева И.Г. Сверхтекст и уровни анализа поэтического текста // Сб. науч. трудов Московского гос. ин-та иностранных языков им. М. Тореза. Вып. 307: Проблемы поэтической речи. М., 1988.
28. Улуханов И.С. О лакунах в системе языка. Словообразование. Морфонология. Лексикология. // Избранные работы по русскому языку. М.: ЛОГОС, 2012. 600 с.
29. Уфимцева Н.В. Становление символической функции в онтогенезе // Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. с. 81-107. Археология языкового сознания // Язык. Сознание. Культура: сб. статей под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М., Калуга, Ин-т языкознания РАН, 2005. 400 с.

Сведения об авторе:

Цыбова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры французского языка МГИМО МИД России. E-mail: ia.tsybova@gmail.com.

ON THE READER ON GENERAL LINGUISTICS

I.A. Tsybova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *This book (compiler professor Tsybova) is aimed at introducing students, postgraduates and teachers of higher schools to linguistic works. In contrast to the already existing readers compiled by Professors V.A. Zvegintsev and F.M. Berezin, this book includes passages from scholarly works by contemporary Russian linguists: member of USSR and Russian Academy of Sciences, member of Linguistic Society of Paris, Professor honoris causa of Vilnius University, scientific researcher in chief (Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences) Y.S. Stepanov, member–correspondent of USSR and Russian Academy of Sciences Professor honoris causa of Armenian Academy of Sciences, scientific researcher in chief (Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences) N.D. Arutiunova, senior researcher (Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences) Professor E.S. Kubryakova, Vice-Rector (Russian State University for the Humanities) Professor V.I. Zabotkina, Professors V.M. Leichik, V.Z. Demyankov, N.N. Boldyrev, I.G. Torsueva, E.G. Belyaevskaya, S.V. Grinev-Grinevich, I.S. Uluhanov, V.F. Novodranova, N.V. Ufimtseva, E.A. Sorokina, V.A. Iovenko, N.V. Ivanov and the Polish linguist Professor Y. F. Nosowicz. This reader (598 pages) consists of 6 parts: fundamental problems of general linguistics, pragmatics, cognitive linguistics, psycholinguistics, terminology, and translation. Since the reader does not include all the branches of contemporary linguistics and the works of all Russian outstanding scientists, there are perspectives for developing and continuing this reader.*

Key Words: *reader on general linguistics, contemporary Russian linguists, fundamental problems of general linguistics, pragmatics, cognitive linguistics, psycholinguistics, terminology, translation.*

References

1. Arutiunova N.D. Pragmatika [Pragmatics] // LJeS, M.: «Sovetskaja enciklopediia», 1990. s. 389-390.
2. Arutiunova N.D. Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy [The sentence and its meaning. Logical and semantic problems] // N.D. Arutiunova. 3 ed., M.: Editorial URSS, 2003. 383 s.
3. Arutiunova N.D. Tipy iazykovykh znacheny. Otsenka. Sobytie. Fakt. [Types of language meanings. Estimation. Event. Fact.]. M.: Nauka, 1988.
4. Arutiunova N.D. Iazyk i mir cheloveka [Language and the world of man] (2-ed., M: Iazyki russkoy kul'tury, 1999. 896 s.
5. Beliaevskaia E.G. Semantika v trekh paradigmakh lingvisticheskogo znaniia [Semantics in three paradigms of linguistic knowledge] //Paradigmy nauchnogo znaniia v sovremennoy lingvistike [Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics]: Collection of scientific works. /Kubriakova E.S., Luzina L.G. Theory and history of linguistics 2.Institute of linguistics RAS,Department of theoretical and applied linguistics,Institute of scientific information on social sciences RAS Sb. nauch. trudov. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. jazykoznaniia; Redkol.: Kubriakova E.S., Luzina L.G.- Ser. Teoriia i istoriia jazykoznaniia 2 Institut jazykoznaniia RAN, Otdel teoreticheskogo i prikladnogo jazykoznaniia,Institut nauchnoy informacii po obshhestvennym naukam RAN, M. 2006, 161 p.
6. Berezin F.M. Istoriia russkogo iazykoznaniia. [The history of Russian linguistics]. Uchebnoe posobie dlia filologicheskikh special'nostey. M.: Vysshiaia shkola, 1979–223 s.
7. Boldyrev N.N. Kategorial'ny uroven' predstavleniia znaniy v iazyke: modusnaia kategoriia otritsaniia [Categorical level of knowledge representation in language: the modus category of negation] //Kognitivnye issledovaniia iazyka. Vyp. VII. Tipy kategoriy v iazyke: sb.nauch.tr., gl.red.serii E.S. Kubriakova, otv. red.vyp. N.N. Boldyrev [Categorical level of knowledge representation in language: the modus category of negation] //Cognitive studies of language. Vol. VII.Types of categories in language: Collection of papers /E.S.Kubryakova, N.N. Boldyrev. Moscow-Tambov, 2010. P. 45-59.
8. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedenie – proshloe, nastoiashchee i budushchee [Terminology-past, present and future] // Terminovedenie: ucheb. posobie. M: Akademiia, 2008. 304 s.
9. Grinevich S.V., Nosovich Ja. F., Sorokina Je.A. Iazyk kak sredstvo poznaniia i evoliutsii cheloveka (k 10-letnei godovshchine poiavleniia antropolingvistiki). [Language as a mean of cognition and human evolution (10-th anniversary of anthropolinguistics as science)]. Vestnik MGOU, 2014. №5. s.12-24.
10. Grinev S.V., Sorokina Je.A. O sovremennykh metodakh lingvisticheskikh issledovaniy [On modern methods of linguistic research] //Vestnik MGOU, ser. Lingvistika. Vyp.1. M., 2010. s. 21-24.

11. Dem'iankov V.Z. Iskusstvennyy intellekt [Artificial intellect] // Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov (KSKT). S.37-42. Kognitivnaia semantika // KSKT. S. 73-74.
12. Dem'iankov V.Z., Kubriakova E.S. Kognitivnaia lingvistika [Cognitive linguistics] //KSKT, M. 1996. S.53-55. Kognitivnaya revoliutsiia, kognitivnyi povorot// KSKT.S. 69-73.
13. Zabolotkina V.I. K voprosu o kognitivnoy neologii [On the question of cognitive neology] // Gorizonty sovremennoy lingvistiki. Traditsii i novatorstvo: sb. v chest' E.S. Kubriakovoy [Horizons of contemporary linguistics. Traditions and innovation: proceedings in honor of E. S.Kubryakova]. M: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2009. S. 337-349.
14. Zabolotkina V.I. Pragmatika novogo slova// Slovo i smysl [Pragmatics of a new word// Word and meaning], RGGU, 2012. S. 109-125.
15. Zvegincev V.A. Istoriia iazykoznanii XIX-XX vekov v ocherkakh i izvlecheniakh [The history of linguistics of XIX – XX centuries in the essays and extracts. In two parts.] Chast' I, 1964, chast' II, 1965, M.: «Prosveshchenie».
16. Ivanov N.V. Antinomii interpretatsii: nachala analiza [Antinomy of interpretation: the beginning of the analysis] //Vestnik MGU. Seriya 22.Teorii perevoda. 4, 2015.
17. Iovenko V.A. K stanovleniiu nauki o perevode [On the formation of the science of translation] //Nacional'no-kul'turnoe mirovidenie v perevodcheskom izmerenii [National cultural worldview in the translation dimension]. M.: MGIMO, 2013. 218 S.
18. Kubriakova E.S. Kognitivnaia nauka/kognitivnye nauki. Kognitivnaia obrabotka iazykovykh dannykh [Cognitive science/cognitive sciences. Cognitive processing of language data //Concise dictionary of cognitive terms (KSCT)]// M.: Izd-vo MGU, 1996. s. 58-66.
19. Kubriakova E.S. Kontsept. Kontseptualizatsiia // KSKT. s. 90-94. Kategorizatsiia. Kategorija //KSKT, s. 42-47. Kognitivizm // KSKT, s. 47-49. Kategorii i koncepty. Rol' iazyka v poznanii mira [Concept. Conceptualization. //KSCT. p. 90-94. Categorization. Category // KSCT, pp. 42-47. Cognitivism //KSCT, pp.47-49. Categories and concepts. The role of language in understanding the world // Kubryakova E. S. Language and knowledge: on the way of getting knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view // Kubriakova E.S. Iazyk i znanie: Na puti polucheniia znaniy o iazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochkoi zreniia./ Ros. akademiia nauk. In-t iazykoznaniiia. M.: Iazyki slavianskoy kul'tury, 2004. Inferentsiia // KSKT. S. 33-35. Semeinoe ili famil'noe skhodstvo// KSKT. S. 170-172.
20. Lejchik V.M. Terminovedenie. Predmet. Metody. Struktura. [Terminology. Object. Methods. Structure].5th ed., M.: “Librokom URSS”. 2009, 2012. New in the problems of terminology (beginning of XXI century)//Language culture of speech communication, №1, 2013.
21. Novodranova V.F. Klassifikatsiia znaniy i kanaly ikh polucheniia v special'nykh oblastiakh nauchnoy deiatel'nosti (na materiale formirovaniia meditsinskoy terminologii) [Classification of knowledge and the channels of obtaining it in special areas of scientific activity (on the basis of the medical terminology). Collection of articles in honor of the anniversary of O.V. Alexandrova. Concepts and anticoncepts and their representation of the language means/ // Sb. nauch. trudov. Vyp.1. Moskva-Tambov, 2009. S.140-145.
22. Stepanov Ju.S. V trekhmernom prostranstve iazyka: semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva [In three-dimensional space of language: semiotic problems of linguistics, philosophy and art], 2-ed. /V.P. Neroznak. M: Knizhny dom «Librokom», 2010.
23. Stepanov Ju.S. Osnovy obshchego iazykoznaniiia [Foundations of general linguistics]. M.: Prosveshchenie, 1975. 271 s.
24. Stepanov Ju.S. Semantika [Semantics]// //Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic dictionary] (LJeS). Gl. red. V.N. Iartseva. M.: «Sovetskaia entsiklopediia», 1990. s. 438-440.
25. Torsueva I.G. Teoriia intonatsii kak chast' obshchey teorii iazyka [Theory of intonation as part of a general theory of language// // Voprosy iazykoznaniiia [Questions of linguistics (Voprosy yazykoznaniiia)]. 1984, №1. S.116-126.
26. Torsueva I.G. Kontekst [Context] // LJeS. M.: «Sovetskaja enciklopediia», 1990. s. 238-239.
27. Torsueva I.G. Sverhtekst i urovni analiza poeticheskogo teksta [Supertext and levels of analysis of the poetic text //Sb. nauch. trudov Moskovskogo gos. in-ta inostrannykh iazykov im. M.Toreza. Vyp. 307 [Proceedings of the Moscow State Institute of foreign languages], Issue 307: problems of poetic speech, M., 1988.
28. Uluhanov I.S. O lakunakh v sisteme iazyka. Slovoobrazovanie. Morfonologiya. Leksikologiya [On the gaps in the language system. Word-formation. Morphology. Lexicology]//Selected works on the Russian language //Izbrannye raboty po russkomu iazyku. M.: LOGOS, 2012.
29. Ufimtseva N.V. Stanovlenie simvolicheskoy funktsii v ontogeneze [Formation of symbolic function in ontogenesis // Linguistic consciousness: dynamics and variability // Jazykoe soznanie: dinamika i variativnost'. M.: In-t iazykoznaniiia RAN, 2011. s. 81-107. Arheologiya iazykovogo soznaniia [Archeology of linguistic consciousness] //Language. Consciousness. Culture: Collection of articles, //Iazyk. Soznanie. Kul'tura: sb. statei pod red. N.V. Ufimtsevoi, T.N. Ushakovoi. M., Kaluga, In-t iazykoznaniiia RAN, 2005.

About the author:

Tsybova Irina A. – Doctor of Philology, Professor, senior scientific researcher. Department of French, MGIMO University (Moscow, Russia). E-mail: ia.tsybova@gmail.com.

* * *

Уважаемые читатели!

Подписаться на наш журнал можно по полугодиям в дни открытия подписки
в почтовых отделениях России и стран СНГ.

Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» **80991**.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № 4 (16) 2018

Главный редактор: В.А. Иовенко.

Корректурa: Т.А. Ивушкина

Компьютерная верстка: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 01.12.2018 г. Формат 60x84¹/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 17. Тираж 500 экз. Заказ 1666.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России:
119454, Москва, пр. Вернадского, 76.